

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el país y el mundo •

- ЭПОХА ВЕЛИКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ
- МЫ УСТАЛИ НАДЕЯТЬСЯ
- ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ ПАРТИЯ
- ЭВАКУАЦИЯ ИЗ АФГАНИСТАНА: КОММУНИСТЫ — ВПЕРЕД
- ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЙ БУДДА
- ГЕЙДАР АЛИЕВ СЛЕЗАЕТ С КОНЯ
- СВОБОДНЫЙ РЫНОК — БАЗИС ДЕМОКРАТИИ
- ТУНЕЯДЕЦ КАРЛСОН И КОСМОПОЛИТ ЧЕБУРАШКА
- МЯСО ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
- ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ЮЛИАНА СЕМЕНОВА
- БЕРИЯ КАК ИСТОРИК
- ЛАГЕРЬ ДЛЯ АЛКОГОЛИКОВ
- СЭР ИСАЙЯ БЕРЛИН ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ
- ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского и Бориса Хазанова. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: В.Кучинский, Е.Эткинд (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 106 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 116 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

Политический дневник	1
Вести из СССР	12
<i>Р.Бахтамов.</i> Это простое обстоятельство	19
<i>А.Алтунян, В.Недобора.</i> Главный враг перестройки	29
<i>М.Беляков.</i> Облегчить контакты между людьми. Что это значит?	31
"Наше молчание делает нас сообщниками погромщиков"	35
<i>А.Зверев.</i> Открывая чистую страницу	37
<i>Ю.Самодуров.</i> Осуществима ли перестройка совести?	45
<i>Аврагамов.</i> Искусство пережить	48
<i>Ф.Розинер.</i> О возрождении страны	50
<i>Г.Кашлинская.</i> Стройка и перестройка	60
<i>Г.Давыдов.</i> ЛТП	66
<i>В.Иофе.</i> "Покаяние"	73
<i>А.Антонов-Овсеенко.</i> Его книга	77
<i>Ли Шаомин.</i> Путь к свободе	84
Рецепт Деминга и японская перестройка. Беседа с М.Трайбусом	91
<i>Е.Гессен.</i> От Дня президента до Дня Советской Армии	96
<i>Д.Толмазин.</i> Теперь там так носят	100
<i>М.Поповский.</i> Гонорар за убийство	103
<i>Э.Уильямс.</i> Кризис гетто	107
<i>П.М.</i> Все не так просто	109
<i>И.Ефимов.</i> Стихи как отдых от философии	111
"Теперь меня там нет..." <i>Иосиф Бродский</i> — <i>нобелевский лауреат</i> ...	120
<i>Исай Берлин.</i> Только прошлое что-то значит	121
<i>В.Войнович.</i> Виктор Платонович Некрасов	129
Из газет	135
<i>Ю.Колкер.</i> "Живут и исчезают человеки"	135
<i>О.Баталин.</i> Пока не требует поэта... ..	139
<i>Г.Андреев.</i> Скептицизм, основанный на точном анализе	142
<i>Р.Б.</i> Концы и начала	143

СТРАНА И МИР

IV год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

ЧЕРНОБЫЛЬ НАПОМИНАЕТ

Полтора года прошло после чернобыльской трагедии, о которой столь много писал наш журнал. Страсти угасли, катастрофа начинает забываться. Но забывать рано. Как мы уже не раз отмечали, длинная тень Чернобыля протянется еще в XXI век. И природа об этом напоминает.

В советской прессе трудно найти публикации результатов измерений радиоактивного заражения различных продуктов питания. Удивительно, если бы было наоборот. "Паника" — вот то, чего больше всего боятся власти, да и продуктов питания не так уж много, чтобы делить их на "чистые" и "нечистые". Нет острой лучевой болезни — и ладно. А виновника рака в каждом конкретном случае установить все равно не удастся.

Правительства западно-европейских стран более внимательны к здоровью своих сограждан, а там, где они своими обязанностями пренебрегают, им о них напоминают общественные организации, которые на Западе имеют легкий доступ и к счетчикам Гейгера, и к газетам.

До сих пор по всей территории Западной Европы обнаруживаются очаги радиоактивного заражения. Уровень радиоактивности пищевых продуктов в них значительно выше норм, принятых

в странах Европейского экономического сообщества. Зараженными оказываются самые разнообразные продукты: французские грибы, английская баранина, оленина из Швеции, финская рыба и даже лесные орехи из Турции.

Согласно данным Французского независимого регионального комитета по информации о радиоактивности (CRII—RAD), базирующегося в Монтелимаре (юго-восточная Франция), многие виды лесных грибов, играющих столь большую роль во французской кухне, заражены радиоактивным цезием—137. Зараженность меняется в зависимости от типа гриба, района, характера почв. В одной из проб грибов-моховиков был зарегистрирован уровень радиоактивности 2450 беккерель/кг свежих грибов (1 беккерель — это один гамма-распад в секунду). Нормы ЕЭС допускают уровень радиоактивности не более 600 беккерель/кг.

10 кг свежих грибов — это примерно 1 кг сухих. Радиоактивность при высушивании, естественно, не уменьшается, так что для сухих грибов радиоактивная загрязненность составляет 24 500 беккерель/кг. "Это далеко не безобидная величина, — говорит эксперт CRII—RAD Кристиан Курбон. — Я лично в этом году воздерживаюсь от грибов". CRII—RAD критикует правительство, которое пытается приуменьшить опасность ситуации.

Хотя не все грибы заражены так сильно, как моховики, все же из 200 видов грибов, обследованных CRII—RAD, большинство имели радиоактивность выше допустимой. Среди них лисички, белые грибы из Перигора и Бордо, зонтичный гриб, сморчки. Трюфели, однако (они рас-

тут под землей), оказались свободными от радиоактивности.

В целом грибной урожай этого года оказался более радиоактивным, чем прошлого. Видимо, это объясняется тем, что листва с осевшей на ней радиоактивной пылью опала осенью 1986 г. Эта подгнившая листва и создала питательную среду, на которой вырос урожай нынешнего года.

В Бонне министерство окружающей среды в сентябре выпустило официальное предостережение гражданам быть осторожными с употреблением грибов, ввиду их возможной радиоактивной зараженности. Конечно, и тут радиоактивность распределена неравномерно. В южной Германии, например, повышенная зараженность была обнаружена в сморчках. Михаэль Шререн, представитель партии Зеленых, подчеркивает: "Для правительства выпустить пусть даже самое осторожное предостережение — это уже много. С самого момента аварии оно пыталось приуменьшить риск".

В Англии зараженной оказалась баранина. Согласно данным министерства сельского хозяйства, в Северном Уэльсе и в Кумбрии 475 тысяч овец не могли быть забиты в октябре, так как они питались на пастбищах, трава которых оказалась сильно зараженной, и их мясо непригодно в пищу.

"Пятна зараженности обнаруживаются по всей Западной Европе, — говорит Энтони Брентон, эксперт ЕЭС по вопросам окружающей среды в Брюсселе. — Это вызывает беспокойство, последствия оказываются значительно более длительными, чем мы ожидали". Ему вторит Уолтер Паттерсон, проживающий в Англии канадский физик-ядерщик: "Радиационные эффекты длятся гораздо дольше, чем кто-либо считал возможным. Ожидалось, что радиоактивность будет скоро смыта с поверхности, но этого не произошло. Пути, по которым радиоактивность внедряется в пищевые цепочки, оказались непредсказуемыми, и правительства не были готовы к таким масштабам и длительности загрязнения".

Директор Шведского национального института радиационной защиты заявил, что измерения на контрольной группе из 40 человек, которые проводятся с самого момента катастрофы, показывают, что количество радиоактивных веществ, накопленных в организме, значительно возросло. В результате естественной радиоактивности в теле среднего взрослого человека уровень радиации составляет 7000 беккерелей. Чернобыль добавил (к настоящему времени) еще 600. Что касается Лапландии, то в ряде мест повышение оказалось несравненно более сильным — до 100 000 беккерелей. Лапландцы получают свою радио-

активность из оленьего мяса (олени поедают зараженный ягель и ягодники), а также из озерной рыбы.

Из-за неожиданно большой длительности последствий Чернобыльской катастрофы Европейское экономическое сообщество намерено обновить чрезвычайную систему контроля за пищевыми продуктами, срочно введенную в действие после катастрофы. Срок ее заканчивается в конце октября, и ее заменит система постоянных мер обеспечения безопасных уровней радиации для всех видов пищевых продуктов. Общий рынок, беспрепятственное движение товаров между странами требуют, чтобы нормы и методы контроля во всех странах ЕЭС были едиными. Каковы будут эти нормы и методы — эксперты пока еще не установили, но сейчас этот вопрос обсуждается.

Интересно: обсуждается ли он в СССР, и нельзя ли гражданам узнать результаты этого обсуждения? ●

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

ЮГОСЛАВИЯ: ЖИЗНЬ ПО ФАЛЬШИВЫМ ВЕКСЕЛЯМ

В сентябре этого года финансовый и экономический скандал, нараставший в Югославии уже с января сего года, достиг своей кульминации: ввиду неизбежных грядущих разоблачений был вынужден подать в отставку вице-президент Югославии Хамдия Поздерац, которому в мае будущего года предстояло стать президентом (в Югославии существует коллективное президентство, президенты сменяют друг друга по ротации каждый год).

Отставка Поздераца — событие небывалое в истории коммунистической Югославии. Долгое время высшее партийно-государственное руководство этой страны (как и любого другого социалистического государства) обладало иммунитетом против критики и преследований по закону. Теперь времена изменились. Вслед за вице-президентом ушел в отставку Метод Ротар, директор Люблянского Банка, одного из крупнейших государственных банков Югославии. Восемь человек арестованы, ожидается еще несколько десятков арестов. Десятки человек исключены из Союза коммунистов.

Ходили упорные слухи, что предстоит падение и председателя союзного исполнительного веча

Бранко Микулича, но, по крайней мере пока, югославский премьер, по-видимому, выжил. Однако все руководство страны находится в состоянии, близком к полному развалу. Происшедший финансово-экономический скандал ярко высветил болезни югославской экономики, полное отсутствие разумного руководства со стороны партийных боссов, которые думают прежде всего о собственных карманах, а уж потом о стране (если думают вообще).

Это публичное вскрытие язв экономики произошло куда как не ко времени — как раз тогда, когда руководство Югославии пытается убедить иностранных кредиторов отсрочить выплату долгов, которых у Югославии уже накопилось на 19 миллиардов долларов. Платить нечем. Югославские рабочие, работающие в странах Западной Европы, прежде всего в ФРГ, и посылающие своим семьям заработок в валюте, в этом году переводят домой на 30% меньше денег, чем в прошлом, 1986 г. Доходы от туризма упали. Долгое время поддерживалась видимость положительного торгового баланса, но это лишь видимость: баланс этот обеспечивается лишь за счет торговли с Советским Союзом (положительное сальдо в 1,3 миллиарда долларов), который, увы, в валюте не платит, и с Третьим миром (2 миллиарда), который не платит вообще. Так что кредиторов успокоить нечем.

Скандал высветил также крах социальной системы. В откровенном интервью накануне отставки Поздераца премьер Микулич заявил, что теперь стало вполне ясно, что югославское общество нуждается в быстрых и коренных реформах. "У нас нет пристойной финансовой системы. Наша правовая система попросту не работает, — сказал Микулич. — То, что произошло, оправдать невозможно". Язык нынешних югославских руководителей сейчас столь же, если не более, энергичен, как и язык М.Горбачева. Неудивительно — ситуация в обеих странах сходна.

Что же именно произошло? В январе 1987 г. после пожара на одном из складов гигантской государственной фирмы Агрокомерц в Боснии — Герцеговине полиция во время инспекционного расследования обнаружила в бухгалтерских книгах фирмы несколько фальшивых векселей. Началось следствие, которое сначала не привлекло общественного внимания, пока 15 августа на первой полосе газеты "Борба" не были опубликованы сенсационные разоблачения, основанные на информации, просочившейся из государственных и партийных источников. За "Борбой" в разоблачение включились и прочие югославские

газеты и журналы. В результате скандала директор Агрокомерца Фикрет Абдич, полный состав совета управляющих фирмы и руководство местного отделения Привредна Банка были уволены. Абдич и еще семь человек были арестованы по обвинению в "контрреволюционной деятельности".

Агрокомерц имел свою штаб-квартиру в маленьком городке Велика Кладуша в республике Босния — Герцеговина. Номинально государственное предприятие, Агрокомерц был фактически частной империей местного партийного босса Фикрета Абдича, который возглавлял фирму с 1967 г. Абдич был также членом республиканского ЦК Союза коммунистов.

Под руководством Абдича Агрокомерц вырос от небольшого молочного заводика до гигантского концерна, на котором работало 13 500 человек. В 1985 г. концерн выпустил на 70 миллиардов динаров (что соответствует 183 миллионам долларов) различной продукции — от разделанных цыплят до замороженного теста. Агрокомерц преобразил бедную деревушку Велика Кладуша в процветающий город с населением в 10 тысяч человек.

Абдич руководил фирмой как единоличный владелец со своей роскошной виллы на берегу Адриатики, где он жил, окруженный многочисленными телохранителями и секретаршами. Как стало известно в результате расследования, Абдич финансировал свою империю путем мошенничества. По крайней мере с 1983 г. (а видимо, и раньше) Абдич вынуждал местное отделение государственного банка Привредна Банка обеспечивать фальшивое покрытие выпускавшихся фирмой Агрокомерц непокрытых векселей. Всего было выпущено фальшивых векселей на сумму до 900 миллионов долларов. Полученные таким незаконным путем средства Абдич вкладывал в свои амбициозные проекты: в рамках Агрокомерца был создан центр ЭВМ, завод по фасовке мяса, город Велика Кладуша был перестроен и изукрашен, был сооружен олимпийских размеров плавательный бассейн, гигантский универсам, где продавались исключительно импортные товары. Все это хорошо. Только платили за это несуществующими деньгами.

Когда грянули разоблачения, Абдич, которому уже нечего было терять, заявил в интервью агентству ТАНЮГ, что главными покровителями Агрокомерца были вице-президент Хамдия Поздерац и его брат Хакия. Оба они сделали партийную карьеру в Боснии, оба были близкими приятелями Абдича. Следствию предстоит еще установить степень личной вовлеченности обоих.

Вице-президент Хамдия Поздерац после отставки

Но уже сейчас известно, что прокуратура возбудила около 100 дел, в основном против местных партийных руководителей Боснии. 50 человек изгнано из Союза коммунистов.

Разоблачение аферы Агрокомерца оставило в руинах всю банковскую систему Югославии. Векселя Агрокомерца принимали 63 банка, включая крупнейший банк страны, Люблянска Банка. Его директор Ротар уже ушел со своего поста. Скоро покатаются и другие головы. Кредиторы Агрокомерца сейчас пытаются получить хоть что-то по векселям, которые не стоят бумаги, на которой они напечатаны. Но безуспешно. Правительство не намерено бросать им спасательных кругов и планирует в полной мере применить новый суровый закон о банкротстве, как раз вступивший в действие (очень своевременно!) в августе этого года. Оскар Ковач, главный экономический советник премьера Микулича, заявил: "Правительство не будет вытаскивать никого. Сколько и какие банки и фирмы обанкротятся — решит суд".

Скандал Агрокомерца — это, видимо, только начало бури. Вызванная им цепь расследований выявила, что в 1986 г. около 2300 югославских фирм выпустили непокрытые векселя на сумму в 31 миллиард динаров (82 миллиона долларов). Экономисты считают, что на самом деле фирм-жуликов еще больше (сумма фальшивых векселей в 1986 г. оценивается в 9 миллиардов долларов), и преступники еще не пойманы только из-за сильных покровителей на самом вершине. Мошенничество в последние годы приняло лавинообразный характер. Еще в 1985 г. мошеннича-

ли "всего" 760 фирм (фальшивые векселя "всего" на 6,6 миллиарда динаров), в 1986 г. сумма поднялась до 31 миллиарда (всюду речь идет только о тех, кого поймали), в текущем году пустых векселей выпущено еще больше. Этот приток бумажной валюты и вызвал сумасшедшую инфляцию, которая сейчас составляет 117% в год.

Премьер Микулич и его экономические советники сейчас в трудном положении. Микулич стал у власти в мае 1986 г. и имел репутацию сильного руководителя. Но его планы наведения экономии, борьбы с инфляцией, укрепления центрального руководства провалились. Со времени его прихода к власти инфляция выросла наполовину, а доход граждан упал более чем на треть. Попытки Микулича выправить положение, например, путем ликвидации внутренних торговых барьеров, были торпедированы парламентом, Скупщиной, где каждая из республик и краев имеет право законодательного вето.

Следствием экономического кризиса явился и социальный. Недовольные резким падением жизненного уровня, более чем 120 тысяч югославских рабочих с февраля этого года провели свыше 900 забастовок. Что касается скандала с Агрокомерцем, то большинство населения восприняло его с радостью, надеясь, что вызванная им перетряска поможет очистить общественную систему, улучшить ситуацию с гражданскими правами в стране, содействовать развитию подлинной гласности. Вопрос в том, не слишком ли уже поздно.

Один из западных дипломатов в Белграде так подытожил сложившуюся ситуацию: "Этот скандал — возможно, последний для Югославии шанс навести в своем доме порядок. Даже если это удастся сделать, то положение, прежде чем улучшиться, сначала будет ухудшаться. Но если не удастся, то дела пойдут все хуже, и хуже, и хуже..." ●

АЗИЯ

ЖАРКОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ

Несмотря на объявленное кабульским правительством "прекращение огня" ("Страна и мир", № 1, 1987 г.), война в Афганистане не затихает ни на час. Муджахидины, как известно, сразу же заявили, что любые предложения о прекращении огня могут быть рассмотрены только после

полного вывода советских оккупационных войск. Между тем 115 тысяч советских солдат все еще на месте, погибшие и частично (с помпой!) выведенные возмещаются свежими войсками. Но даже с помощью 50-тысячной кабульской армии сделать ничего не удастся: до "заминирования" так же далеко, как и в начале войны.

Более того, сейчас в ходе войны наступил неожиданный, но крутой поворот: партизаны получили современное, пусть самое простое, но все же современное оружие: американские противозвоздушные ракеты Stinger с термонаведением и английские Blowpipe с оптической наводкой. Портативные ракеты, запускаемые с плеча, буквально изменили ход войны.

Советские войска теперь лишились своего главного преимущества — господства в воздухе. С появлением ракет Stinger небеса над оккупированной землей перестали быть безопасными, и это вынудило советское командование изменить тактику. Резко сокращено число операций с использованием засад на путях передвижения партизан, поскольку такие операции требуют оперативной переброски войск на вертолетах, а те, летящие на небольшой высоте, становятся легкой жертвой противозвоздушных ракет. Бомбардировки приходится проводить с высоты более 3 км: безопасность увеличивается, но точность бомбометания резко снижается. Участие боевых вертолетов в поддержке советских и кабульских войск во время наземных сражений также сильно сократилось.

Штурмовая, бомбардировочная и транспортная авиация теперь должны действовать крайне осторожно. Партизаны с ракетами подбираются к самым аэродромам и ловят самолеты на наиболее уязвимых участках — на взлете и на посадке. На аэродроме Кандахара, расположенном в самом центре района боевых действий, можно наблюдать, как подлетающий самолет, пренебрегая правилами безопасности при посадке, круто "ныряет" вниз, чтобы проскочить опасную зону.

По данным муджахиддинов, за прошлый год было сбито около 450 советских военных самолетов и боевых вертолетов. Некоторые наблюдатели считают эту цифру завышенной, но сходятся на том, что потеря одной боевой машины в день — цифра вполне реалистическая.

23 августа около 35 афганских пилотов на военно-воздушной базе Баграм устроили "забастовку", отказываясь от боевых вылетов из-за страха перед ракетами. Между афганскими и советскими частями произошло столкновение, в ходе которого 15 самолетов было выведено из строя на земле.

Эффективность ракет Stinger весьма высока:

около 80%. Что еще важнее, они очень мобильны — идеальное оружие партизанской войны. Пока еще их немного, да и пользоваться ими могут лишь тренированные бойцы. Но территория, где применяются ракеты, непрерывно растет: появившись сначала в восточных районах, близ границ с Пакистаном, ракеты сейчас широко используются и на северном театре военных действий, а в той или иной степени — по всему Афганистану.

Ожидается, что партизаны скоро получат и другое важное для них оружие: современные миноискатели, которые позволят им нейтрализовать советскую тактику минирования путей передвижения муджахиддинов, дальнобойную артиллерию, способную с большого расстояния поражать советские гарнизоны. Советскую армию ждут еще большие потери.

Новое оружие, видимо, придало партизанам и новую уверенность в своих силах. Впервые они начали одерживать верх и в открытых сражениях. По мнению Гульбиддина Хекматиара, руководителя Хезб-и-Ислами, одной из исламских групп сопротивления, потери советских войск за последние несколько месяцев были столь велики, что они, видимо, будут не в состоянии осуществить в будущем году свое традиционное весеннее наступление.

Советские войска сейчас фактически держат под контролем лишь 3–4 крупных города, в первую очередь, Кабул, почти полностью утратив контроль над сельской местностью. Но и это достигается немалой ценой. Кабул окружен укреплениями, набит танками и артиллерией. С заката до восхода солнца над городом, словно фейерверки, взлетают ракеты. Одна из целей этой пиротехники — отвлечение Stinger'ов с термическими датчиками от взлетающих и садящихся на кабульском аэродроме самолетов, доставляющих свежие войска и снаряжение.

Но и под столь мощной защитой советским солдатам, дипломатам и советникам в Кабуле живется несладко. Поодиночке ходить в город или на знаменитый базар не рекомендуется. Если удастся избежать прямого нападения, то уж оскорбительные выкрики или плевков — дело неизбежное. Западные дипломаты в Кабуле делают все, чтобы и внешне отличаться от "шурави" и не получить неза заслуженные плевки. Американский поверенный в делах носит стетсоновскую шляпу с широкими полями и ковбойские сапоги. Англичане приклеивают "Юнион Джек" на ветровое стекло джипов. Многие отрачивают бороды.

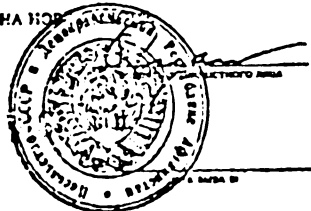
В сентябре появилось еще одно свидетельство неуверенности, которую испытывают советские оккупанты и их кабульские марионетки. Муджахиддины из отряда командира Абдул Хака из

ДОПУСК НА ВНЕОЧЕРЕДНУЮ ЭВАКУАЦИЮ

ТОБ _____

ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ПРАВО НА
ВНЕОЧЕРЕДНУЮ ЭВАКУАЦИЮ ВОЗДУШНЫМ
И НАЗЕМНЫМ ТРАНСПОРТОМ С СОХРАНЕНИЕМ
ВСЕХ ЛЬГОТ НА ПОЛУЧЕНИЕ ЖИЛЬЯ
И ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ ПО ПРИБЫТИЮ
НА НОВ _____

группы Хезб-и-Ислами захватили в провинции Нанграхар машину, в которой сжала группа афганцев из числа тесно связанных с органами безопасности. В машине был обнаружен чemoданчик-"дипломат" с большой пачкой весьма любопытных бланков. Это были "Допуски на внеочередную эвакуацию", напечатанные на русском и на языке дари, одним из основных языков в Афганистане. "Допуски" нумерованные — очевидно, учитывалось, что при возникновении необходимости "внеочередной эвакуации" спастись смогут лишь наиболее "достойные", а остальным придется полагаться на самих себя. На "допусках" стоит печать советского посольства в Кабуле. На обратной стороне напечатан план с указанием мест в Кабуле, куда следует являться для эвакуации: дом советско-афганской дружбы в Катарджаре и школа Аmani в Карта Вали. Беженцам разрешается взять с собой не более 10 кг багажа, но запрещено брать оружие и пищу. Что ж, чем скорее придется пустить такие "допуски" в дело, тем лучше для обеих сторон — и СССР, и Афганистана.

Между тем переговоры в Женеве между Афганистаном и Пакистаном, ведущиеся под эгидой ООН, зашли в тупик. Посредники ООН в ярости от поведения кабульской стороны: "они попросту используют нас в целях пропаганды", — говорят они. Афганский министр иностранных дел

جواز عبور

دارنده این جواز و نامش
اجازه دخول به میدان
نظامی را دارنده
طبق دستور صادره
در محل مکتب اداری
در کارته و لی ویادر محل
خانه دوستی شوروی در
کارته چهار جیب و شوروی
در مسافر فتنه اجازه حمل
یک کتبی به خود
اکثر وزن ده کیلو را دارد
از داشتن اسلحه و مواد
خبرگی خود داری نداشتید

Якуб Хан с ними согласен. Во всяком случае, после раунда переговоров 7–10 сентября новой даты встречи не назначено.

Сентябрьская встреча была проведена по требованию афганского министра иностранных дел Абдул Векиля "для внесения новых предложений". Однако "предложение" состояло лишь в снижении срока вывода советских войск с 18 до 16 месяцев (Пакистан, ранее настаивавший на 7 месяцах, сейчас соглашается на восемь). Сроки вывода войск имеют существенное значение. С начала вывода войск поставки оружия партизанам должны прекратиться. Это значит, что чем дольше будет происходить вывод, тем большую фору во времени получит кабульский режим, чтобы изменить военную ситуацию в свою пользу. Продолжение боев в течение столь длительного времени неблагоприятно скажется и на возвращении 5 миллионов беженцев, находящихся сейчас в Пакистане и Иране. Так что Пакистан имеет все основания настаивать, чтобы срок вывода советских войск был минимальным.

Наджиб тем временем пытается продолжать играть роль человека, стремящегося к "национальному примирению", защитника ислама и "исторических, национальных и культурных традиций". Наджиб готов даже допустить в будущее правительство представителей муджахидинов — при сохранении, однако, ключевых постов

в руках коммунистов. Однако и лично Наджиб, и его окружение имеют мало шансов на то, чтобы к их предложениям отнеслись серьезно. "Если бы эти шаги были предприняты четыре или хотя бы два года назад, дело пошло бы по-другому, — сказал в Кабуле один восточноевропейский дипломат. — Сейчас же обе стороны разделяет слишком глубокая пропасть". То же самое, но более резко, выразил повстанческий лидер Гульбиддин Хекматиар: "После всех жестокостей и зверств, которые эта партия совершила в Афганистане, как можно позволить ей участвовать в политической борьбе?"

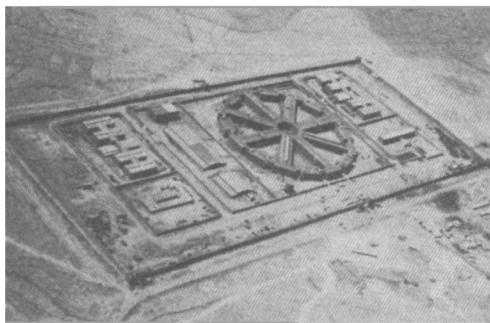
Жестокости и зверства продолжают и сейчас, в период "национального примирения". Не говоря уже об изуверских методах ведения войны, отметим продолжающуюся практику политических репрессий, набитые до отказа тюрьмы, жестокие пытки. Десятки тысяч политзаключенных находятся в тюрьмах по всей стране. В одном Кабуле около 250 больших и малых "центров изоляции", из них 16 принадлежат службе безопасности ХАД.

Особенно печальную известность приобрела кабульская тюрьма Пул-э-Чарки, в которой содержится от 23 до 30 тысяч заключенных. Тюрьма перенаселена: номинальная ее вместимость не превышает 5 тысяч. В тюрьме 12 блоков. Блоки I и II известны как блоки ХАД. Все блоки, кроме блока IV, используются для содержания политзаключенных. Камеры, как правило, велики: от 50 до 100 человек в каждой, но есть и одиночки.

Около 4,5 тысячи заключенных Пул-э-Чарки больны туберкулезом. 7 600 человек имеют психические расстройства. Практически все страдают теми или иными заболеваниями, по существу их не лечат. Не получают медицинской помощи и жертвы средневековых пыток.

Пытки в Пул-э-Чарки — вообще рутинный метод допроса. В допросах почти всегда участвуют советские "специалисты", однако, как единогласно утверждают бывшие политзаключенные, сами они не пытаются: они "лишь" ставят вопросы, на которые необходимо получить ответ.

Помимо "обычных" избиений ногами, палками, цепями применяется натравливание собак на заключенных; электрошок с электродами, введенными к половым органам; стояние по горло в холодной воде; лежание в голом виде на дробленом льду; содержание в темной комнате; лишение сна. Если все это не действует, заключенного пытаются в присутствии его жены или матери; либо же, наоборот, у него на глазах женщин раздевают и грозят изнасилованием.

Тюрьма Пул-э-Чарки в Кабуле.
Снимок с воздуха

В Пул-э-Чарки не проходит ни дня без казни. За время войны тут было казнено свыше 4000 человек. Из "населения" блока I — около 8% смертники. Средняя частота казней — 50 человек в неделю.

В прочих 16 кабульских "центрах" ХАД также содержатся политзаключенные, от 2 до 4 тысяч в каждом центре. Но там идет лишь "следствие" и отбываются короткие сроки. Долгосрочники и смертники направляются в Пул-э-Чарки.

Так пока выглядит на практике объявленная в стране амнистия.

В октябре "Литературная газета" напомнила январское выступление Наджиба по радио, в котором он объявил об одностороннем прекращении огня. Наджиб тогда сказал: "Я обращаюсь к афганцам, к каждой афганской семье: что принесла вам война? Разрушенные очаги. Скитания в поисках крова. Подумайте, люди, и ответьте на главный вопрос: вам нужна война? Мы предлагаем мир!"

Оставляя в стороне искренность кабульского лидера и практическую цену его слов, отметим парадоксальность самого заявления, которую Наджиб, видимо, даже и не осознает. Глава государства "предлагает мир" своим собственным гражданам, "каждой афганской семье". Что ж, это точная оценка отношений: правительство действительно воюет с народом.

Впрочем, важно не то, что говорит и делает ма-рионетка, а то, что говорят и делают кукловоды. В сентябре в Вашингтоне Шеварднадзе сказал журналистам: "мы приняли решение вывести войска из Афганистана", и это произвело сенсацию. Но дел за словами пока не последовало. В Афганистане рвутся бомбы, а на страницах советских газет звучат ура-патриотические возгласы, славящие "воинов-интернационалистов". ●

ВСПЫШКА НА ТИБЕТЕ

Трудно сказать, что было той искрой, которая зажгла огонь народных волнений на Тибете. Может быть, это была казнь двух тибетских националистов в конце сентября. Может быть, до Тибета донеслась весть о том, что далай-лама, находясь с визитом в США, призвал к выводу китайских войск из Тибета и к большей независимости этой горной страны.

Как бы то ни было, 27 сентября группа буддистских монахов в шафрановых одеждах, сопровождаемая несколькими мирянами, устроила демонстрацию у тибетского святилища — храма Джоканг. Они провозглашали: "Тибет хочет независимости!" В руках у них были флаги со священными изображениями — снежные горы и львы. Демонстрация длилась недолго. 21 монах и шестеро мирян были арестованы.

Через четыре дня, 1 октября — в день национального праздника КНР — более двух тысяч тибетцев вышли на улицы Лхасы. Во главе толпы шли монахи из монастыря Сера, к северо-востоку от Лхасы. Обитатели этого монастыря известны своим воинственным духом. Демонстрантов встретила полиция, вооруженная автоматами. Когда демонстранты попытались прорвать полицейский кордон, раздались выстрелы. Демонстранты ответили градом камней. Они окружили также здание ближайшего полицейского участка и подожгли его.

Итог столкновения: шестеро убитых, только по официальным китайским данным (по сообщениям тибетцев убито десятеро). Много раненых, в их числе и полицейские. Не менее 40 человек арестовано.

Сразу после этого столкновения китайцы стали подтягивать в тибетскую столицу под-

крепления. Из Чэнду прибыло несколько самолетов с войсками. На улицы Лхасы было выведено 300 полицейских, 20 грузовиков перегородили улицы города в узловых точках. На третьем этаже храма Джоканг разместилось 35 полицейских с автоматами. Над городом низко летали вертолеты. Громкоговорители предостерегали жителей от продолжения демонстраций. Монастыри Сера, Гэндан и Дрэпунг близ Лхасы были блокированы полицией.

У властей были причины для опасений. 7 октября исполнялась 37-я годовщина вступления китайской оккупационной армии в Тибет, и вероятность демонстраций, приуроченных к этой дате, была в создавшейся накаленной обстановке весьма велика.

Небольшая, быстро подавленная демонстрация действительно произошла 4 октября. Наконец, накануне "юбилея" 90 монахов монастыря Дрэпанг с громкими песнопениями прорвались через блокированные полицией ворота и направились к Лхасе. 30 человек было задержано по дороге, избито и арестовано. Еще 50 арестовали уже в Лхасе. Их тоже жестоко избили палками, автоматными прикладами, ремнями с тяжелыми пряжками. Избитых бросили в тюрьму, где в течение нескольких дней держали без пищи. "Если вы голодны — ешьте свою независимость", — так, по сообщениям из тибетских источников, говорили арестованным. Семеро с тяжелыми увечьями госпитализированы.

В Лхасе был установлен комендантский час. Было запрещено собираться даже небольшими группами. Маленькие скопления молодежи разгонялись при помощи водометов. Чрезвычайные меры сохранялись по меньшей мере в течение 10 дней, после чего часть арестованных — но не все — была освобождена.

Тем временем из Тибета были высланы все иностранцы — как туристы, так и журналисты. Их, разумеется, обвинили в "подстрекательстве" к антиправительственным выступлениям, в помощи демонстрантам. Один из высланных — американский врач Блейк Керр — такую помощь действительно оказывал: через его руки прошло 13 тяжело раненных демонстрантов, опасавшихся обращаться за помощью в больницы, руководимые китайцами.

Другим "естественным" объектом для обвинений в подстрекательстве стал далай-лама, 28 лет живущий в изгнании в Индии. Сам далай-лама, однако, выступая на пресс-конференции в Индии, поддержал стремление тибетцев к независимости, но тем не менее резко осудил на-

Демонстранты во время нападения на полицейский участок

силе, призвав к гражданскому неповиновению.

Такая позиция главы ламаистской церкви понятна — насилие не в традициях этой религии. Но в позициях иерархов церкви и рядового монашества наметился существенный разрыв. Монахи, особенно молодые, разделяющие судьбу своих одноплеменников, не могут не понимать их возмущения, вызванного бесправием и тяжёлым экономическим положением, в котором находится Тибет со времен китайской оккупации.

Наш журнал уже писал подробно о тибетских проблемах (см. "Страна и мир", № 8, 1986 г.). С тех пор ситуация мало изменилась. Ожидается, что с июля будущего года официальным языком Тибета станет тибетский. Что ж, лучше поздно, чем никогда, но это, кажется, единственное облегчение, которое принесла Тибету китайская "перестройка". Пересмотреть границы Тибета и вернуть отрезанные от него районы, ныне присоединённые к провинциям Ганьсу и Сычуань (и даже образовавшие целую новую провинцию — Цинхай), правительство категорически отказывается. Хотя с началом допуска туристов в Тибет началась частичная реставрация разрушенных храмов, в целом в положении религии перемен мало. Из 1500 храмов, существовавших до оккупации, сейчас открыто лишь 26. Далай-лама, духовный глава Тибета, по-прежнему в ссылке, второй лама, панчен-лама — в Пекине и заслужил прочную репутацию тибетского квислинга.

Китай заявляет, что с момента присоединения Тибета к КНР он вложил в его развитие 2 миллиарда долларов. Этому мало кто верит, но, даже если это и так, то большая часть этой суммы пошла (и идет) на содержание оккупационной армии, которая, по разным оценкам, составляет от 50 до 200 тысяч человек. На Тибет также переселено большое количество китайцев. Официальная оценка их числа — 73 тысячи, но сами тибетцы считают, что их существенно больше, и скоро китайцы будут доминировать в 2-миллионном населении Тибета. Это трудно проверить, но если учесть отторгнутые от страны районы, то в этих оценках преувеличения нет. Во всяком случае переселение китайцев в Тибет поощряется и экономически, и политически.

Экономика Тибета в упадке. Насильственно насаждаемая там культура пшеницы (вместо традиционного ячменя) даёт плохие урожаи на высокогорных плато. Месячный доход тибетца — 50 юаней (около 14 долларов), что составляет менее половины месячного дохода китай-

Обезглавленная статуя Будды
неподалеку от Лхасы

ца. Средняя продолжительность жизни на Тибете — 45 лет, в то время как в Китае — 69 лет. Неграмотность составляет 70%.

Внешний мир уделяет мало внимания Тибету. Высокопоставленные визитеры — бывший президент США Дж.Картер и канцлер ФРГ Г.Коль — старались не задавать неприятных вопросов. Администрация Р.Рейгана тоже не хочет своим вмешательством осложнять позиции реформистов в Китае. Впрочем недавно сенат США, действуя вопреки президенту, единогласно осудил Китай за нарушение прав человека в Тибете и связал возможность будущих военных поставок Китаю с прогрессом в области прав человека в этом районе. Но это, кажется, единственный голос, прозвучавший в поддержку дела тибетцев.

Волнения на Тибете, самые крупные со времени восстания 1959 г., когда далай-лама был вынужден бежать за рубеж, конечно, очень неприятны для нынешнего руководства, особенно накануне очередного съезда КПК. Не зря правительство решило проявить твердость, сокрушив сопротивление в самом начале. Оно явно боится обвинений в мягкотелости и нерешительности. Уступки в Тибете могут привести к оживлению национальных чувств и в Сицзяне, и во Внутренней Монголии.

Одновременно ведется усиленная пропаганда благоденствия, которое принесло с собою "освобождение" Тибета Китаем. Передовая "Жэнь-

минжибао" от 6 октября живописует рабское состояние, в котором жили тибетцы до прихода китайцев: им выкалывали глаза, вырывали из груди сердце, бросали в ямы со скорпионами, насиловали их дочерей. "Освобождение" с этим покончило.

Возможно. Но оно не смогло покончить с чувством униженного национального достоинства тибетцев. ●

РУССКИЕ КИТАЙЦЫ

Речь пойдет не о "харбинской эмиграции" – русских, бежавших после революции в северный Китай, осевших там, сохранивших в неприкосновенности свой язык и культуру, постепенно перемещавшихся далее – на Тайвань, в Австралию... Их скорее следовало бы назвать китайскими русскими. Русские же китайцы живут в крохотном районе вдоль реки Аргунь, которая ниже, сливаясь с Шилкой, порождает могучий Амур.

Их около 7000 человек. У них голубые глаза, светлые вьющиеся волосы, большие носы. Четвертое поколение потомков китайских поселенцев и русских женщин живет в русских бревенчатых избах, печет русский хлеб в русских печах, торжественно отмечает православную Пасху. Община образовалась примерно 80 лет назад из китайцев, работавших во Владивостоке и других городах Приморья и поселившихся затем по китайскую сторону границы со своими русскими женами. Жена одного из патриархов, древнего старца Хао Цинлина, и до сих пор почти не говорит по-китайски. Но уже их дети стали двуязычными. Женились и выходили замуж традиционно внутри общины, но двуязычие угасало. Нынешнее поколение едва-едва знает несколько русских слов. Русские китайцы пасут скот, занимаются лесоповалом, ловят рыбу в Аргуни.

В 1984 г. Пекин сделал необычный шаг: членам общины было предложено выбрать национальность – считать себя китайцами или русскими. Необычность этого шага заключается в том, что в КНР любой человек, у которого в жилах есть китайская кровь, по определению рассматривается как китаец. Свободный выбор национальности не был, например, предоставлен живущим на советско-китайской границе казахам, которые имеют куда больше оснований не считать себя китайцами. У русских же китайцев – китайской крови гораздо более, чем половина. Тем не менее, около 2000 человек сочли себя русскими. Им было разрешено посещать своих родственников за рубежом, а свыше 200 семей вообще

уехали на постоянное жительство в Австралию (где русская колония уже очень велика) и даже в Советский Союз.

Многие русские китайцы серьезно пострадали во время "культурной революции", но за последние годы власти пытаются залечить раны. В 1984 г. им было выплачено 4 миллиона юаней на покупку 1100 голов высокопородного скота. Несколько руководителей общины получили посты в местной администрации.

Что особенно важно, русским китайцам был дан официальный статус национального меньшинства. Это значит, в частности, что они будут получать специальные субсидии и компенсации за нанесенный им в прошлом ущерб.

Объяснение, видимо, состоит в том, что в последнее время все явственнее намечается улучшение советско-китайских отношений. Официальная "нормализация" откладывается, ибо Пекин считает, что для этого необходимо выполнение ряда условий: разрешение пограничных споров, вывод советских войск из Афганистана, вывод вьетнамских войск, поддерживаемых СССР, из Кампучии. Но неофициальные связи крепнут.

Растет приграничная торговля, правила навигации по Амуру и Уссури стали более гибкими и уже не приводят к конфликтам. Скоро начнет осуществляться совместный проект по снабжению ряда сибирских городов китайскими овощами. Дружественная и процветающая русская община на китайской земле может при этом оказаться очень полезной. ●

АФРИКА

ЭФИОПИЯ: СНОВА ГОЛОД

Такое уже было. В сентябре более семи тысяч эфиопских солдат маршировали по площади Революции в Аддис-Абебе, празднуя конец военного правительства, возглавляемого полковником Менгисту Хайле Мариамом, и официальное рождение Народно-демократической республики Эфиопии во главе с президентом Менгисту Хайле Мариамом (см. "Страна и мир", № 2, 1987 г.). За колоннами солдат шла армада танков советского производства, везли ракеты, катилась полевая артиллерия. Маршировали десятки тысяч мальчиков и девочек, юношей и девушек в униформе, с красными флагами и бумажными цветами в руках. Ули-

цы были украшены портретами Маркса, Энгельса и Ленина. Неоновые подписи славили родное марксистское правительство.

А тем временем на северные провинции Тигре и Эритрея опять надвигался голод.

Ровно за три года до этого, когда Аддис-Абеба пышно праздновала 10-летие свержения императора Хайле Селассие ("Страна и мир", № 9, 1984 г.), мир узнал о трагедии этой страны: катастрофическом голоде. Тогда в "лагерях голода" по всей стране ежедневно умирало 16 тысяч человек, а Менгисту распорядился до окончания торжеств хорошо питать солдат и население столицы, чтобы "слухи о голоде" не омрачали праздничного настроения.

Впрочем, одно отличие 1984 года от нынешнего есть: кажется, попыток скрыть голод не будет. Своеобразная эфиопская гласность.

Голода не ждали. Вернее ждали не ранее, чем через лет восемь. Внезапная и сильная засуха поразила северное и центральное нагорья в июне, июле и в августе. Дождей в некоторых областях было даже меньше, чем в 1984—1985 годах. В Эритрее урожай погиб полностью. В провинции Тигре погибло 75%. Население этих провинций составляет 5,1 миллиона человек.

Правительство уже запросило западные страны о поставке миллиона тонн продовольствия — лишь немногим менее, чем страна получила во время огромной спасательной операции, предпринятой в 1985 г. Эксперты считают, что правительство недооценивает серьезность ситуации.

Американское посольство в Аддис-Абебе обратилось в Вашингтон с просьбой срочно отправить в Эритрею 115 тысяч тонн продовольствия. Европейское экономическое сообщество и Всемирная продовольственная программа ООН рассматривают запрос о немедленной отправке 85 тысяч тонн продуктов. Доставка пищи непосредственно к "потребителю" в сельскую глубинку эфиопского нагорья займет около 4 месяцев. Времени в обрез. Эфиопское правительство и западные эксперты предупреждают, что если к началу года минимум 200 тысяч тонн пищи не будут получены на местах, начнется массовый голод, и миллионы голодающих в Эритрее и Тигре сдвинутся с места в поисках пищи.

Положение осложняется тем, что в Эритрее и Тигре идет война ("Страна и мир", № 3, 1987 г.), и это осложняет распределение помощи среди населения. Во время голода 1984—1985 гг. правительство намеренно задерживало поставку продовольствия в повстанческие районы, рассчитывая таким образом подавить

сопротивление. Помня об этом, Международный Красный Крест намеревается создать чрезвычайный воздушный мост прямо в Макале (провинция Тигре) и независимо контролировать распределение пищи на местах. Правительство на этот раз, видимо, не возражает.

Паника началась еще в июле. Цены на зерно и фрукты на рынке в Макале подскочили вдвое. Цена на мясо, напротив, упала, ибо крестьяне стали забивать скот, предвидя, что его будет нечем кормить.

Всем ясно, что, хотя катастрофа только надвигается, она неизбежна. Нехватка пищи в Тигре начнется в ноябре и сохранится вплоть до ноября 1988 г. Крестьяне в этих местах полностью зависят от дождей. Сельское хозяйство примитивно, удобрений нет, семенной фонд очень плох. Даже после очень хорошего урожая 1986 г. крестьянам удалось засыпать в закрома не более чем годичный запас пищи. "Нет дождя — ничего нет", — говорит Хабту Тволде, директор правительственной комиссии помощи в провинции Тигре.

Эксперты по африканскому сельскому хозяйству согласны, однако, в том, что "объективные причины" не привели бы к столь катастрофическим результатам, если бы правительство Эфиопии отступило от своей марксистской ортодоксальности и допустило в сельское хозяйство страны рыночную экономику. В последние годы многие страны "африканского социализма" — например, Танзания — отказались от социалистических экспериментов в деревне, и результаты не замедлили сказаться. Многие, но не Эфиопия.

Выступая в сентябре с речью, президент Менгисту еще раз подчеркнул, что "наши усилия по социалистическому строительству могут принести плоды только, если частный сектор в сельском хозяйстве будет заменен социалистическим". Менгисту игнорировал не только мнения западных экспертов, но и рекомендации, представленные в 1985 г. группой советников из СССР. В этих рекомендациях было откровенно сказано, что Эфиопия, вместо расширения государственных ферм и кооперативов, должна сосредоточить усилия на увеличении производительности мелких крестьянских хозяйств. Однако, если из "гласности" Менгисту уже кое-что усвоил, "перестройка" его еще не коснулась.

А пока Эфиопии предстоит новое испытание, а через несколько лет — еще и еще. Между тем население стремительно растет, растет и число голодных ртов. В стране уже 45 миллионов населения, и ежегодный прирост составляет 2,9%.

"НА ВЫУЧКУ К КАПИТАЛИЗМУ"?

Почти год прошел с того времени, когда было принято революционное в условиях Советского Союза постановление о порядке создания совместных предприятий (см. комментарий Р.Бахтамова в № 3 нашего журнала за этот год). Имелось в виду — совместных с фирмами капиталистических стран, хотя в постановлении дипломатично добавлено: "и развивающихся".

Неудивительно, впрочем, что никто еще не приступил к обсуждению возможности создания совместных советско-бурундийских или советско-непальских предприятий. Хромой не может поддержать хромого. От сотрудничества с развивающимися странами едва ли можно надеяться получить выгоду. Твердой валюты у них и самих немного, передовой технологии и того меньше, а ведь именно ради этих желанных вещей и было принято постановление. Низкий технический уровень советской промышленности не нуждается в дополнительном описании. Что касается твердой валюты, то проблема эта обострилась с резким падением цен на нефть и сокращением ее производства в СССР. Нефть давно уже является главным источником валюты для советской экономики. Чтобы компенсировать уменьшение поступлений от нефти, приходится предпринимать очень серьезные усилия, пытаюсь увеличить долю промышленных товаров в советском экспорте. Сейчас она — менее 4%, остальное приходится на сырье и полуфабрикаты.

А что же капиталисты? Как они реагируют на то, что им немного приоткрыли дверь? Спешат ли они сунуть в нее ногу?

Напомним, что у них уже был опыт. В 1921 г. Арманд Хаммер получил из рук В.Ленина первую концессию, которая, однако, просуществовала всего до 1930 г., когда Хаммера заставили продать свою долю в предприятии и уйти. Па-

мятью об этом недолгом сотрудничестве остались карандашная фабрика "Сакко и Ванцетти" и "особые отношения" престарелого американского промышленника с советскими руководителями. Однако слова В.Ленина, сказанные им А.Хаммеру в 1921 г., сегодня звучат по-прежнему актуально, как будто бы и не прошло с тех пор 66 лет: "Что нам действительно нужно, так это американский капитал и американская техническая помощь, чтобы наши колеса вертелись быстрее".

Помня о прошлом, капиталисты реагируют на советские предложения с осторожностью. Покамест со всего мира получено более 200 предложений о создании совместных предприятий. Не менее 120 из них были квалифицированы как "интересные". Относительно 40 заключены предварительные соглашения об изучении вопроса. Близка к завершению работа над тремя проектами.

Первыми были финны. Уже во время январского визита в Хельсинки Николая Рьжкова было объявлено, что "Интурист" и авиакомпания Finnair осуществят модернизацию московской гостиницы "Берлин", которая станет совместным советско-финским предприятием. Финская лакокрасочная фирма Sadolin Holmblad подписала контракт с эстонским строительным кооперативом о создании фабрики по производству защитной пропитки для деревянных конструкций.

Начало не очень впечатляющее. Скептики справедливо указывают, что в таких проектах больше видимости, чем коммерции. Того же сорта и соглашение об издании в СССР популярного западногерманского журнала мод "Burda". Но не все обсуждаемые проекты столь малы. Бизнесмены из ФРГ, похоже, хотели бы не ограничиваться модами и проявляют к советским возможностям наибольший среди западных предпринимателей интерес.

Из более чем 200 запросов о совместных

предприятиях почти сотня поступила из ФРГ. Это неудивительно. ФРГ — торговый партнер Советского Союза номер один, однако торговля между нашими странами в последние два года, с приходом к власти М.Горбачева, сильно захромала. Западногерманский экспорт в СССР в 1986 г. сократился, по сравнению с 1985 г., на 31%, или на 4,2 миллиарда марок, а в 1985 г. был тоже меньше, чем в предыдущем. Импорт из СССР в ФРГ в прошлом году упал с 10,5 до 9,3 миллиарда марок, а за первую треть текущего года сократился еще на 40,9% (экспорт — на 18,8%). Поэтому в создании совместных предприятий многие видят хороший шанс исправить положение. Среди фирм, которые проявляют интерес к советским предложениям, — обувная фирма *Salamander*, машиностроительная *Liebherr*, группа *Otto Wolff*, объединяющая около 60 средних машиностроительных и сталелитейных фирм. На промышленной ярмарке в Ганновере в апреле было подписано соглашение о совместном производстве землеройного и строительного оборудования: *Nanomag Baumaschinen Produktion & Vertrieb GmbH* будет поставлять коробки передач и кабины для водителей Челябинскому тракторному заводу. Начнется также разработка нового поколения бульдозеров, начало выпуска которых намечено на 1991 г.

Deutsche Bank подписал соглашение с двумя советскими банками об оказании помощи своим клиентам во взаимном сотрудничестве.

Аналогичное соглашение подписал и итальянский банк *Banko Nazionale del Lavoro*. Среди итальянских фирм, представивших Советскому Союзу свои предложения, крупнейшей является *Fata*. Она предлагает построить завод холодильного оборудования с объемом производства 500 миллионов долларов в год. Фирма планирует 10% продукции экспортировать из СССР, преимущественно на рынки стран Третьего мира.

Западные немцы и итальянцы оказались самыми смелыми, хотя и их смелость весьма относительна. Бизнесмены в других странах осторожнее, позиция их более выжидательна. Французские банки *Crédit Lyonnais* и *Indosuez* подписали соглашения с советским Внешторгбанком о создании совместных банков, которые финансировали бы советско-французские фирмы. Но таких фирм пока ожидается немного. *L'Oréal* интересуется созданием косметической фирмы. *Intergro* — небольшое агропромышленное объединение — тоже зондирует почву. Впрочем, возможно, окажутся успешными переговоры с национализированной ком-

панией *Thomson* о совместном производстве телевизоров.

Одной из первых американских фирм, проявивших интерес к сотрудничеству с Советским Союзом, была *Monsanto Co.* — фирма из Сент-Луиса, специализирующаяся на производстве химикатов и сельскохозяйственной продукции, однако переговоры пока зашли в тупик. Японцы отнеслись к советским предложениям более чем сдержанно, и обсуждаются, в основном, возможности создания на Дальнем Востоке совместных предприятий по переработке морских ежей, крабов и трески. Впрочем, тут еще играет роль и позиция японского правительства, не поощряющего фирмы к переговорам до разрешения проблемы "северных территорий" — нескольких островов Курильской гряды (см. "Страна и мир", № 8, 1986 г.).

В чем дело? Почему капиталисты не рвутся на необъятный советский рынок? Первые же месяцы показали, что советским "деловым людям", желающим получать выгоды от совместных предприятий, нужно прежде всего научиться думать "по-капиталистически" (не должно ли это стать частью "нового мышления", о котором сейчас так часто говорят советские руководители?). Пока же они, по выражению Эрвина фон Брессердорфа, исполнительного директора *Osthandel Consulting GmbH*, напоминают слепых, рассуждающих о красках. "Два поколения советских менеджеров выросли на том, что они вели бой с капитализмом. Теперь от них ждут, что за два года они поймут, как он работает. Трудная задача". "Концепция "бери и дай сам" по отношению к западному партнеру для них нова, — вторит своему немецкому коллеге один из менеджеров *Monsanto Co.* Майкл Петрилли. — Им еще предстоит научиться тому, что не всегда можно в полном объеме добиться намеченных тобою целей". "Мы поняли теперь, — заключает Петрилли, — что нам потребуется гораздо больше терпения, чем мы полагали вначале". Того же мнения и фон Брессердорф: "Разговоров очень много, но дело продвигается крайне медленно".

Более всего иностранные компании беспокоит вопрос о контроле. Советская сторона ставит условием, чтобы 51% акций любого совместного предприятия принадлежал ей. А как будут обеспечены права меньшинства? Советская сторона также настаивает, чтобы директор предприятия и большинство штата были советскими, но заявляет, что контроль над качеством продукции лежит на ответственности иностранного партнера. Неясно, однако, каковы будут возможности иностранного партнера

в таких условиях, в частности, в деле найма и увольнения работников. Можно ли будет уволить советского директора, если он окажется некомпетентным? Можно ли будет предлагать более высокую зарплату квалифицированным работникам, чтобы привлечь их на предприятия? А как насчет конфиденциальности деловых обсуждений руководителей, торговых секретов? Все эти вопросы пока остаются без ответа.

Столь же много неясностей в вопросе о доходах и валюте. Ожидается, что все валютные расходы совместного предприятия должны покрываться из валютных же доходов. Но никто не знает, можно ли будет, и по какому именно курсу (не по искусственному же официальному!) переводить прибыли, полученные в рублях, за границу. Попытки получения максимальных прибылей могут оказаться малоуспешными из-за советских требований, чтобы транспорт и страховку обеспечили советские же организации. Налог на прибыли составляет 30% (с двухлетним льготным периодом), а на вывоз капитала — еще 20%. Министерство финансов обещало быть "гибким" в применении налоговых обложений, но насколько гибким?

А как быть с сырьем? Совместные предприятия будут работать не в рамках государственного плана и будут приобретать местное сырье через советские внешнеторговые организации. По каким ценам? Не по советским же, не имеющим ничего общего с мировыми? В стране постоянного дефицита всего на свете будет ли гарантировано надежное поступление сырья и деталей?

Одна из оговорок в постановлении о порядке создания совместных предприятий позволяет Совету Министров СССР ликвидировать предприятие, если его деятельность не соответствует предусмотренным целям и задачам. Что произойдет, если политический климат в стране изменится? Не будут ли тогда "цели и задачи" иными? Все-таки исторический прецедент не забыт.

Контроль за качеством, видимо, тоже осуществить будет нелегко. Западная технология не всегда совместима с советскими рабочими традициями. Один из западногерманских банкиров заметил, что совместные предприятия, пожалуй, подходят больше для производства чего-то вроде тракторов, где требуется, в основном, много стали, а не для компаний, работающих со сложной технологией, требующей особой точности исполнения.

Не говоря уж обо всех этих "частных" трудностях, интересы советских и иностранных партнеров расходятся в главном. Иностранные

компании прежде всего заинтересованы в расширении доступа на огромный советский рынок. Советская же сторона более заинтересована в увеличении экспорта. Но если для нее экспорт — это источник валюты, то для ее иностранных партнеров — это создание дополнительной конкуренции на собственных рынках. Как разрешить это противоречие — неясно.

Опыт восточноевропейских стран показывает, что совместные предприятия окажут лишь небольшое влияние на советский экспорт и конкурентоспособность. Венгрия разрешила создание совместных предприятий в 1972 г., и сейчас их в ней больше, чем в какой бы то ни было восточноевропейской стране: свыше 70. Но это преимущественно маленькие предприятия. В конце прошлого года полный объем иностранных вложений в венгерские совместные предприятия едва превысил 100 миллионов долларов.

Венгерский, а также болгарский, и, в особенности, китайский опыт учат, что рано или поздно придется снимать искусственные ограничения, наложенные из чисто политических соображений на деятельность совместных предприятий. Самой большой выгодой, которую Советский Союз может извлечь из совместной работы с западными фирмами, будет урок капиталистического хозяйствования, который они ему преподадут: свобода, и прежде всего свобода экономическая — дело выгодное.●

СОВЕТСКАЯ ПУШНИНА

Где та прославленная "мягкая рухлять", за которой двигались в Сибирь Ермак Тимофеевич со товарищи? Где волчьи и медвежьи шубы, лисьи шапки, где, наконец, простецкие тулупы из овчины? По официальным советским данным, 85% производимых в Советском Союзе мехов продаются на внутреннем рынке. Где же они в таком случае?

Очевидно, проценты считаются валом, без учета качества и цены меха. Львиная доля из этих 85% приходится на какого-нибудь там кролика (да простится невольный каламбур). Норковая же шуба продается советской гражданке за 7600 рублей, каракулевое пальто — за 2900, так что на большое число покупок рассчитывать не приходится. И то — если найдешь в продаже вообще.

Норка, соболь, лиса, горностай и прочая "экзотическая" роскошь давно уже разделили в Советском Союзе судьбу крабов или икры. Это уже не предмет потребления. Это — валюта. Советский мех принадлежит к числу очень не-

многих товаров, которые пользуются спросом на мировом рынке и за которые капиталисты готовы платить долларами или марками.

В старомодном неоклассическом здании сталинской постройки на Московском проспекте в Ленинграде регулярно проводится пушной аукцион, на который съезжаются несколько сотен покупателей из десятков стран: в последнем, летом этого года, принимали участие около 300 человек из 23 государств мира.

Покупателям было предложено более 14 тысяч связок меха: норка, рысь, голубой песец, волк, росомаха, енот, белка, каракуль, жеребок и даже кролик и хомячок. Но прежде всего, ради чего в Ленинград приезжают в первую очередь, — знаменитый сибирский соболь, гордость Союзпушнины, хозяйки аукциона. Соболь — это монополия Советского Союза. Его можно купить только здесь. Недаром воображаемая попытка похитить и вывезти за рубеж эту породу стала сюжетом знаменитого боевика "Парк Горького" и одноименного фильма, который получил большую популярность, несмотря на то, что это очевидная "клюква".

Советский Союз ежегодно выбрасывает на рынок менее 200 тысяч шкурок соболя. На соболью шубу идет около 90 шкур. Почти все они сейчас в гардеробах американских богачей и их жен. Шкурка стоит около 1000 долларов, а рекордная цена, заплаченная в этом году в Ленинграде американским торговцем Дональдом Спрингером, — 1700 долларов. Шуба, сшитая из этих "рекордных" шкур, уже продана за 350 тысяч долларов.

Американские закупки мехов в Советском Союзе ограничены законом, принятым в США еще во времена Мак-Карти, чтобы защитить интересы американских производителей пушнины. Закон запрещает импорт из коммунистических стран норки, лисы, горностая, енота и ряда других видов меха. Поэтому эти меха идут в основном в Западную Европу, а в последние годы все чаще — в Японию и Гонконг. Правда, оттуда они — уже в виде готовых изделий — беспрепятственно поступают на американский рынок.

Аукцион проводится по-английски. Цены назначаются в долларах. Распродажа идет целую неделю, пока не будет продана последняя из 14 тысяч связок шкурок. Распродается все. Сейчас это особенно легко — вот уже в течение нескольких лет цены на "мягкое золото" растут. В прошлом году подскочили мировые цены на норку и соболя. Кое-что от роскоши Уолл-стрит перепадет и советской экономике. Остается

надеяться, что соболя в нашей стране не убудет, как убывало уже нефти.

А чем еще торговать первой в мире стране социализма? ●

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Короткое сообщение об уходе из Политбюро со ссылкой на личную просьбу и состояние здоровья поставило последнюю точку в карьере Гейдара Алиевича Алиева.

Карьера эта была своеобразной. Гейдар Алиевич не работал на заводах или нефтяных промыслах, не руководил предприятиями, не возглавлял партийных комитетов. Вся его деятельность, предшествующая выходу на дневной свет в роли первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана (1969 г.), протекала в темном колодце органов государственной безопасности.

Уже в 18 лет, в возрасте, когда другие листают институтские справочники, Гейдар Алиев выбрал путь в жизни — и выбрал его навсегда: стал сотрудником Нахичеванского управления внутренних дел. Правда, по слухам, он работал не столько в родном городе, сколько по соседству, в странах Ближнего Востока.

Работал, видимо, успешно, ибо в 23 года был переведен из провинции в республиканское МВД-КГБ, где занимал ответственные посты. Именно с его личностью связана маленькая революция в механизме власти. В 1967 г., после перевода в Москву его прямого начальника Цвигуна, Алиев был назначен председателем КГБ Азербайджана — первый такой случай за много лет. Раньше на эту ответственной должность лиц "коренной" национальности не назначали.

Следующий виток его карьеры тоже необычен: в 1969 г. председатель КГБ становится первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. Ни опыта партийно-государственной деятельности, ни соответствующего образования у него, понятно, не было. Однако к тому времени высшее московское начальство решило несколько подтянуть дисциплину на периферии: воровство, коррупция, протекционизм приобрели на местах откровенно скандальный характер.

Алиев (как и его грузинский коллега Шеварднадзе) действовал круто. Почти полная смена руководства. Массовые процессы с небывало жестокими приговорами. Появление инкогнито на базарах, в магазинах, больницах в стиле Гаруна аль Рашида. Назначение на партийные и правительственные посты лично известных шефу сотрудников "органов"...

Эффект? Стремительный рост показателей при пустых прилавках магазинов. Рост достигался

разными способами: приписками, богатыми подарками высоким гостям из столицы. Сверхплановый хлопок, например, "собирали" в Узбекистане – за деньги, конечно. Откуда деньги? Трудно сказать. Факт тот, что при Алиеве типовые размеры взяток возросли в пять-шесть раз... Однако особенно прославился Гейдар Алиевич истинно восточным умением расточать комплименты Брежневу. Болельщики с энтузиазмом подсчитывали, сколько раз он умудрился упомянуть в очередной речи "дорогого Леонида Ильича" и сравнивали его показатели с показателями соседа, Шеварднадзе. "Наш" неизменно оказывался впереди. Неудивительно, что и двигался он быстрее: первым получил звание героя Соцтруда, первым попал в Ареопаг, став кандидатом в члены Политбюро.

Вряд ли Андропова привлек именно ораторский талант Гейдара Алиевича. Но ему, прорвавшемуся на высший пост в государстве, нужны были сторонники. Алиев, человек из того же, непартийного, ведомства, был его естественным союзником в борьбе с черненковской мафией из партаппарата. Вероятно, Юрию Владимировичу – по крайней мере вначале – импонировали и некоторые специфические черты характера младшего коллеги. "Тихий садист", – сказал о нем человек, которому часто доводилось иметь с ним дело.

Так или иначе, но в ноябре 1982 г. Гейдар Алиев был вознесен к снежным вершинам. Член Политбюро, первый заместитель председателя Совета Министров, куратор транспорта и важнейшей программы по производству товаров широкого потребления. Похоже, М.С.Горбачев тоже верил сначала в "волевой" стиль руководства, в систему "закручивания гаек".

Судя по сообщениям иностранной печати, личные отношения Гейдара Алиева с новым генсеком скоро разладились: последние месяцы они вообще не разговаривали. Но, может быть, еще важнее другое. Решить проблему потребительских товаров не удалось, а срыв в работе транспорта зимой нынешнего года нанес такой удар по "перестройке", от которого она до сих пор не может оправиться.

Западные наблюдатели отметили отсутствие Г.А.Алиева на двух важнейших "мероприятиях" этого года: июньском Пленуме ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР. Возможно, Гейдар Алиевич и в самом деле был болен: человек он не очень здоровый. Но это скорее задержало, чем ускорило его падение. И сам Алиев, и его стиль способны лишь скомпрометировать нынешнего вождя.

В последовательности Горбачеву не откажешь.

Гейдар Алиев – пятый после Романова, Гришина, Тихонова и Кунаева член Политбюро, потерявший свой пост за последние два года. Есть все основания полагать, что это не конец. Не станем гадать, кто будет следующим. Отметим лишь, что советская печать, этот верный барометр партии, особенно хмурится, когда речь заходит об Украине и Армении. Впрочем, это уже из другого некролога...●

ВЕРА В ПЕРЕСТРОЙКУ

Передо мной большая пачка документов. Это тоже одно из свидетельств эпохи перестройки, которое не скинешь со счета и которое заставляет еще пристальней вглядываться в происходящее в стране и быть еще более осторожным и неторопливым в оценках.

"Мы-то понимаем, что разрыв между вашими словами и практическими делами ваших приемных не означает двуличия вашей политики. Но все ли в мире понимают это? Не мешает ли такой разрыв между словом и практикой достижению доверия внешнего мира и в связи с этим достижению мирных договоренностей?" – пишут авторы одного из документов этой подборки. Посмотрим, что это за люди и в чем они ощутили разрыв между горбачевским Словом и Делом.

Еще летом 1985 г. 10 граждан-жалобщиков обратились с письмом к Горбачеву и Громыко. "Уважаемые Михаил Сергеевич и Андрей Андреевич! Очень рады, что именно вас избрали на самые высокие посты в партии и государстве, и это избрание мы связываем с проводимой партией линией на наведение порядка во всех сферах нашего общества", – писали они. В своем пространным письме (14 страниц) авторы предлагали создать "Всесоюзное общество борьбы с бюрократизмом" – ВОБсБ. Чем вызвано такое предложение? Апеллируя к Энгельсу, Марксу, Ленину, а иной раз и к Постановлению Верховного Суда, граждане обосновывали необходимость защиты их законных прав прокуратурой – в противовес существующему ныне положению, когда та же прокуратура эти права нарушает. Закончилось письмо короткими сведениями об авторах.

Все десятеро – жители г.Казани или рабочего поселка Васильево под Казанью. Шестеро пишут о том, как их увольняли с работы за разоблачения злоупотреблений начальства, и о том, как они нигде не могли найти защиты. Калимуллина рассказывает о своем муже, которого за разоблачения сперва исключили из партии, потом выгнали с работы, а затем и осудили на

6 лет по сфабрикованному делу. Ей вторят супруги Стороженко, которых не только лишили работы самих (хотя, или даже точнее – потому, что по вскрытым ими фактам хищения и взятки было возбуждено уголовное дело), но в отместку еще и осудили их сына на 9 лет по ложному обвинению. Свидетельница по этому делу описывает, как в милиции у нее вымогали нужные показания, угрожая расправой.

Двое из подписавших – мать и сын Мироновы. В середине 70-х годов против отца А.П.Миронова было возбуждено уголовное дело, прекращенное затем по амнистии еще на стадии расследования. Бывший подозреваемый узнал о самом факте возбуждения дела лишь после этого и случайно – из сообщения сатирического журнала. После обжалования дело было прекращено за отсутствием состава преступления, однако прокурор, давший сообщение в журнал, не пожелал дать туда же и опровержение. Жалобы и протесты не помогли. С 1981 г., после смерти отца, жалобы по его делу продолжал писать сын. Миронов писал не только об отце, но и боролся против очковитирательства у себя на службе, за что его трижды увольняли с работы.

Прошло два года. "Граждане-жалобщики" снова обращаются к тем же адресатам – Горбачеву и Громыко. А под письмом стоит уже 31 подпись, и в качестве одного из прилагаемых документов даются фотографии изуродованного трупа А.П.Миронова, одного из авторов первого обращения.

Хотя второе письмо адресовано тем же Горбачеву и Громыко, авторы отправляют его в редакцию американской газеты с просьбой опубликовать и таким образом довести до сведения адресатов, поскольку ни одна их попытка в Советском Союзе не увенчалась успехом.

"Уважаемые Михаил Сергеевич и Андрей Андреевич, мы уверены, что приемные ЦК КПСС и Верховного Совета СССР есть лицо, глаза и уши, совесть и сердце руководства партии и правительства, обращенное к народу, к нам – простым советским людям". ... "Но одухотворенное ваше лицо, обращенное вперед, в будущее, совершенно не соответствует вашему лицу, обращенному через ваши приемные назад к народу. При этом мы не понимаем, почему до настоящего времени вы не изменили лица своих приемных, не прочистили глаза и уши правительства".

В самом деле, может быть, если правительство читает зарубежные газеты и слушает радио, то узнает, наконец, что творится за его спиной и от его имени. Может, и в самом деле

"прочистит уши"? Ну до чего же знакомая песня. Видимо неистребима вера в доброго царя и злых чиновников. Что ж, слушайте, граждане правительство, о чем вам хотят рассказать граждане жалобщики.

40-летний экономист Александр Петрович Миронов, дважды избивавшийся даже председателем профкома, трижды увольнялся с работы за жалобы. Наконец, в августе 1986 г. он заявил в приемных ЦК КПСС и Верховного Совета СССР, что вместе с другими выйдет в сентябре на демонстрацию на Красную площадь, если и дальше их жалобы не будут рассматриваться. Сразу же по возвращении домой он был схвачен милицией, а через несколько дней матери выдали его изуродованный труп со следами наручников, множественными переломами костей черепа, бедра, голени и следами внутривенных вливаний. Милиция заявила, что Миронов покончил с собой, выпрыгнув с 3-го этажа республиканской психиатрической больницы, куда был помещен.

"Но даже если это и так, – говорят авторы письма, – то это не умаляет заслуг ваших приемных и исполнителей их воли – казанской милиции в зверском умерщвлении Миронова, который так верил в перестройку и человеческую порядочность". Вот так вот, – верил в перестройку и порядочность, а записали в сумасшедшие.

Но все-таки, вдруг это единственный случай? Страна преобразается, и остальным верующим в перестройку не достается так лихо, как Миронову?

Посмотрим. Вот случай других "сумасшедших" – супругов Кутявиных из Волгограда. Зинаида Петровна была директором школы, отказалась покрыть миллионную недостачу при приемке школы. Уволена с работы, исключена из партии, на протестовавшего мужа сфабриковали дело, и он полтора года скрывался, пока родным не удалось добиться отмены сфабрикованного приговора. В ноябре 1985 г. супругов, активно добивавшихся приема, с побоями вышвырнули из приемной ВС СССР и увезли в психбольницу. По счастью, случайно узнавшим об этом родственникам удалось вызвать Кутявиных через несколько дней.

Авторы письма дают пример того, что и тот, кто, казалось бы, совсем "свой" для властей, как, например, депутат местного Совета, может подвергнуться серьезным преследованиям, от которых не спасет и его статус. И, как и в массе других случаев, расправа творится руками тех, кто должен бы охранять интересы и права граждан. В письме приводится случай с

депутатом Владимирского совета народных депутатов врачом Ю.Г.Листовым, который, видимо, неправильно понял оказанное ему доверие и отказался помогать администрации скрывать недостачу. Конечно, хотелось бы знать обстоятельства этого интересного и необычного дела более детально, но авторы отдают предпочтение описанию наступивших последствий. Вот они.

Уволен с работы, исключен из партии, осужден условно на 2 года. Подвергался несанкционированным обыскам в нарушение своего депутатского статуса и даже в самом здании Совета. В ноябре 1985 г. его отказались принять в ПВС СССР, ссылаясь на справку Владимирского обкома КПСС о том, что Листов психически болен. (Оказывается, КПСС теперь и медицинский диагноз может поставить. А я и не знал!) Однако никто Листова не осматривал, а многие обстоятельства говорят о его полном здоровье – например, то, что он является офицером первоочередной годности, совсем незадолго до этого был избран депутатом, вел различные кружки, успешно продвигался по службе и т.д.

После увольнения все попытки Листова найти работу оказались неудачными. Причем, речь идет даже не о работе по специальности, а о неквалифицированной и низкооплачиваемой. Если Листову и удавалось куда-то устроиться, то вскоре его увольняли под давлением партийных руководителей. Наконец, весной 1987 года, после очередных обращений Листова в ЦК и Верховный Совет с жалобами, власти предприняли такую попытку разрешения ситуации. Листова, уже полтора года добивающегося трудоустройства, схватили на улице, с побоями затолкали в милицейскую машину и доставили в суд, который вынес решение о принудительном трудоустройстве.

Однако и после этого преследования Листова не прекратились. Направления ему дают туда, где в работе отказывают, в трудоустройстве врачом отказывают и вовсе категорически. Кроме того, уже долгое время не прекращаются угрозы физического уничтожения.

Авторы рассказывают, как офицер милиции угрожал Листову, что его может постигнуть та же участь, что и Ахметзянова с Леоновым. Они руководили строительством на Балакиревском механическом заводе. Оба не желали больше строить за казенный счет для местного руководства и, что хуже всего, грозили разоблачениями, собирались даже опубликовать собранные материалы. Труп Леонова был найден в подвале с разбитой головой, а Ахметзянов скончался в больнице после перенесенных по-

боев. Разумеется, проводилось расследование. Прокуратура поведала, что Леонов сам себя стукнул по голове, а потом взял бутылку водки, спустился в подвал, отхлебнул напоследок, аккуратно поставил бутылку на пол, сам лег рядом, да и помер. Ахметзянов по крайней мере бил себя не сам. Но хотя его и пришлось срочно вести в больницу, а потом перевозить в другую, умер он вовсе не от побоев, а от язвы. С чего бы это тогда милиционер говорил о них, что они были убиты "за язык"? Непонятно.

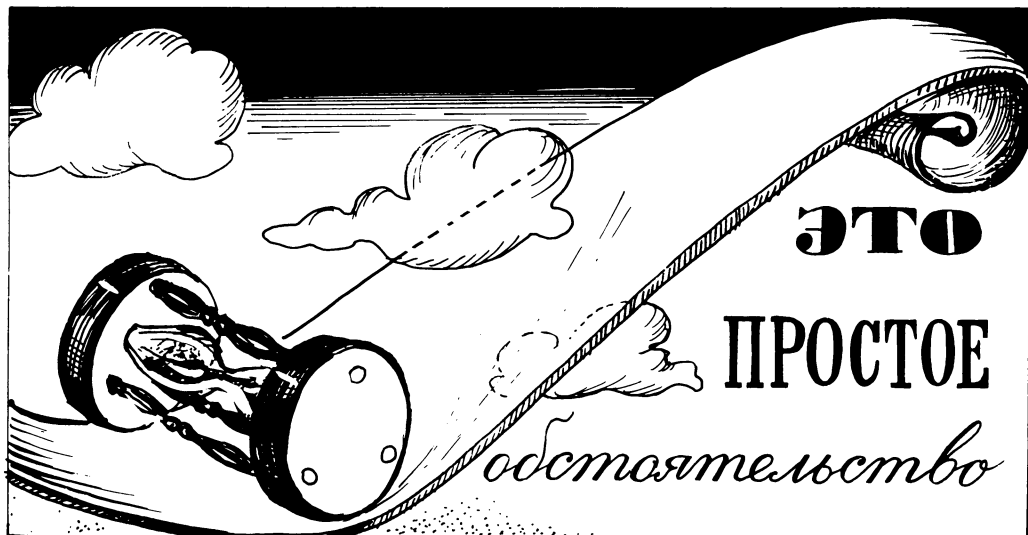
Можно было бы и дальше продолжать вместе с авторами список преследовавшихся за критику и отказ покрывать хищения. Интересно отметить, что степень реакции начальства мало зависит от размера и характера злоупотреблений, против которых протестовали преследовавшиеся. Это может быть, как в случае с Роговым, принципиальное несогласие с министром Касумовой (с декабря 1983 г. она секретарь ЦК КП Азербайджана), или протест медсестры против хищений пайка больных (!), как в случае с Осетровой. И каждый раз, как пишут авторы письма, это единая цепь, состоящая из одних и тех же звеньев: присвоения или хищения на местах, производимые администрацией, – протест со стороны гражданина – преследование этого гражданина при содействии обкома, крайкома КПСС, ЦК КП республики – угрозы и преследования в приемной Президиума Верховного Совета СССР – отписка зам. Генерального прокурора – снова угрозы и расправы в приемных ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и на местах.

Некоторых партийных и государственных руководителей, которые, на их взгляд, более других способствовали беззакониям, авторы называют поименно. Это председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М.А.Пономарев, заместитель Генерального прокурора СССР Шишков и заместитель начальника приемной Прокуратуры СССР Тернюк.

И все-таки: "Мы-то понимаем, что разрыв между вашими словами и практическими делами ваших приемных не означает двуличия вашей политики. Но все ли в мире понимают это?" Нет, честно скажу, я еще сомневаюсь, не понимаю, не дорос видно. Мне кажется, с этой перестройкой надо, как говорится, семь раз отмерить, и уж только потом отрезать. "Мы убеждены, что приведенные нами факты позволят вам принять практические меры по перестройке в ваших приемных". Можно было бы начать и раньше. ●

И.Ковалев

КОММЕНТИРУЕТ Р. БАХТАМОВ

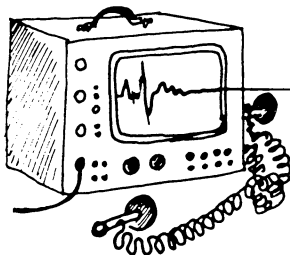

Рисунки Т. Кофьян

У нас нет масштабов для измерения исторического времени, того процесса, который называют ходом истории. Интуитивно мы ощущаем, что материя времени постоянно сгущается, что в нашем веке история движется быстрее, чем в прошлом или позапрошлом. Но насколько быстрее? И чем измеряется скорость ее хода: нарастающим потоком событий, частотой и значительностью перемен?

В 1983 году при загадочных обстоятельствах на Запад попал документ, получивший название "Меморандум Заславской". По слухам, это был доклад, подготовленный академиком Т.И. Заславской для закрытого совещания, которое собирался провести Андропов. Документ произвел на западных наблюдателей сильнейшее впечатление. Еще бы! Не ограничиваясь перечислением "негативных тенденций в экономике", автор утверждал, что в основе их лежит "более общая причина". Какая? По нашему мнению, — писала Заславская, — она заключается в отставании системы производственных отношений и отражающего ее механизма государственного управления экономикой от уровня развития производительных сил...

Прошло всего четыре года, и это отчаянно смелое утверждение стало общим местом — да еще и сомнительным общим местом. Опубликованная в открытой печати — в шестой книжке "Нового мира" — статья Николая Шмелева "Авансы и долги" не оставляет живого места не только от отстающих производственных отношений, но и от передовых производительных сил. Прошли четыре года — и целая эпоха.

Глава I,

эпоха великих экономических открытий

Начало новой эпохи датируется точно: апрель 1985 года. Именно тогда новый Генеральный секретарь ЦК КПСС впервые четко охарактеризовал советскую экономику как систему экстенсивную, непроизводительную, консервативную.

Те, кто сразу же оценил и это признание ироническим "подумаешь, открыл Америку!", были неправы. Горбачев действительно открыл Америку: открыл советскую эко-

номику для анализа. Уже одно это имело огромное значение, ибо знание — сила. Сила, имеющая не только величину, но и направление.

Признать, что все плохо и ничего при этом не менять, Горбачев не мог. Пока о пороках советской экономики шептались в коридорах специалисты, положение оставалось двусмысленным. После доклада Генерального секретаря сомнений не осталось: надо менять. Так обозначился первый вектор. Вектор *перемен*.

Разумеется, сам по себе курс на перемены еще ничего не решал. Перемены можно было замкнуть в рамки собственно экономики, да и в самой этой сфере ограничиться косметикой — более или менее яркой. Однако годы, разделяющие меморандум Заславской и статью Шмелева, были эпохой не только открытия экономики, но и стремительного ухудшения дел в хозяйстве. Экономика разваливалась на глазах. Защитный кожух, прикрывающий механизм управления (бодрые сводки ЦСУ, рапорты о победах, статьи об ужасах капиталистического ада), сползал, обнажая латанные ремни, ржавые шестеренки, бесчисленные ограничители хода. Строго говоря, как раз развал и обнажение были первопричиной всего. И откровенности Горбачева. И легкости, с которой самые разные люди вдруг осознали, что король голый. И того, что глава партии вынужден в перестройке пойти дальше, чем он, видимо, хотел, затронув интересы клана, который его короновал.

Вспомним, ни в апрельском, ни в июньском (1985 г.) докладах Генерального секретаря не было и речи о *кризисе* советской экономики. Термин "предкризисные явления" впервые промелькнул в мае 1987 г. в ответах Горбачева на вопросы газеты "L'Unità". Позднее, на июньском Пленуме ЦК, было сказано уже о противоречиях в развитии общества, которые, накапливаясь и не находя разрешения, приобрели предкризисные *формы*. Сейчас говорят определенно: предкризисное *состояние*.

Тут есть над чем подумать. В нашем сознании кризисы прочно связаны с капитализмом. Но там это всегда кризис *перепроизводства*, который нам уж никак не грозит. Нельзя считать кризисом и нехватки: для нас это нормальное состояние. И если Генеральный секретарь ЦК позволил себе столь ответственное заявление, у него, надо думать, были веские причины.

Какие же? Думаю, что речь идет о явлениях, которых человечество еще не знало. Прежде всего, об истощении природных ресурсов до такого уровня, с каким мы знакомы лишь по фантастическим романам о далеком будущем. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, — об истощении людских ресурсов. Конечно, не количества людей, а их, если так можно выразиться, *качества* — трудового потенциала, умения и желания работать.

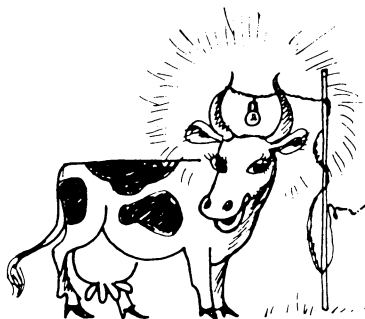
Попробую проиллюстрировать этот процесс истощения. 13 июня, в день, когда газеты опубликовали сообщение об очередном совещании в ЦК КПСС по вопросам перестройки, "Известия" поместили небольшую заметку "Что случилось с грузинским чаем". Цитирую: *Грузинский чай гибнет. Нет, уже не бывшая его слава, возвращения которой мы ждали больше десяти лет, имеется в виду. Умирают чайные растения, истощенные 15 годами неразумно жестокого сбора листа во имя нереально высокого роста планов.*

Другой материал из той же газеты — статья В.Казакова "Степные пески". Автор рассказывает о Черных землях — богатейшей степи в Калмыкии, которая еще недавно кормила тысячи овец, лошадей, коров, верблюдов, миллионное стадо диких сайгаков. А теперь, — вздыхает Виктор Казаков, — *перенесемся на Черные земли в наши дни. Из трех миллионов гектаров пастбищ здесь сейчас "сильно битых" (воспользуемся официально принятыми терминами) 1195 тысяч гектаров, "очень сильно битых" — 534,3 тысячи гектаров. "Пески развеемые и оголенные солончаки" занимают 665 тысяч гектаров — это самая что ни на есть настоящая пустыня. Первая и единственная в Европе... Если и дальше хозяйствовать нынешним способом, то, по расчетам специалистов, к 2030 году уникального уголка не станет — в пустыню превратятся все три миллиона гектаров земли.*

В нашем районе, — пишут в редакцию "Известий" читатели, — *осталась одна единственная река, где деятельность человека еще не повлияла пагубно на общий ее гидрологический и гидрохимический режим. Это река Коркодон. Где же это? Оказывается, в Магаданской области. Воистину "От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей..."*

Так обстоит дело с природными ресурсами. С человеческими — никак не лучше. Стоит почитать интервью, которое дал журналу "Огонек" (№№ 18 и 19) такой информированный человек, как академик А.Г. Аганбегян. Вот несколько выдержек. *"Сейчас у нас образовался огромный разрыв между платежеспособным спросом и его материальным покрытием — он достигает десятков миллиардов рублей в год... Этот разрыв очень опасен. И не только потому, что он дезорганизует товарооборот и реально обесценивает рубль. Есть последствия гораздо худшие. Главное из них — подрыв материальной заинтересованности работника."* *"Приедешь на иной завод — на территории не пройти, в цехах — грязь, у рабочих мест — грязь, шкафчики в бытовках — в ужасном состоянии, в душевых воняет какой-то тухлятиной и нет горячей воды, туалеты — антисанитария, обед в заводской столовой есть нельзя. Никого не интересует, что там рабочий таскает у своего станка, как он обеспечен. Его, как говорится, в упор не видят. Ну, а если для человека на предприятии нет жизни, то и работа для него — вынужденное времяпрепровождение."* *"Вернемся к качеству. Оно во многих случаях у нас ужасное. Год от года мы теряем здесь свои бывшие преимущества и позиции... Это же страшное дело: более двух тысяч раз в год происходит загорание цветных телевизоров только в Москве. Вместе с ними горят дома... А наши "Волги"? Ведь надо же суметь так модернизировать автомашину, перейти на такую новую модель, что многие страны запретили ввоз ее... Пресса не раз писала, что у нас в стране не производятся ножницы для парикмахерских. Вернее, те, что производятся, не режут, и мы вынуждены покупать ножницы за границей. Ну до какой же степени безобразия можно дойти!"* *"В последние 30 лет расходы на образование в США росли в три раза быстрее, чем национальный доход и достигли двенадцати процентов его общей суммы. Мы же были единственной из развитых стран мира, в которой последние тридцать лет расходы на образование отставали от роста национального дохода и скатились сейчас до семи процентов от его объема."* *"Сейчас все наши бюджетные расходы на здравоохранение составляют более 18 миллиардов рублей в год, где-то три-четыре процента национального дохода. Это самая низкая доля в национальном доходе среди всех развитых стран мира... По средней продолжительности жизни мы существенно отстали от многих развитых стран... Но дело не только в таких броских показателях, как продолжительность жизни, детская смертность или смертность в отдельных группах населения, а в общем состоянии здоровья населения страны. Оно-то как раз своей остротой и вызывает наибольшую озабоченность. На мой взгляд, нет у нас сейчас более злободневной проблемы, чем кардинальное улучшение здравоохранения."*

Я привел эти пространные цитаты не для того, чтобы показать, как все плохо, — это читатель знает и сам. Тут важна тенденция, динамика развития: *от плохого к худшему*. Если бы не огромные природные ресурсы страны и богатейший набор средств подавления недовольства, кризис наступил бы давно. Заметим, что Россия перед Первой мировой войной находилась в несравненно лучшем состоянии. Страна с отставшей, но здоровой и быстро развивающейся экономикой, изобилие продуктов и товаров, растущий экспорт. Горбачев прав: мы выстрадали перестройку.

Глава II,

когда работает механизм...

Перестройка необходима, двух мнений тут нет. Вопрос в другом: *какая перестройка?* И у нас, и на Западе дело обычно представляют так, будто существует некий барьер. По одну сторону — Горбачев и его сторонники, по другую — противники. На самом деле все гораздо сложнее. Граница проходит в сознании одних и тех же людей. Тот же Горбачев, разумом

понимая, что нужны радикальные меры, сердцем им противится. Отсюда медлительность перестройки, непоследовательность и расплывчатость принимаемых решений, упование сразу и на "экономические методы", и на партийные комитеты, которые призваны усилить, поднять, развернуть, уделять неослабное внимание.

Одно из двух. Либо экономические методы действенны, люди заинтересованы в достижении оптимального результата — тогда зачем их мобилизовывать и направлять? Либо все и дальше будет зависеть от деятельности партийного (и прочего) аппарата — тогда как же можно ожидать, что этот аппарат откажется от своей руководящей роли и предоставит людям делать то, что подсказывают им их экономические интересы?

Этот сбивчивый шаг перестройки ни для кого не секрет. *Перемены осуществляются со щадящей медлительностью*, — сказал корреспонденту центральной газеты хозяйственник, который искренне поверил в "революционные сдвиги" и жестоко за это поплатился. *Сравнение нынешней перестройки с политикой Ленина 20-х годов приводит к неутешительным мыслям*, — пишет в редакцию "Известий" читатель газеты. — *Тогда Ленин, используя объективный закон, запустил механизм развития экономики, который функционировал вне зависимости от понимания и отношения к нему людей. Когда работает механизм, не нужны призывы типа "если каждый на своем месте..."*. И результаты нэпа каждый увидел буквально сразу. Это и есть большая политика.

Вообще, похоже, что сейчас все все понимают. И про советскую экономику, и про перестройку с ее перспективами и опасностями. Даже про красную черту, отделяющую подлинную перестройку от самой искусной ее имитации. Упомянутая выше статья Н.Шмелева появилась не в вакууме. Читаешь, допустим, в "Правде" унылую жвачку на тему "Производственные отношения и управление экономикой" и вдруг натыкаешься на такой пассаж: *Принимаемые меры позволяют покончить с таким положением, когда деньги оказались единственным недефицитным товаром...* Что же сказать тогда о статье профессора МГУ Г.Попова "Экономический реализм" ("Московские новости" от 2 августа), о том же интервью академика Аганбегяна в "Огоньке"? Вот, например, как Попов характеризует логику отечественного управления экономикой: *В ход хозяйственной жизни постоянно вмешиваются инстанции, работники которых личной зарплатой за итоги хозяйственной деятельности не отвечают. И если в начале процесса в основе заданий... еще и лежали какие-то экономические расчеты, то в конце мы зачастую, кроме произвола, волюнтаризма и бюрократизма, ничего не обнаружим. Еще определеннее Аганбегян: Дело не только в том, что мы произвели меньше, чем требовалось, продукции, снизили темпы развития... Появилась болезнь, которую иногда называют "всеобщей электрификацией": всем до лампочки.*

И все-таки в статье Шмелева есть момент, который выделяет ее среди самых острых, самых решительных советских публикаций. Речь идет об оценке того периода, который вошел в историю СССР под названием индустриализации и коллективизации.

Вопрос этот имеет принципиальное значение. Именно в тот период был создан механизм хозяйствования, отождествляемый с социализмом: государственная монополия на орудия и средства производства, планирование, централизованная структура руководства хозяйством. Это не просто священная, это божественная корова. Даже самые решительные критики внутри страны не ставят под сомнение основы системы. Самое большее, что они себе позволяют, — говорить о том, что отдельные детали этого механизма устарели и требуют замены, что созданные в тот период производственные отношения уже не отвечают нынешнему уровню развития производительных сил.

Николай Шмелев в эти игры не играет, он рубит сплеча. *Отказ от ленинской новой экономической политики самым тяжким образом осложнил социалистическое строительство в СССР... Нэп с его экономическими стимулами и рычагами был заменен административной системой управления. Такая система по самой своей природе не могла заботиться о росте качества продукции и о повышении эффективности производства, о том, чтобы наибольший результат достигался при наименьших затратах. Нужного количества — вала — она добивалась не в согласии с объективными экономическими законами, а вопреки им. А раз вопреки — значит, ценой нелегитимно высоких затрат материальных и, главное, людских ресурсов... В свое время был провозглашен лозунг ликвидации кулачества как класса. Но упразднялся, по существу, класс крестьянства.*

Может показаться, что автор ревизует историю — занятие интересное, но несколько абстрактное. История — не биология с контрольной группой белых мышей. У нас нет в запасе второй России, которую мы могли бы в конце 20-х пустить по контрольному (скажем, ленинско-бухаринскому) пути и сравнить полученные результаты с теми, которых достиг Сталин. А без этого самые стройные, самые убедительные выводы умозрительны: одна риторика против другой.

В том-то и дело, однако, что история здесь — дело десятое. Главное — направленность перестройки. Если сложившаяся в стране система оправдана (сейчас не так важно, чем именно: высказываниями классиков, интересами аппарата, нуждами страны), то ее можно совершенствовать, модернизировать, менять какие-то узлы и детали, но в основе своей, в фундаменте, она неприкосновенна. Если же, напротив, она изначально ошибочна, вредна, порочна, то ее следует отбросить как печальное недоразумение, как тяжелый исторический зигзаг и вернуться к нэповской модели, чтобы начать все заново.

Момент серьезный и ответственный. Подозреваю, что корреспондент, спросивший М.С.Горбачева, как он оценивает шмелевскую статью в "Новом мире", преследовал не совсем благовидные цели. Это была акция примерно того же плана, что приглашение Хрущева на выставку в МОСХ. Едва ли вопрос понравился генсеку. Он ответил сухо: *Я бы эту публикацию разделил на две части. Первая касается анализа положения дел в экономике, здесь дается картина, близкая к тому, что есть на самом деле. И мы на Плениуме об этом скажем. Вторая часть — это то, что предлагает автор. Предлагается, например, чтобы вроде бы и безработица была. Нет, нам это не годится.*

Михаил Сергеевич лукавит. Главное в статье Шмелева совсем не положение дел в экономике (оно ясно всем) и не предложения автора, — они довольно расплывчаты. Главное — анализ *причин*, которые довели экономику страны до состояния кризиса.

Мне могут возразить, что Генеральный секретарь выводы Шмелева не оспаривает. Верно. Но он их и *не подтверждает*, а это очень существенный момент. В конце концов, кто такой Николай Шмелев? Экономист, который высказал свою точку зрения. Ничего особенного, эпоха гласности. Он думает так, а другие иначе. К примеру, у Веры Ткаченко, напечатавшей в "Правде" большую статью "Родина дана нам один раз и до самой смерти", совсем другая позиция. Она всем гордится. *Мы гордимся каждым своим прожитым днем, даже если он был тяжелейшим*, — пишет она. И авторы писем, которые цитирует В.Ткаченко, тоже всем гордятся: голодом, холодом, низкой производительностью труда, житьем в коммунальных квартирах, коллективизацией, индустриализацией. *Основы экономической зрелости нашего государства*, — утверждает читатель из Ленинграда, — *закладывались в тридцатые годы*. И еще: *Довоенное время было насыщено всеобщим подъемом, энтузиазмом, желанием как можно больше сделать во имя могущества нашей страны*.

Вдумайтесь. Это не просто слова. Это *позиция*, если хотите, — *программа*. Зрелая экономическая система у нас есть, она была заложена в тридцатые годы. Нужно, в сущности, немного: отказаться от потребительства, от нелепого заглядывания в витрины иноземных магазинов и вернуться к состоянию всеобщего подъема и энтузиазма. Не в деньгах счастье. Счастье — в желании крепить своим трудом могущество родного государства, в том, чтобы верить в светлые идеалы социализма.

При таком подходе и хронический дефицит, и 40–50 миллионов людей, живущих в коммунальных квартирах и общежитиях, и гибель деревни, и сокращение продолжительности жизни, и рост детской смертности — все это не должно нас смущать. Пора перестать хныкать, пора сказать во весь голос: таков *наш* путь, и каждым его сантиметром мы гордимся!

Надо полагать, Михаил Сергеевич подобной программы не разделяет. Но не может он не знать и того, что эта позиция — серьезная альтернатива его плану перестройки. Раз так, было бы очень полезно, чтобы не "некий" экономист, а Генеральный секретарь ЦК КПСС *прямо* оценил экономическую систему, созданную в тридцатые годы. Не ее соответствие цитатам семидесяти- и столетней давности, — это как раз не очень важно. Важно было бы сказать другое. Что система *партийно-государственного насилия* над экономикой себя не только не оправдала, но завела хозяйство страны в тупик. Что механизм этот бессмысленно ремонтировать, его надо выбросить и заменить другим. Каким имен-

но? Товарно-денежным, иного человечество пока не изобрело. Что лишь такой механизм (как это уже однажды случилось в начале 20-х годов) способен вывести экономику из тупика. Или, выражаясь языком классиков, вернуть стране систему производственных отношений, обеспечивающих простор развитию производительных сил.

Ничего этого Горбачев не сказал. Может, потому, что для вопроса по поводу статьи в "Новом мире" был выбран неподходящий момент? В конце концов Генеральный секретарь ЦК волен сам решать, где и когда делать столь ответственные заявления. Он даже намекнул, что намерен сделать это в самое ближайшее время: *И мы на Пленуме об этом скажем.*

Глава III,

**где доказывается, что существительное
важнее прилагательных**

Уже по одному этому (хотя и не только, — мне вообще интересно читать Горбачева) я с особым вниманием читал и доклад Генерального секретаря на июньском Пленуме, и даже бледную его копию — доклад Н.И.Рыжкова на сессии Верховного Совета. Читал, ожидая: вот сейчас, на следующей строчке, будет сказано главное. Все мы, товарищи, понимаем, что система не годится, ее надо менять. Если за семьдесят лет мы не только никого не догнали и не перегнали, но попросту не сумели накормить и одеть людей, дать им крышу над головой, — нелепо ожидать, что теперь мы вдруг сможем это сделать. Сколько же можно экспериментировать над живыми людьми? Давайте, наконец, перестанем руководить и предоставим действовать закону стоимости.

Кажется, Горбачев говорит почти то же самое. *Сегодня — и это еще раз доказывает жизнь, — именно командно-административные формы управления обществом тормозят наше движение... Смысл перестройки в конечном счете и состоит в учете интересов, в воздействии на интересы, управлении ими и через них... Вывод нашей страны из предкризисного состояния, в котором она оказалась, обуславливает необходимость в глубоких, подлинно революционных преобразованиях.*

Все это хорошо, но что же конкретно предлагается? Во-первых, сказал Горбачев, резкое расширение границ самостоятельности предприятий. Во-вторых, коренная перестройка централизованного управления экономикой. В-третьих, кардинальная реформа планирования, ценообразования, финансово-кредитного механизма, переход к оптовой торговле средствами производства, перестройка управления научно-техническим прогрессом, внешнеэкономическими связями и пр. В четвертых, создание новых организационных структур. В пятых, переход от чрезмерно централизованной командной системы управления к демократической, четкое разграничение функций и коренное изменение стиля и методов деятельности партийных, советских и хозяйственных органов.

Я почти точно (с небольшими сокращениями) пересказал соответствующее место из доклада. Легко заметить, что упор тут сделан на *масштабность* прилагательных: резкое, кардинальная, коренное. Между тем ударное слово в этом пассаже — существительное: *управление*. Система управления — предприятиями, научно-техническим прогрессом, ценами, внешнеэкономическими связями и прочим — остается, меняются лишь *стиль и методы*. И это называется переходом "от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам руководства"? Да, именно так это называется. И взрослые, знающие, серьезные люди — скажем, тот же Абел Гезевич Аганбегян — в это верят? Сомневаюсь.

Как вы думаете, в какой сфере проявляется самостоятельность предприятий на Западе? Прежде всего в *хозяйственной* деятельности. Предприятие само выбирает изделия, которые оно намерено выпускать; само приобретает оборудование; назначает цену; договаривается с потребителем. Конечно, чисто производственные вопросы (технология, организация труда и пр.) оно тоже решает самостоятельно. Но эта сторона дела, при

всей ее важности, носит подчиненный характер. Если, допустим, продукция или цена выбраны неправильно, то предприятие разорится даже при самой совершенной технологии.

Самостоятельность, которую собираются предоставить советским предприятиям, меньше всего касается хозяйственной деятельности. План (неважно, под каким названием) остается. Политика цен сохраняется. Выбор потребителя и условия договора по-прежнему будут диктоваться государством. Оно же будет регулировать и прибыль: с помощью тех же планов, нормативов отчислений, цен. Ясно, что ни получение сверхприбыли, ни разорение предприятию не грозит: министерства и прочие инстанции позаботятся, чтобы результаты его деятельности уложились в те узкие пределы, что отделяют предприятие передовое от предприятия отстающего.

В чем же выразится самостоятельность? В ликвидации "мелочной опеки". Очевидно, вопрос о том, обрабатывать ли деталь на токарном или на расточном станке будут решать теперь не министр и даже не секретарь райкома, а директор завода или рабочий совет.

Какой-то эффект это, наверное, даст — директору все-таки виднее. Но при чем тут самостоятельность? Где тут экономические методы? Объясняя, почему (вопреки его собственной программе) перестройка началась с предприятия, Горбачев сослался на то, что *именно здесь развертываются главные экономические процессы, здесь трудом людей создаются вся нужная народу продукция и услуги, материализуется научно-техническая мысль.*

Если Генеральный секретарь действительно так думает, он глубоко заблуждается. Так должно быть, но ничего подобного нет. "Главные экономические процессы" развертываются гораздо выше. Даже не в министерствах и не в Госплане, а, наверное, в самом Политбюро. Все же прочие лишь обрабатывают и передают по инстанциям верховные указания. Последняя инстанция — предприятие — их выполняет. Вот такая самостоятельность...

Правда, Горбачев уверяет нас, что отныне предприятие будет само составлять план производства и реализации продукции. Понятно, оно будет нести и всю полноту ответственности. То есть как это: предприятие само... Нет, конечно. Основой этого плана станет *прямой заказ государственных организаций, хозрасчетных предприятий, торговых организаций на конкретную продукцию соответствующего количества и качества.*

По-моему, не надо объяснять, заказам каких организаций гарантировано предпочтение: ясно, что государственных. А как насчет условий договора, цен на продукцию и всего остального? Тут тоже все ясно. Представляете себе предприятие, которое отклоняет заказ министерства обороны, вступает в спор с собственным министерством по поводу размера отчислений, вчиняет иск ЦК и Совету Министров...

Опыт прошлого учит нас, — резонно замечает Г. Попов, — не впадать в буйный либеральный восторг по поводу первых шагов. Надо быть трезвыми. И я вижу массу проблем уже в самих нынешних решениях... Госзаказ становится обязательным не только в силу экономической выгоды, но сохраняет элемент (и еще какой! — Р.Б.) обязательности. Более того, реальна опасность заменить этим госзаказом все нынешние директивные задания... Цена носит обязательный характер, ее устанавливают сверху. А при такой цене и оптовая торговля, и рынок могут оказаться сферой влияния не закона стоимости, а тех идей, которыми руководствовались авторы цен.

Добавим к этому, что и все остальное — вид изделий, критерии их качества — тоже определяет не предприятие, учитывающее (иначе нельзя!) требования потребителя и конкуренцию, а "инстанции", которые вообще ничего не обязаны учитывать. Кроме, разумеется, приказов еще более высоких инстанций.

Посмотрим теперь, что собой представляет "кардинальная перестройка" верхних эшелонов управления. О ценообразовании мы уже говорили, но на всякий случай повторим. *На важнейшую продукцию цены, конечно, надо устанавливать централизованно, вместе с разработкой общегосударственного плана как его часть, — объявил Горбачев.*

А вот структура управления хозяйством действительно будет изменена. Вместо нынешних 37 тысяч предприятий промышленности объектами непосредственного управления из центра предполагается сделать несколько тысяч крупных объединений. Другой

новый момент — четкое разграничение того, за что отвечает министерство, а за что — объединение и предприятие. Министерство, например, будет "отвечать перед страной за удовлетворение потребностей народного хозяйства в производимой отрасли продукции", за ее качество и т.д. Как вы думаете, чтобы нести эти нелегкие обязанности, должно оно иметь право давать руководящие указания объединениям и предприятиям? Наверно, должно. В чем же тогда выразится самостоятельность предприятий? А в том, что количество отделов и численность аппарата министерств предполагается сократить.

И все? Пожалуй, все, ибо общие рассуждения на тему о том, что "новые условия предъявляют повышенные требования к качеству работы центральных экономических органов: Госплана, Минфина, Госкомцен, Госснаба, ГКНТ, Госкомтруда и других" вряд ли можно рассматривать как революционные сдвиги. Впрочем, все зависит от точки зрения. Совсем недавно, 20 августа, Политбюро приняло решение преобразовать Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре (Госгражданстрой) в Государственный комитет по архитектуре и градостроительству (Госкомархитектура). Миллионы людей, по 15–20 лет ждущих квартир, наконец-то вздохнут с облегчением: свершилось!

Глава IV,

форма, открытая для содержания

Мы знаем, какое значение в жизни нашей страны имеют названия. Система, созданная объединенными усилиями июньского Пленума ЦК и сессии Верховного Совета, именуется отныне "целостной системой управления экономикой". Признаться, многие, с кем мне приходилось беседовать, разочарованы: даже пессимисты ожидали чего-то более реального. А тут слова, слова...

Характерно, что плодом коллективных усилий ЦК, Совета Министров и Верховного Совета стал не закон, а очередное постановление. Оно и понятно: закон устанавливает нормы, постановление может ограничиться призывами и благами пожеланиями.

Да, предприятию предоставлено право — после госзаказа — заключать договоры с другими организациями. Но что это изменит в условиях диктата производителя, всеобщего дефицита, отсутствия свободного рынка и конкуренции? Два государственных учреждения, которым одинаково наплевать на потребителя, о чем-то там договариваются. Ну и что? Ведь ясно, что торгующая организация знает о нуждах и вкусах потребителя не больше, чем ЦК КПСС. У нее ни механизма такого нет для изучения потребностей и вкусов, ни опыта, ни желания. Зачем?

Перед нами еще один заколдованный круг. Чтобы преодолеть дефицит (и количественный, и качественный), нужен свободный рынок, нужна конкуренция. Но свободный рынок и конкуренция (если даже государство решится их допустить) невозможны без преодоления дефицита.

Выход из этого круга известен (он подсказан опытом нэпа и таких стран, как Китай и Венгрия): существование разных форм собственности, развитие частного предпринимательства. И это понятно. В стране, где люди воспитаны на пренебрежении к потребителю, только частник, свободный от регламентации, еще способен проявить инициативу, предприимчивость, желание и умение работать. Только он и мог бы сломить стереотипы "всеобщей электрификации", дать толчок эволюции системы в нужном направлении. Государству бы его поддерживать, опекать, помогать ему всячески. А оно надело на него мешок "Закона об индивидуальной трудовой деятельности" и сказала: беги. Бег в мешках...

Коль скоро в главном пункте перестройка не состоялась, что же остается? Остаются призывы, благие пожелания, расплывчивые декларации. Правда, я встречал людей, которые именно в расплывчатости формулировок усмотрели основания для оптимизма. Все действительно важные проблемы, говорят они, — самостоятельность предприятий, функ-

ции министерств и ведомств, ценообразование, финансы, товарно-денежные отношения — все это так или иначе решается. Отсутствие жестких правовых норм как раз и создает предпосылки для самых радикальных преобразований. Это, так сказать, форма, открытая для любого содержания.

К примеру, Госплан может постепенно превратиться в главный консультативный центр страны, дающий предприятиям сведения о спросе на ту или иную продукцию. Министерства могут стать центром технической помощи. Даже *управление* научно-техническим прогрессом не следует понимать буквально. Просто государство (через ГКНТ) будет распределять средства, стимулируя исследования и разработки в важнейших областях науки и техники. Вообще все нынешние инстанции будут не приказывать, а давать консультации, рекомендации и советы — не зря же мы Страна Советов.

Главный довод в пользу именно такого развития событий: Горбачев — реформатор, он понимает, что полумеры не выведут страну из тупика.

Пусть так. Ясно, однако, что наполнять новые формы содержанием будет не Горбачев, а работники партийного аппарата, Госплана, министерств, комитетов, ведомств. Реально ли ожидать, что они с энтузиазмом откажутся от роли руководителей и перейдут на положение советников и консультантов? По-моему, нереально.

Оставим, однако, теоретические рассуждения и перейдем к фактам. Новая система управления, предусматривающая самокупаемость, самофинансирование и т.п., была введена в ряде министерств с 1 января нынешнего года, а на некоторых предприятиях гораздо раньше. Срок небольшой, но достаточный, чтобы подвести предварительные итоги.

Послушаем. *Полгода назад наше объединение перешло на новые методы хозяйствования... По-прежнему над нами довлеют волевые методы в планировании, разветвленная отчетность, мелочная опека как сверху, так и со стороны местных органов* (Н.Серегин, генеральный директор объединения "Туласантехника"). *Сейчас работаем в условиях самофинансирования. В цехе в последнее время резко сократилась численность рабочих, хотя выпуск продукции возрос. Однако заработки стали меньше* (А.Верховец, председатель совета бригадиров "Уралмаша"). *С января "Уралмаш" на самофинансировании. Однако год начался неудачно... Нам установили, как и в прежние годы, огромный рост объемов, и без всяких обоснований. Причем в системе выпуска номенклатуры изделий почти 100 процентов — государственные заказы. Где тут резервы, свобода маневра, торговли по договорам?* (И.Строганов, генеральный директор "Уралмаша"). *Иногда приходится слышать, что министерства, дескать, не заинтересованы в перестройке, поскольку она вынуждает их отказаться от власти, передать ее низовым звеньям. Лично у меня подобные разговоры вызывают улыбку. От какой "власти"? Даже руководящие работники министерств и ведомств при старой системе никакой реальной "властью" не обладали. Они были лишь "промежуточными звеньями" с единственной функцией: воспринять поступившую команду, передать ее по инстанции, добиться своевременного исполнения* (Л.Карпенко, заместитель министра нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР). *В сфере производства на первом месте "по вредности" стоит сейчас парадокс научно-технических новшеств* (Н.Кизуб, кандидат экономических наук). *Приходилось ли вам, уважаемый читатель, бывать на таком предприятии, которое получает в иной день... по пятьсот килограммов различных деловых бумаг? Нет, ошибки в цифре нет: именно пятьсот килограммов, а не штук. Чтобы доставить бумаги на завод, в штате предприятия есть специальный водитель-грузчик... Не буду скрывать название предприятия. Это "Мосгорметаллоснабсбыт" — одно из многих сотен объединений, подчиненных могучей системе Госснаба СССР* (В.Парфенов, экономический обозреватель "Правды").

Так обстоит дело с *новым содержанием*. Я не случайно процитировал, в числе прочих, и заместителя министра. Сейчас в советской печати принято кивать на среднее звено. Будто бы где-то там, в среднеруководящем звене, стоящем между партией и народом, следует искать главное зло, ибо именно там плодятся бюрократы. Конечно, там плодятся, но ведь дело не в них. Дело в системе, при которой люди, стоящие на самом верху, рассматривают экономику как механизм для выполнения их планов. Это об этих людях хорошо сказал президент США Рейган: "Они убеждены, что знают чаяния народа лучше,

чем сам народ". Это им, этим людям, нужны не столько экономические реальности, сколько *показатели*, позволяющие контролировать, как выполняются их руководящие указания.

Недавно "Литературная газета" дала два разных, но одинаково точных определения бюрократа. Первое выражено в вопросе: "Как назвать гражданское должностное лицо, выполняющее указание только вышестоящего должностного лица и защищающее такой образ правления?" Второе: "Суть бюрократизма — это подмена сущности формой". Вряд ли нужно объяснять, что наша система именно на том и стоит.

Что же остается? Самые радикальные советские экономисты отвечают на этот вопрос вполне определенно: назад к нэпу. *Слишком долго*, — пишет Н.Шмелев, — *господствовал в нашем хозяйстве приказ вместо рубля. Настолько долго, что мы уже вроде бы и забыли: было, действительно было время, когда в нашей экономике господствовал рубль, а не приказ, то есть здравый смысл, а не кабинетный, умозрительный произвол.*

Все правильно. Возврат к нэпу с его экономическими стимулами и рычагами был бы сейчас огромным шагом вперед. Тем не менее не будем умиляться и спросим: а каким будет следующий шаг? Вопрос не риторический. Нэп по самой своей природе был этапом *переходным*. Как заметил фельетонист двадцатых годов, нэпом можно идти, но на нем нельзя стоять.

В таких случаях ссылаются на Ленина, который сказал, что нэп "всерьез и надолго". Однако сказано это было в самом начале пути, когда новая политика была на подъеме и основные ее противоречия еще не обозначились.

Дело не в том, что в рамках нэпа существовали разные формы собственности, — они существуют в любой стране. Важно, что сфера действия закона стоимости была ограничена, а его механизм деформирован. Считалось, что гостресты, действующие на основах коммерческого расчета, естественным образом впишутся в систему товарно-денежных отношений. Однако с самого начала тресты были поставлены в особое положение: ограничение размеров частных предприятий и монополия внешней торговли оградили их от конкуренции — внутренней и внешней. Последствия легко было предсказать: рост цен на продукцию трестов и снижение ее качества. Уже в 1923 году за плуг или за ситец крестьянин должен был отдать в четыре раза больше зерна, чем в 1913 году. Началось затоваривание фабрично-заводскими изделиями. Одновременно стали снижаться площади посевов и сбор зерна: при таких "ножницах" цен земля не могла прокормить крестьян. В результате к началу 1928 г. заготовки зерна снизились по сравнению с предыдущим годом на 128 млн. пудов. "Коммерческий расчет" в деятельности трестов все больше уступал место выполнению приказов. И неудивительно. Даже в самом начале, в 1921 году, только в органах ВСНХ работало около 250 тысяч человек. Такого числа начальников ни одна экономика не знала.

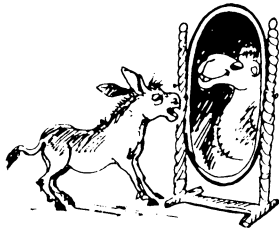
В 1927 г. было принято новое положение о государственных трестах. Оно закрепило сложившуюся практику: главной задачей трестов было объявлено не получение прибыли, а выполнение *обязательных заданий*. Пути двух экономик — рыночной и приказной — разошлись окончательно, гибель одной из них стала вопросом времени.

Иногда спрашивают себя, почему наши вожди так держатся за свою давно оскалдившуюся систему, за все эти планы, фонды, обязательства, госпланы, министерства, комитеты по труду, архитектуре, изобретениям и открытиям? Ведь если они денно и нощно пекутся о том, как бы одеть и накормить любимый народ, то что мешает им использовать опыт первых лет нэпа и таких стран, как Китай, Венгрия, даже Кампучия?

Конечно, цитаты, на которых они воспитаны; конечно, инерция; конечно, любовь командовать, — в этом смысл их жизни. И все-таки, по-моему, главное не в этом. Главное — страх, что экономика, вышедшая из-под контроля, начнет развиваться по своим законам, и кто знает, куда это приведет. Марксисты, они хорошо усвоили тезис о производительных силах, производственных отношениях и надстройке, которая всего лишь *надстройка*. На базисе.

Я не хочу упрощать. Переход от нынешней директивной экономики к экономике нормальной не может быть простым и легким. Он наверняка будет сопровождаться потрясениями. И не такими, как в Венгрии или Китае, а посильнее: ни одна страна не

зашла в развитии социализма так далеко, как мы. И тем не менее все можно пережить, если народ поймет, что длительная полоса экспериментов кончилась, что экономика отныне получит возможность развиваться по своим законам. Не берусь судить, приведет ли это к смене одного "изма" другим. Но к тому, что люди, наконец, начнут жить по-человечески, — несомненно. Почему бы М.С.Горбачеву, среди прочего, не принять во внимание и это простое обстоятельство? ●

ГЛАВНЫЙ ВРАГ ПЕРЕСТРОЙКИ — ТАЙНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

Открытое письмо М.С.Горбачеву

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Думаем, что не ошибемся, если скажем: есть одна группа наших сограждан, которая восприняла апрельский Пленум ЦК КПСС 1985 года и все последующие события с живо-трепещущим интересом.

Речь идет о бывших и настоящих узниках совести, о всех тех, кто попал за решетку, не совершив никакого преступления, кого осудили за высказывания вслух тех мыслей, которыми сейчас заняты головы подавляющего большинства, за чтение и хранение книг, которые сейчас печатают, за распространение информации, которую сейчас распространяют наши радио и печать, наконец, за то, что они в условиях чудовищного пресса, травли и оговоров сохраняли и сохраняют свое человеческое достоинство, свои нравственные ценности.

Иногда их называют политическими заключенными. Это, на наш взгляд, и правильно, и неправильно. Правильно, потому что любая критика государственных и партийных органов может быть расценена как деятельность политическая, и неправильно, поскольку среди этих узников мало людей, имевших и имеющих конкретные политические цели. Поэтому термин "узник совести" более соответствует состоянию тех, кто попал в заключение по статьям 70, 72, 190¹ УК РСФСР и им соответствующим в УК союзных республик, тех, кого "поглотила" другая статья кодекса, но причиной ареста и суда было их инакомыслие, а также тех, кто по этой же причине стал пациентом психиатрических больниц. Сегодня уже ясно, что основная "вина", а точнее, беда этих людей состояла в том, что они опередили время.

Итак, мы утверждаем, что именно эти люди с наибольшим интересом восприняли проводимую вами политику. Многие — с надеждой, верой и тревогой, некоторые — с недоверием и скептицизмом. Но равнодушных не было.

Принадлежа к первой группе, мы глубоко убеждены, что иного пути, кроме пути демократизации, гласности, правды, у страны нет. Все остальное ведет в тупик, все остальное — о чем свидетельствует история — приводит к застою и отставанию в экономике, к лысенковщине в науке, к "Кубанским казакам" и "Целине" в искусстве, к размыванию нравственных и моральных ценностей и, как следствие, к росту преступности и глубокой, часто необратимой деградации. Можно не соглашаться с отдельными конкретными шагами перестройки, можно и нужно критиковать неудачное решение, но если

исходить из желания видеть свою страну процветающей, а ее народы — подлинно свободными, нужна широкая демократия, полная гласность и правда.

Справедливость требует отметить, что еще в июле 1968 года Андрей Дмитриевич Сахаров в своем первом публичном выступлении наметил основные принципы внешней политики ядерных стран, принципы, которые стали основой советских предложений в Женеве и Рейкьявике. Он же вместе с другими инакомыслящими предлагал меры по оздоровлению советской экономики, о которых не только пишут, но которые уже начали претворяться в жизнь.

В 1984 году в Чистопольской тюрьме Балахоновым В.Ф. и Козачковым М.П. было написано "Обращение в ЦК" (послано на имя члена Политбюро ЦК Чебрикова В.М.), в котором давался глубокий анализ состояния советской экономики и предлагались пути решения проблем.

Приводя эти факты, мы преследуем одну цель: дать Вам понять, что подлинные, настоящие, искренние сторонники перестройки — это бывшие и настоящие узники совести. Они ее выстрадали, они заплатили за свои убеждения годами тюрем, лагерей, ссылки. Даже если они в чем-то не согласны с Вами или не верят Вам, — лучших поборников демократии и свободы, правды и чести в нашей стране нет.

С другой стороны, по своей сути, по своим корням, истории, по своей практике главный враг перестройки — тайная политическая полиция, — та часть Комитета государственной безопасности, деятельность которой сосредоточена на собственном народе. Слежка и сыск, доносы и наплевательское отношение к закону и праву, вседозволенность и всепроницаемость при полной бесконтрольности со стороны общественности превратили фактически это учреждение в орган государственной опасности.

Всех тех, кто сегодня не верит или сомневается в необратимости перестройки, можно понять. Пока существует в своем нынешнем виде это ведомство, пока его деятельность внутри страны не ограничена рамками общедоступного закона, пока открыто не проанализирована деятельность органов безопасности не только в далеком, но и в недавнем прошлом и настоящем, пока на страницах печати всенародно не обсуждены их состав, задачи и цели, не определены законные пути достижения этих целей, — перестройка не только может приостановиться, но обязательно повернет вспять. Достаточно вспомнить судьбу Н.С.Хрущева и его демократических преобразований.

Вы уже многого достигли. Страна, по существу, впервые после XXII съезда вздохнула свободно. Воздух свободы пьянит. Но мысль о том, что еще не одна сотня узников томится в лагерях, что многие из них подвергаются пыткам голодом и холодом в ШИЗО и карцерах с цементным полом, что в тюрьмах и лагерях безжалостно конфискуются письма, а свиданий с родственниками не бывает годами, что "прорваться" с жалобой наверх практически невозможно, — эта мысль отрезвляет и располагает к раздумьям.

Общеизвестно, что по отношению к оппозиции судят о демократии, что единомыслие и единообразие — враги демократии, что без борьбы мнений не может родиться истина. Тогда почему далеко не все узники совести освобождены из тюрем, лагерей, из ссылок и психушек? Почему большинство тех, кто освобожден, фактически обогланы? Их помиловали, хотя вина не была доказана, хотя они виновными себя не признали и прошений о помиловании не писали. Почему последняя амнистия лишь слегка задевает узников совести?

Мы не считаем себя политическими деятелями, и нам вроде бы не пристало давать Вам советы, тем более что многие окружающие считают, что сейчас надо быть осторожным, надо опасаться не помешать Вам, не повредить. Это было бы справедливо, если бы речь не шла о свободе людей и страданиях матерей, жен и детей, которые никак не дождутся своих невиновных родных. Поэтому просим Вас незамедлительно освободить всех узников совести, где бы они ни сидели и по какой бы статье они ни были осуждены, в том числе всех верующих, сидящих за свои религиозные взгляды, освободить всех, кто подвергается незаконному лечению в психиатрических больницах.

Освободите, наконец, из вечной ссылки крымско-татарский народ, верните ему родину, а Крыму — подлинного хозяина. Нельзя допускать, чтобы целый народ встречал 70-летие Октября в изгнании.

Нам думается, что следует извиниться перед обогланными писателями, музыкантами, учеными, шахматистами, артистами, перед всеми "бывшими" нашими гражданами и пригласить их вернуться назад. Горько сознавать, что прах великого патриота нашей страны Петра Григорьевича Григоренко покойся на чужбине, а блестящий музыкант современности Мстислав Ростропович не обогащает душу своего народа.

Отпустите всех желающих выехать из страны, и не только с целью воссоединения семей. Свобода включает в себя и свободу выбора страны проживания.

Отмените Указ, оскорбляющий Андрея Дмитриевича Сахарова, и извинитесь перед ним и его супругой за ушаты клеветы и грязи.

Пересмотрите все дела так называемых особо опасных государственных преступников.

И последнее. Просим Вас, уважаемый Михаил Сергеевич, найти хоть несколько минут и лично выслушать нас. Это печально, когда так называемые диссиденты делятся сокровенным не со своими руководителями, а с премьер-министрами других стран. Что и говорить, Вам досталось трудное наследство. И одному Вам с этими трудностями не справиться. Каждая умная голова, каждая пара честных рук — на учете. Не пренебрегайте сотнями инакомыслящих, они стоят миллионов. Ведь Вы — не Брежнев, на Вас не лежит груз собственных ошибок, а исправлять чужие всегда легче.

Алтунян Генрих Ованесович

310103 Харьков, ул.Космонавтов 4, кв. 84.

Недобора Владислав Григорьевич

310023 Харьков, ул.Дзержинского 96, кв. 20.

ОБЛЕГЧИТЬ КОНТАКТЫ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ. ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

Открытое письмо

первому заместителю министра юстиции СССР т. Самощенко И.С.

Уважаемый Иван Сергеевич!

7 декабря 1986 года в газете "Известия" опубликовано ваше интервью неназванному корреспонденту. Интервью предпослано предупреждение: "из компетентных источников", далее — многообещающий заголовок: "Ради облегчения контактов". Под ним пояснение: "С 1 января вступят в силу Дополнения к Положению о въезде в СССР и о выезде из СССР, внесенные постановлением Совета Министров СССР от 28 августа с.г.". В самом начале интервью вы определяете цель вводимого в действие документа: "Стремление облегчить контакты между людьми — вот чем руководствовались наше правительство, внося дополнение". Отсюда следует, что до сего времени контакты между людьми были затруднены. Видимо, затруднены искусственно. Вероятно, следует понимать так, что кто-то одумался и решил исправить ненормальное положение, привести все в полное соответствие с существующим законом в духе опубликованного газетой "Правда" 30 ноября 1986 года документа ЦК КПСС "О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усиления охраны прав и законных интересов (в Конституции СССР, ст. 4 — "и свобод". — М.Б.) граждан".

Словом, интервью с вами не могло оставить равнодушным. Прежде всего, из него следует: "Советским Союзом было принято решение о совершенствовании нашего законодательства с учетом проекта бернского документа", не принятого, как вы утверждаете, "по вине США". Таким образом, вводимое Дополнение к Положению рассматривается вами как шаг в "совершенствовании нашего законодательства". Неясно, правда, как Положение, даже с дополнением, само по себе не являющееся законодательным актом, может "совершенствовать законодательство". Далее вы указываете, что Международный пакт о гражданских и политических правах, ратифицированный СССР в 1973 г., "равно как и Хельсинкский акт, а также Итоговый документ Мадридской встречи, ко-

нечно же, учитываются в советском законодательстве по проблеме контактов между людьми". Юридически звучит это не слишком грамотно: если Хельсинкский Заключительный акт и Итоговый документ Мадридской встречи можно только *учитывать* в советском законодательстве, то они — документы не обязательные. Ратифицированный же Указом Президиума Верховного Совета СССР и вступивший в силу 23 марта 1976 г. (а не в 1973 году, как вы зачем-то уверяете читателей "Известий") Международный пакт — это Закон, то есть документ, *обязательный* для исполнения. Не видеть принципиального различия между этими документами недопустимо.

Контакты между людьми, а точнее — права человека, — это у вас "проблема", по которой имеется "советское законодательство". Но когда у людей есть права, есть свобода контактов, такой проблемы попросту нет. То, что вы публично (печатно) употребили это слово в данном контексте, есть, собственно, признание нашего всеобщего бесправия. Но не будем драматизировать подобное "откровение": оно давно уже ни для кого таковым не является. Признание вами существования у нас этой проблемы — уже хорошо. Отметим лишь, что ни в одной цивилизованной стране такой проблемы нет, общение людей там никем и ничем не затруднено.

В этой связи не совсем понятно, куда это "мы" (кстати, кто эти "мы"? "пошли дальше" тех позиций, которые предусмотрены упомянутыми документами. "Сделано это (видимо, то, что вы называете "пошли дальше". — М.Б.) с тем, чтобы облегчить рассмотрение ходатайств наших граждан и иностранцев". Ну, с иностранцами и так ясно; еще Щедрин сказал: "Иностранцу хорошо, он и у себя дома иностранец". Что же касается "туземцев", — сознательно или нет, но вы совершенно точно указали: все сделано отнюдь не ради предоставления больших прав и свобод, как это диктуется международным пактом, а для "облегчения рассмотрения ходатайств". Так кому же легче? Гражданин-"туземцам" — или работникам соответствующих органов?

Так куда же "пошли дальше"? Прежде всего, вы пишете, что "четко определены основания для въезда в СССР и выезда из СССР по частным делам". Далее следует перечисление таких "частных дел" или "оснований". Их шесть: воссоединение с членами своей семьи, встреча с близкими родственниками, заключение брака, посещение тяжелобольных родственников, посещение мест захоронения близких родственников, разрешение вопросов о наследстве. Последние три — сверх того, что перечислено в Акте. И еще, дословно: "Могут учитываться и другие уважительные причины". Но кто будет определять, какая причина уважительная, какая не очень, а какая — вообще неуважительная? И почему для частных дел должны быть какие-то "обоснования"?

Далее вы перечисляете лиц, отнесенных к понятию "члены семьи", то есть тех, чьи приглашения будут приниматься ОВИРОм. К этой категории отнесены родные брат и сестра, "хотя, как известно, родной брат и сестра не всегда являются членами семьи данного лица". (Интересная мысль; так сказать, социалистическая широта взглядов на семейные связи.) И тут же: "Мы сознательно пошли дальше: если у лица, ходатайствующего о выезде, не имеется в СССР членов семьи, то может быть принято к рассмотрению при представлении приглашения и другого родственника". Теперь окончательно ясно, кому Дополнение принесет облегчение при рассмотрении ходатайств. Сейчас, как и прежде, ОВИР отказывается принимать документы и приглашения от "других родственников". Зато — срок рассмотрения доведен до минимума. Явное облегчение.

Вы утверждаете, Иван Сергеевич, что "во всех международных соглашениях, касающихся контактов между людьми, в основу положены семейные взаимоотношения". Но какие это "все международные соглашения"? Насколько известно, только одно из них упоминает семейные связи — Хельсинкский Заключительный акт и его продолжение, Итоговый документ Мадридской встречи. В остальных международных документах — Всеобщей Декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах — ничего подобного нет. И ни в одном из документов нет ограничений на контакты или на выезд из страны проживания. И дело не только в том, что каждый народ имеет свои представления и традиции семейных связей (к примеру, аборигены Австралии считают *всех* людей в родстве друг с другом), но и в том, что каждый человек, если он не раб, имеет неотъемлемое право решать, с кем ему встречаться и где жить. Хельсинкский акт обращает особое внимание на семейные контакты, поскольку

всякое их ограничение или создание искусственных препятствий к их осуществлению особенно возмутительно в глазах мировой общественности. Однако утверждение, будто Акт в какой-либо мере ограничивает контакты или передвижение людей наличием семейных связей, абсолютно неверно. Напротив — в Итоговом документе Мадридской встречи специально подчеркивается: "Они (страны-участницы) подтверждают особое значение Всеобщей декларации прав человека, Международных пактов о правах человека и других соответствующих международных документов в их совместных и самостоятельных усилиях по поощрению и развитию всеобщего уважения прав человека и основных свобод; они (в том числе и СССР) обращаются с призывом ко всем государствам-участникам действовать в соответствии с этими международными документами". Во всех прочих документах, принятых международным сообществом, никаких ссылок на "семейные взаимоотношения" нет, не говоря уж о том, чтобы положить эти взаимоотношения в основу решения вопросов о контактах между людьми.

Контакты по линии семейных связей (не родственных: слишком широко!), да к тому же со всевозможными ограничениями, наши "компетентные органы" еще могут признать, скрепя сердце: люди не вечны, лет через 20—30 все семейные связи оборвутся естественным образом, и "проблема контактов" иссякнет сама собой. Главное поэтому — не допускать возникновения новых семейных связей через границу. И посему инструкция Министерства юстиции СССР о порядке регистрации в СССР браков советских граждан с иностранцами — "для служебного пользования". При всей нашей нынешней "гласности" прочесть ее невозможно.

В интервью вы, Иван Сергеевич, неоднократно ссылаетесь на международные документы, ратифицированные СССР и, таким образом, ставшие нашими внутренними законами. Но ссылки ваши производят порой странное впечатление. Вот ведь упоминаемый вами Хельсинкский акт: он не предусматривает никаких ограничений на контакты или воссоединение на основе семейных связей. Нет их и в Итоговом документе Мадридской встречи. В самом деле: какие могут быть ограничения на встречи или воссоединение родителей с детьми, мужа с женой, брата с сестрой? Тогда вы решили вспомнить о существовании Международного пакта о гражданских и политических правах. Этот пакт предусматривает ограничения на выезд, а в качестве внутреннего закона — обязателен для исполнения. Очень удобно. Следует, однако, отметить, что ни в одном из шести пунктов, по которым "выезд не разрешается", и ни в одном из трех, по которым "выезд может быть не разрешен", судебная процедура установления соответствующего факта, являющегося причиной отказа в разрешении на выезд, у нас не предусмотрена. Таким образом, свобода произвола и отсутствие гласности сохранены полностью.

Упомянутые документы вы цитируете весьма своеобразно. К примеру, говоря об ограничениях, вы ссылаетесь на пункт 3 статьи 12 Пакта о гражданских и политических правах. Но ведь есть еще и пункт 2, умолчание которого вами не случайно, не ради экономии газетной площади, а вполне сознательно. Ибо пункт 2 гласит:

"Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную".

Подчеркнем: *каждый человек*. Где же "воссоединение с членами своей семьи"? Где "другие уважительные причины"? Конечно, они могут быть, но все это включено в право *каждого* и не может быть предлогом для каких-либо ограничений. Право покидать страну не может быть ограничено "семейными связями" или "другими причинами". Свобода передвижения — право *каждого*. По советскому закону право на выезд (временно или постоянно) имеет *каждый*. Ничего, кроме личного желания, закон не предусматривает. Отношение к этому вопросу характеризует внутреннюю политику государства. "В тех странах, где свободен выезд, — можно жить", — гласит камбоджийская поговорка. Там, где государственный аппарат служит своему народу на деле, а не на словах, государству нечего опасаться потери своих граждан — даже в случае полностью открытых границ. И никаких приглашений предъявлять не требуется: приглашение — документ *въездной*, а не *выездной*.

Так что совершенно ясно, почему вы решили не упоминать об этом пункте статьи советского закона. Но и нужный вам, третий пункт статьи 12 вы представили в урезанном виде. Позвольте привести опущенное вами начало:

"Упомянутые выше права не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимых для охраны..." — далее у вас есть. Да, начало пункта 3 вам явно не годится.

Теперь о Дополнении в целом. В самом начале интервью вы заявили, что "наше правительство", внося Дополнение, руководствовалось стремлением "облегчить контакты между людьми". Вот что, однако, странно. В середине 70-х годов (очевидно, подобного "стремления" тогда не было) тоже говорилось о "воссоединении". При этом обе стороны — подающие и принимающие документы — соблюдали молчаливое соглашение: поскольку представление приглашений закон вообще не предусматривает, ОВИР принимал их от весьма дальних родственников (правда, только из Израиля) и не требовал никаких подтверждений родства. В те годы приглашения из Тель-Авива доходили до Москвы максимум за 10 суток. Теперь они в подавляющем большинстве вообще не доходят, а если такое и случается, то по прошествии нескольких месяцев — и это при ограниченном в СССР сроке их действия. Произвольно ограниченном. Это тоже — "облегчение"? В те годы приглашения принимались ОВИРом в течение года (что также было произволом, поскольку само приглашение не имеет срока окончания его действия), поэтому времени для сбора необходимых документов было все-таки достаточно. Более того: существовала возможность двукратного продления срока действия приглашения каждый раз еще на один год. Таким образом, желающие уехать имели в запасе в общей сложности 3 года. Ныне этот срок — опять же произвольно — сокращен до 6 месяцев, причем без права продления. И это тоже — "стремление к облегчению контактов"? Будем же хоть раз в жизни честными и скажем прямо: истинная цель Дополнения от 28 августа 1986 года к Положению о порядке въезда в СССР и выезда из СССР от 22 сентября 1970 г. состоит в пресечении всякого выезда из страны граждан СССР по частным делам. И никакой иной цели у этого документа нет. Ради этой цели его авторы пренебрегли существующими законами и Конституцией страны. Ну, с авторами-то — дело ясное: они, может, и слова такого — закон — не знают. Но как же Министерству юстиции в вашем лице не возмутиться столь откровенным попранием советской Конституции? Ведь 7-й пункт ее 121-й статьи предусматривает отмену "постановления и распоряжения Совета Министров СССР и Совета Министров союзных республик в случае несоответствия их закону". И кому, как не Министерству юстиции входить в Президиум Верховного Совета СССР с требованием такой отмены? Кроме того, как и раньше, Дополнение не предоставляет "подавателям" никаких возможностей для обжалования решений об отказе в разрешении на выезд ни в административном, ни в судебном порядке. По существу, этот документ — легализация того произвола, к которому эволюционировала практика ОВИРа за последние годы. И на все это Министерство юстиции взирает спокойно и — судя по интервью с вами — одобрительно.

И последнее. Почему-то в вашем интервью упоминаются только три документа. Совершенно "забыт" главный документ ООН — Всеобщая Декларация Прав Человека. Вместе с ней все действующие на сегодня четыре документа — как бы русская матрешка: один в другом, и чем меньше матрешка, тем меньше прав. Всеобщая Декларация (1948 г.) утверждала право каждого человека не только покидать любую страну, включая свою собственную, но и возвращаться в нее. Международный пакт о гражданских и политических правах ООН (1966 г.) права на возвращение в свою страну не оговаривает. Хельсинкский Заключительный акт (1975 г.) и Итоговый документ Мадридской встречи (1980 г.) "пошли дальше": здесь уже речь идет только о "контактах на основе семейных связей", "воссоединение семей и браков между гражданами различных стран". И, наконец, расхваливаемое вами Дополнение (1986 г.). Документ этот международно-го значения, конечно, не имеет, он, так сказать, "для внутреннего употребления". Но он "пошел еще дальше", перечислив поименно, кого именно граждан СССР имеет право считать членом своей семьи. Пока это — самая малая "матрешка". Пока...

“НАШЕ МОЛЧАНИЕ ДЕЛАЕТ НАС СООБЩНИКАМИ ПОГРОМЩИКОВ”

Мы давно уже с тревогой замечаем рост агрессивного-националистических и антисемитских настроений в современном русском обществе. Похоже, носители этих настроений как в идейном, так и в организационном отношении оказались общественной силой, наиболее подготовленной к “эпохе перемен”. Попытки оказать им отпор с позиций официального интернационализма выглядят беспомощно. Так, проводимое в нашей печати со второй половины мая с.г. обсуждение деятельности объединения “Память” отличается какой-то скованностью и даже застенчивостью по отношению к еврейскому вопросу. Создается впечатление: что-то или кто-то не позволяет провести дискуссию на таком уровне, который способствовал бы появлению у людей собственной ясной позиции в этом вопросе, основанной на полной информации. Очевидно, что для выработки такой ясности необходимо правдивое освещение ситуации. Проблема не может быть даже четко сформулирована до тех пор, пока защищается лживый тезис, будто еврейского вопроса у нас вообще не существует, а проявления общественного антисемитизма “нетипичны”.

Но дело не только в “Памяти”. Важно то, что политическая ситуация в стране нестабильна. Здесь не место рассуждать о перспективах нынешнего развития. Не исключено, что высшему руководству они столь же неясны, как и нам. Для темы нашего письма существенно следующее: в условиях этой нестабильности, когда агрессивный русский национализм (всем известно, что его проявления не ограничиваются деятельностью “Памяти”) стремится стать реальной политической силой и предлагает свою — национально-социалистическую — версию “перестройки”, в этих условиях евреям действительно *есть чего опасаться*. Существенно также и то, что даже у той части нашего общества, что стремится к демократическим преобразованиям, отсутствует ясная нравственная позиция в национальном вопросе.

И вот из “Вечерней Москвы” от 7 и 8 сентября с.г. мы узнали, что исполком Моссовета запретил митинг против антисемитизма. Читая газетные тексты, мы испытывали стыд. Обращение Инициативной группы, приведенное в газете, прозвучало горьким упреком в наш адрес. Ведь именно нам, евреям, должна принадлежать инициатива в борьбе с антисемитизмом. Но мы молчим и своим молчанием создали позорную для нас ситуацию, когда евреи оказались вынужденными первыми выступить против общественного антисемитизма.

А что об этом пишут газеты? (Насколько нам известно, теме несостоявшегося митинга посвящено шесть публикаций в московской и центральной прессе). Возьмем большую анонимную статью в “Известиях” под характерным названием “Кому не дает покоя наша перестройка” (18.9.87). Всякому непредвзятому читателю бросается в глаза контраст между чрезвычайной деликатной процедурой по “отделению пшеницы от плевел” в случае объединения “Память” (“чистое стремление людей к сохранению памяти прошлого” отделяется от “великодержавного шовинизма”) и прямыми оскорблениями в адрес Инициативной группы, участников которой называют просто “provokatorami”. В “чистом стремлении” им с порога отказано. Более того, безымянный автор статьи в “Известиях” делает злощастный намек на то, что члены Инициативной группы — платные агенты “западных спецслужб”. Да и вообще, как только речь заходит об этой теме, наши журналисты без угроз ни ступить, ни молвить не умеют. Так, “Вечерняя Москва” (Н.Арефьев, Р.Строков) сулит евреям статью 74 УК РСФСР (“Нарушение национального и расового равноправия”).

Известинский журналист, забыв, вероятно, о том, что письмо Инициативной группы уже “предано гласности” в “Вечерней Москве”, пишет, что в этом письме “действия некоторых лидеров “Памяти” отождествляются... чуть ли не с официальной политикой”. В письме нет ничего подобного: напротив, оно предполагает *диалог с властью*. Приведенный “бредовый вывод”, а также утверждение о “государственном антисемитизме” в нашей стране принадлежит автору статьи в “Известиях”.

Но, может быть, ему виднее?

Вот он декларирует официальную точку зрения: “Мы — интернационалисты. Наше отношение как к антисемитизму, так и к сионизму однозначно отрицательное”. Однако эта однозначность достигается с помощью подтасовки смысла терминов. А в результате скомпрометированным оказывается хорошее слово “интернационализм”.

Антисемитизм — это ненависть к евреям, воспринимаемым как источник или орудие всякого рода зол. Эта ненависть выливается в разные формы, приобретает различные мифические и идеологические оболочки, она прибегает к многообразным псевдорациональным обоснованиям. Известен эллинистический миф о вонючих и пархатых евреях-человеконенавистниках. В христианстве веками господствовал миф о евреях-богоубийцах и служителях дьявола. Внутри христианства постепенно сформировались почти все идеи и лозунги секулярного и расистского антисемитизма. Осуждаемое католической Церковью “еврейское ростовщичество” превращается в “мировую еврейскую плутократию”, и далее — в “засилье сионистского капитала”. Германские национал-социалисты, антисе-

митизм которых был обоснован чисто биологическим понятием нации, считали евреев творцами одновременно капитализма и большевизма.

Сионизм — это движение еврейского народа за образование собственного государства, иногда окрашенное мессианской надеждой. После создания государства Израиль — это движение за переселение в него возможно большего числа евреев, за возрождение и развитие национальной культуры с центром в этой стране. Примерно так определяется понятие "сионизм" в наиболее авторитетных западных энциклопедиях. Однако резолюция 3373 Генеральной Ассамблеи ООН, принятая 10 ноября 1975 г. голосами нашего лагеря и арабских государств, квалифицирует сионизм как "форму расизма и расовой дискриминации". (Согласно ст. 10 Устава ООН, такие резолюции имеют рекомендательный характер.)

Здесь следует сказать со всей определенностью: применительно к условиям нашей страны такое понятие сионизма, а также сама формула "против антисемитизма и сионизма одновременно" — лишь очередная идеологическая оболочка антисемитизма. Никакого другого смысла эта формула просто не может иметь. Она и создана специально для того, что легализовать антисемитизм в рамках коммунистической идеологии, то есть не нарушая интернационалистских табу.

Антисионизм впервые стал псевдонимом официально санкционированного антисемитизма в конце сороковых годов, в период великой борьбы с "безродными космополитами", агентурой американского империализма. Тогда еврейский народ в целом стал официальным образом врага, объектом всенародной ненависти, находился под угрозой депортации.

Здесь мы видим один из классических вариантов антисемитского мифа: еврей как орудие и проводники чужеродного (западного) влияния. Этот вариант и до сего дня используется как в официальной идеологии, так и в русском национализме. (Андрей Черкизов в "Советской культуре" от 31 марта с.г. спрашивает: "Зачем вообще, каких соображений ради, делать акцент на национальном составе партии большевиков?" — Он, конечно, знает ответ на свой вопрос.)

И до сегодняшнего дня советские евреи ощущают на себе последствия борьбы с космополитизмом. Одно из них — столь же общеизвестная, сколь и "недоказуемая" дискриминация евреев при приеме в вузы и на работу. Еврейской культуре так и не дали оправиться после разгрома, учиненного в конце сороковых — начале пятидесятых годов. Но теперь стратегия официального антисемитизма изменилась. Сионистами, предателями, изменниками, агентами спецслужб объявляют лишь тех евреев, которые своевольно напоминают о своем еврействе, — тех, кто стремится к возрождению национальной культуры, и в особенности тех, кто борется за право выезда в Израиль. А все остальные оказываются в положении заложников.

Наиболее пронзительное свидетельство о том жалком и страшном положении, до которого мы довели еврейский народ в нашей стране, — это письма "честных советских граждан еврейской национальности". Наша пресса публикует их при всяком удобном случае. "Вечерняя Москва", рассказывая о "провокаторах" из Инициативной группы, открыто напоминает лицам еврейской национальности об их статусе заложников: "Молчать нельзя и о том, что эта шумиха, скажем прямо, бросает тень на тысячи и тысячи честных советских евреев, истинных граждан своей страны".

Чтение этих писем производит гнетущее и страшное впечатление. "Предатели", "вам не удастся опозорить нас", "отщепенцы, компрометирующие своим предательством всех евреев, живущих в СССР", — это голос затравленных людей, кожей и чуть ли не генетическим кодом *знающих*, что такое коллективная вина. Голос людей, хотящих только одного: чтобы окружающие (то есть мы) забыли об их еврействе... Девяносто лет назад Теодор Герцль, один из создателей сионизма, писал: "Если бы только нас оставили в покое... Но я думаю, что нас не оставят в покое".

И это пророчество Герцля, и все упомянутые в нашем письме темы приобретают особый смысл в свете Катастрофы европейского еврейства. И здесь мы должны вспомнить о том, что именно Россия подарила миру "Протоколы сионских мудрецов", которые использовались для разжигания ненависти к евреям в Германии двадцатых годов и с пятидесятых годов применяются для той же цели в арабских странах. Как известно, не забыты "Протоколы" и в нашей стране. Память о Катастрофе заставляет нас сказать: определение сионизма как разновидности расизма и бытующее в советской литературе отождествление сионизма с "фашизмом" — это злорадное глумление над памятью жертв геноцида. Не случайно в нашей стране не опубликовано почти ничего из обширной литературы о теории и практике гитлеровского "окончательного решения еврейского вопроса".

Генрих Бельз написал, что "лучше быть убитым евреем, чем живым немцем". Для нас, "советских граждан нееврейской национальности", альтернатива, к счастью, пока не формулируется столь остро. Но наше молчание уже сейчас делает нас сообщниками потенциальных погромщиков. ●

27 сентября 1987 г.

Сергей Лезов, филолог (Москва, А-167, Ленинградский проспект, 45-4-367, тел. 157-44-83); Сергей Тищенко, физик (Москва, ул. Криворожская, 5-1-49, тел. 113-36-59); Елена Вардзигулова, филолог; Владимир Прибыловский, историк; Кирил Попов, химик; Сергей Пестов, библиотекарь, Маргарита Петросян, юрист; Андрей Шилков, историк; Нина Лисовская, биохимик.

Письмо было адресовано секретарю ЦК КПСС А.Яковлеву, редакциям газет "Вечерняя Москва", "Известия", "Московский Комсомолец", "Аргументы и факты", "Московские Новости". Ни одна из газет его не опубликовала.

Алексей ЗВЕРЕВ (Москва)

ОТКРЫВАЯ ЧИСТУЮ СТРАНИЦУ

Узники совести и перестройка

В начале марта 1987 года я направил письмо в газету "Московские новости". Оно не было опубликовано. Предлагая сегодня читателям это письмо, я внес в него некоторые дополнения, но в основном его суть осталась прежней. Несколько слов в качестве вступления.

Лучшие люди земли веками боролись за свободу. Свобода кровно нужна всем, даже тем, кто равнодушен к ней. Ибо свобода — это не только личное достоинство или права отдельных граждан. Это еще и инициатива во всех сферах жизни общества, сверху донизу. Без свободы у нас не будет не только книг, но и масла, зерна и новейших компьютеров. Крестьянин должен быть уверен, что у него не отберут приусадебный участок, рабочий — что *его* профсоюз защитит его от мастера-взяточника, писатель — что его не заставят лгать о крестьянине и рабочем, о человеке вообще, не заставят славить Беломорканал, отвернувшись от трупов, плывущих в Лету по его течению...

О свободе можно забыть, но она мстит за такую забывчивость. Можно отдать ее за хлеб, за землю, за призрак национального величия. Но она мстит за это национальной трагедией. Мстит Освенцимом и Колымой, сгоревшим Берлином и опустевшим российским полем.

Давно известно, что свобода есть лишь в той степени, в какой за нее борются. Она есть до тех пор, пока ее отстаивают. И так уж бывает, что тем, кто взялся за это трудное дело, порою не миновать тюремных стен. Поэтому в любом обществе, вдохнувшем хотя бы глоток свежего воздуха, на очереди стоит вопрос об узниках совести. Освобождение узников совести — необходимое условие развития общества. Повторю: для того, чтобы на тамбовском заводе работал компьютер, чтобы в Петрозаводске масло выдавали не по талонам, а в Нечерноземье не скармливали скоту буханки хлеба, политзаключенных у нас просто не должно быть — ни сейчас, ни в дальнейшем.

Объявленная в нашей стране перестройка не обошла своим вниманием и эту сферу. Каким бы трудным и болезненным ни был процесс освобождения узников совести, какими бы непрочными ни были первые ростки свободы, мы должны приветствовать любые шаги в этом направлении. Ибо мы — то есть те, кто был по тем или иным причинам несогласен с политикой прежнего руководства (или нескольких прежних лидеров) — есть часть народа.

*

Ситуация, с которой все мы — граждане этой страны — имеем дело, очень сложна. Она не поддается однозначному описанию. Недовольство, которое широкие слои населения при Брежневте топили в пьянстве, никуда не ушло. Несмотря на поддержку, которой пользуются многие меры нового руководства в наиболее энергичных, сознательных слоях общества, в стране происходит "революция ожиданий", — людям уже недостаточно надежд, они нетерпеливо ждут перемен и недовольны полумерами. С другой стороны, часть руководства страны и в центре, и на местах всячески тормозит начатые реформы. Как уже указывалось многими и у нас в стране, и за границей, у нашей администрации, по-видимому, еще нет четкого плана политических и экономических реформ. Это, по сути, признал и сам Горбачев, когда он на одной из встреч с населением сказал: "У нас нет готовых рецептов". Правительство движется методом проб и ошибок, возможен шаг вперед в одной сфере, например, культурной, и вспять от демократии в другой, например, в национальном вопросе. Тем более что интересы правящей элиты не всегда одинаковы и побеждает то одна, то другая группа. Люди, исследующие феномен бюрократии в советском обществе, указывают на то, что в настоящее время нельзя проводить знак равенства между советским руководящим слоем и бюрократией. Определенная часть руководства, реалистически понимая, что полностью от бюрократии избавиться невозможно, хотела бы устранить хотя бы наиболее одиозные ее проявления. Будущее покажет, насколько возможен этот процесс.

Пока что идет борьба. Она идет не только наверху. Ее ловит резонатор прессы, столкновения кипят на съездах и пленумах творческих союзов. Однако отголоски этой борьбы все еще заглушает "подсистема страха": она сковывает инициативу наших лучших журналистов, исподволь давит на самых смелых наших писателей. Бюрократические структуры, несмотря ни на какие перестройки, являя свою незыблемость. Люди хотят перестройки — но перестройка еще практически не коснулась рабочих и крестьян. Есть диспропорции в размахе реформ и между отдельными районами страны, Москвой и Ленинградом, Москвой и Киевом и даже Москвой и Балашихой или Люберцами. На огромной части территории страны об ускорении, гласности или перестройке только слышали.

По сравнению с февралем и мартом 1987 г., на мой взгляд, сейчас, в мае, наблюдается явная реакция против довольно решительных шагов Горбачева и его сторонников начиная с январского пленума ЦК. Налицо очередной откат. Очередной, потому что он по крайней мере четвертый по счету со времени XXVII съезда партии. Первый был на самом съезде, когда некоторые делегаты пытались взять под сомнение статью "Очищение" в "Правде", где был поставлен вопрос о закрытых распределителях; при этом Г.Алиев в своем тогдашнем интервью заявлял, что таких распределителей у нас нет, но на свою жизнь он не жаляется. Второй выразился в долгом молчании Горбачева во время чернобыльской катастрофы и в отсутствии гласности в первые, самые трагические ее дни. Третий откат — это, по меткому выражению Н.Шмелева ("Новый мир", № 6, 1987), "более чем двухмесячный разгул "административного умопомешательства" по всей стране в связи с принятием скороспелого закона о нетрудовых доходах" (лето 1986 г.).

Нынешний, четвертый откат, очевидно, берет свое начало с публикации в "Московских новостях" довольно резкого по тону письма "Пусть Горбачев предоставит нам доказательства", принадлежащего перу десяти эмигрантов. Даже если у редакции "МН" и было желание с помощью этой публикации легализовать обсуждение вопросов, поднятых в "письме десяти" (если оно было, то цель эта благородна), то эффект был прямо противоположным. Мы получили первую при новом руководстве — и, пожалуй, первую со времен последней травли А.Д.Сахарова летом 1984 г. — кампанию псевдопатриотического осуждения "несозвучных". Можно спорить с авторами письма, соглашаться или не соглашаться с ними — это право каждого. Но приходится констатировать: появление этого письма в "МН" вместо гласности продемонстрировало "синдром бетонной стены". Да простят меня сотрудники "Правды", "Огонька", "Литгазеты", высказавшие свой гражданский гнев по поводу "письма десяти", но в ту пору мне невольно думалось: "Хорошо, что эти эмигранты не приехали. Теперь до них никакая волосатая лапа не дотянется". "Потолок" был опущен — и на этот раз твердо. К тому же, как гласит вездесущая молва, студентам МГУ так понравилось "письмо десяти", что они размножили его на ксероксе, и в результате главный редактор "МН" Егор Яковлев получил взъяснение за то, что это письмо опубликовал. Теперь же приструненная газета наравне с "Трудом", недавно очень некрасиво выступившим по поводу Анатолия Марченко и Ларисы Богораз, чернит литовского политузника Балиса Гаюскаса, проводшего в лагерях 30 лет.

Трудно, "со скрипом", идет освобождение политзаключенных. Нескольких из них — тех, с кем шли "беседы" об условиях освобождения, — отправили обратно в лагерь. Почти в полном составе по-прежнему находится в лагерях цвет украинского национального движения. Украинские узники совести переводятся из лагерей, расположенных на Украине, в уголовные лагеря, затерянные в глубине России. В то же время Украинская ССР, к сожалению, является республикой, в которой местные власти подходят к перестройке с наибольшей заскорузлостью. Как говорил один из украинских делегатов на последнем пленуме правления Союза писателей, в Чернигове, например, нет ни одной украинской школы. В Киеве существует только одна телепрограмма на украинском языке при двух русских, причем иногда лучшие "перестроечные" передачи Центрального телевидения в Киеве не показывают, пуская вместо них украинскую программу, представляющую собой кальку с программы "Время". Запущенность всех этих проблем ведет к тому, что особая зона лагеря № 36 в Пермской области заполнена почти исключительно украинскими политузниками, и конца этому не видно.

С другой стороны, в России никто из уже вышедших на волю узников совести пока арестован не был. Более того, в апреле и мае были освобождены новые политзаключенные, в том числе по ст. 190¹, 227 ("использование религиозного культа в антиобщественных целях"), а также из некоторых психбольниц. В то же время освобождают все еще очень мало, а главное — меньше людей, чем это было в феврале.

Есть и другие признаки реакции. Существует, по крайней мере в Москве, усиленное шовинистическое брожение, выплеснувшееся как на последнем съезде писателей, так и на недавнем пленуме правления СП. Открыто действует — шумит на собраниях, демонстрирует на улицах — объединение "Память", на сходках которой произносятся антисемитские речи. Деятельность этого объединения приобрела в последнее время такой размах, что первый секретарь МГК КПСС даже был вынужден встретиться с его участниками, чтобы успокоить страсти. 22 мая "Комсомольская правда" статьей "В беспомоществе" обрушилась на антисемитов из "Памяти". Ну что здесь можно сказать? Приятно, когда комсомол занимается делом.

Вероятно, почуяв, что ветер подул слегка в другую сторону, более открыто стали выступать писатели — противники издания ранее запрещенных произведений. П.Проскурин назвал издание таких авторов "некрофилией", за что получил гласный отпор со стороны других деятелей литературы.

С другой стороны, публикация этих произведений продолжается; в члены СП принят ранее исключенный из него (в период "Метрополя") С.Липкин. Открылось много новых клубов самых разных направлений. Оживилась работа историков, социологов, экономистов, среди них кипят

бурные публичные дискуссии. В журнале "Век XX и мир" опубликована (№ 4) статья Г.Павловского об исторической памяти и запланирована публикация статьи Г.Померанца.¹

Все это показывает преждевременность окончательных выводов. "Чернобыльский откат" натолкнул руководство на мысль ослабить цензуру. Будем надеяться, что и нынешняя заминка недолговечна. В любые открывающиеся двери следует входить. И конечно, открывать новые двери.

*

Привожу свое письмо в редакцию "Московских новостей":

Уважаемый главный редактор!

С большим интересом прочел в № 8 Вашей газеты за нынешний год статью В.Симонова "Вид из их окна", а в № 9 — статью Л.Карпинского "Нелепо мяться перед открытой дверью". В первой из них попутно, а во второй более обстоятельно авторы пытаются затронуть тему инакомыслия в нашей стране.

Конечно, появление таких статей не случайно. Оно стоит в ряду таких событий, как возвращение А.Д.Сахарова в Москву, а затем приглашение его в Останкино на телемост с американскими зрителями (жаль только, что не с нашими!) и на форум "За безъядерный мир, за выживание человечества"; возвращение более 150 политзаключенных из лагерей и тюрем; уже состоявшаяся и планируемая на будущее публикация ранее запрещенных произведений²).

Эти и подобные им события неординарны и радостны. Их с открытой душой приветствуют в мире все, кто непредвзято относится к Советскому Союзу, — "зеленые" из ФРГ и сторонники разоружения в США, писатель Грэм Грин и актер Питер Устинов. Со словами о том, что Горбачеву можно верить, что его нужно поддержать, выступили Ганс Дитрих Геншер и Маргарет Тэтчер. Ряд деятелей Запада (такие, как Генри Киссинджер) опасаются усиления СССР как мировой державы в том случае, если перестройка будет иметь успех. Но в основном образ Советского Союза на Западе меняется к лучшему.

То же происходит и на Востоке. Граждане Чехословакии, отмечая сходство призывов Горбачева о "человеческом факторе" с практикой "социализма с человеческим лицом", периода "Правдой весны, устроили недавно советскому лидеру волнующую встречу. Поляки сравнивают его предположения о самоуправлении с тем реальным самоуправлением, которого они добились в период "Солидарности" (утратив его потом). Граждане ГДР с утра выстраиваются в очередь за газетой "Правда", объединяются в кружки по изучению русского языка. Вест об освобождении наших узников совести, воспринимаемая как элемент перестройки, может лишь прибавить всем этим людям уважения к Советскому Союзу, его внешней и внутренней политике.

И только гражданину из очереди в городе Пензе "не положено" знать об этом. Для него — если он читает газеты — вчера было "положено" говорить: "У нас нет политических заключенных", а завтра — "У нас их уже нет". И все — шито-крыто, было и не было.

"Правда" об освобождении узников совести не писала. "Известия" отделались порочащим хвостиком под названием "Гуманный акт". Хвостиком этим "Известия" вильнули так незаметно, что никто так и не понял, в чем заключалось проявление гуманизма. Так что теперь смело можно влиять в обратную сторону — и опять никто не заметит. А если и заметит, так ведь у нас еще немало благородных животных в отдельных органах печати: так хрюкнут, что не обрадуешься.

Единственная газета, где об этом событии было сказано хоть сколько-нибудь подробно, — "МН". Но как сказано? В № 8 под рубрикой "В пресс-центре МИД СССР" читаем:

"Была дана информация о том, что 140 советских граждан, подавших ходатайства, освобождены от дальнейшего отбывания сроков наказаний.

Возникает вопрос: на каких юридических основаниях освобождены указанные граждане?

¹ Эта публикация до сего времени не состоялась. — Ред.

² К сожалению, тем, у кого еще недавно изымались "Доктор Живаго" Пастернака, "Реквием" Ахматовой, "Собачье сердце" Булгакова и т.д., эти произведения пока не возвращают.

Корреспондент "МН" получил следующие разъяснения:

Ходатайства таких граждан рассматривались в индивидуальном порядке Президиумом Верховного Совета СССР. Лица, о которых шла речь на брифинге, заявили о прекращении ими противоправной деятельности".

Это неточность, если не сказать больше.

Во-первых, к моменту этого "брифинга" число освобожденных было не 140, а в три раза меньше. Цифра 140 была перекрыта лишь через два месяца с лишним. Но до сих пор минимум 500 узников совести отмечают свои дни рождения в различных тюрьмах и лагерях СССР.

Кроме того, почти никто из ныне освобожденных не заявлял о прекращении им противоправной деятельности, так как не считал ее таковой. Многие так и писали в своих заявлениях. От них и не требовали осуждения свои поступков. Процедура освобождения осужденных по ст. 70, ч. 1 была, особенно вначале, достаточно мягкой. Заключение писали о том, что они обязуются не наносить ущерба советскому государству, хотя и раньше его не наносили, оговаривали, что будут и в дальнейшем выступать за освобождение своих товарищей, просили об освобождении по состоянию здоровья и т.п. "Покаяния" не требовалось. Узники совести просили об освобождении, а не о помиловании. Однако в справках об освобождении, выданных им, почти всегда значилось "Помилован по указу ПВС СССР" (этот указ до сих пор не опубликован и скрыт от советской общественности).

И уж конечно, не "ходатайства" были причиной их выхода на свободу, а наоборот — принятое сверху решение об освобождении было без особых юридических формальностей оформлено "ходатайствами".

Так было с освобождением заключенных из пермских и мордовских лагерей строгого режима и Чистопольской тюрьмы. Эти люди в основном были осуждены по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР и ее аналогам в уголовных кодексах союзных республик.

К положительным моментам можно отнести то, что те из освобожденных, которые до ареста жили в Москве и имели родственников, за немногими исключениями, были прописаны и получили возможность устроиться на работу.

Однако одновременно было заявлено, что статья 70 остается в силе.

Это значит, что никакого кардинального значения эти "гуманные акты" не имеют и иметь не могут.

Изменился ли характер Российской империи Павла I только из-за того, что он вернул Радищева из сибирского острога? Воцарилась ли законность при Александре II оттого, что он помиловал оставшихся декабристов?

Могут сказать: при Павле ничего не изменилось, а при Александре II, после проведения в жизнь судебной реформы определенные правовые гарантии были установлены. Также и у нас — готовится реформа УК, в печати обсуждаются вопросы о допуске адвоката на предварительное следствие, об отмене смертной казни. Поживем — увидим. Пока случаи пренебрежения указом о помиловании в разных формах носят эпизодический характер. Но до тех пор, пока существует аппарат принуждения, состоящий из тех же лиц, и сохраняется юридическая основа для преследований, ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

Особую тревогу вызывает судьба узников совести, осужденных по ст. 70, ч. 2. Их отличие от тех, кого осуждали по ч. 1 той же статьи, состоит лишь в том, что над ними дважды или трижды была совершена произвольная расправа. Например, М.Горбаль или М.Горынь были виновны лишь в том, что любили свою родину — Украину; их беда в том, что "компетентные органы" на Украине при В.Федорчуке — и, к сожалению, не только при нем — действовали особенно зверски.

Люди, далекие от правозащитной проблематики, могут возразить: да так ли все плохо? Разве одновременно со всем вышеперечисленным у нас не публикуются стихи, романы, не выходят на экран фильмы, правдиво повествующие о самых мрачных страницах нашей послеволюционной истории? Разве беззакония и той, и этой поры не подвергаются всеобщему осуждению? Разве Горбачеву не удалось за два года изменить атмосферу в стране, повернуть ее к правде, откровенности, гласности?

Дело, по-моему, в том, что преобразования в литературе, кинематографии, прессе и т.д. идут как бы в одном измерении, а ужесточение режима — в другом. Писатель пуб-

лично выступает за правду — тюремщик ломает руку заключенному, срывая с него крест. Можно было бы вспомнить о том, как в 1932 г., когда писатели праздновали избавление от "рапповской дубинки", — миллионы людей умирали от голода на Украине, голодали и мерли и в других частях СССР. Конечно, сейчас этого нет. Но отступления от правды, от законности в какой-то одной сфере неизбежно ведут к таким же отступлениям и в другой.

Существование ублюдочно-сталинского режима следствия, суда, заключения — это гроб для перестройки. И чем скорее это осознают наши государственные деятели, социологи, экономисты, писатели, тем лучше. Чем скорее осознает это сам Горбачев, тем больше шансов у него будет войти в историю не просто очередным высокопоставленным администратором, а Освободителем.

Пока же — тревоги матерей и жен тех, кого не освобождают из-за "неясных самодвижений бюрократии" (пользуюсь словами Геннадия Герасимова, сказанными в одной из телепередач), личные драмы тех несправедливо осужденных, которые рассматривают подачу "прошений" как сделку со своей совестью, многочисленные отступления и зигзаги в сторону от уже, казалось бы, взятого курса, серьезно подрывают доверие к советскому руководству. А между тем это доверие сейчас необходимо. Без хотя бы минимального доверия к нынешнему руководству перестройка рухнет, так и не начавшись.

Сознаю, что произнося эти слова, я принимаю на себя определенную ответственность. В самом деле — ведь для большинства народа еще ничего не изменилось. В самом деле — трудно сдержать негодование при виде продолжающихся нарушений прав человека. В самом деле — чем можно объяснить тот факт, что 9 февраля 1987 г. в Вене министр юстиции РСФСР, председатель ассоциации советских юристов А. Сухарев дает обещание освободить 140 человек и пересмотреть дела еще 140, заявляет о том, что он не видит причин, по которым не могла бы быть пересмотрена и 70-я статья УК РСФСР, а 1 апреля 1987 г. тот же А. Сухарев заявляет в № 14 "Московских новостей", что ст. 70 изменена не будет, а о 280 узниках совести даже не упоминает? А ведь приведенные выше высказывания Сухарева от 9 февраля, взятые мной из зарубежной коммунистической печати, слышал весь мир. Но что нам до того, если высокопоставленный чиновник говорит сегодня одно, а завтра другое. Точнее, не нам, не советской общественности, а тем высокопоставленным лицам, для которых перестройка — только очередной камуфляж.

А бывает и хуже. Не обходится и без корыстных интересов тех представителей правоохранительных органов, кто раньше устраивал избиения и пытки политических руками уголовников, а теперь боится разоблачения, без противодействия тех, кто был скор на несправедное осуждение в рамках "телефонного права", а теперь до смерти боится потерять свой подмоченный престиж и теплое кресло.

Но — как бы там ни было — свыше 150 политзаключенных возвратились домой. Конечно, они рады прекращению своих мучений. Но у одного за плечами двадцать лет лагерей, он нажил себе дистрофию или большое сердце, другой помнит, как его после инфаркта ставили к токарному станку, говоря при этом: "Ты здесь подохнешь, и никто так и не узнает"; третий беспокоится — как-то будет с пропиской, с жильем, с работой. Многие, отбыв один или два срока, так и не могут избавиться от ощущения, что их отпускают ненадолго, что рано или поздно их снова арестуют. Они привыкли к бесправию и хотят уехать из этой бесправной страны, так и не вникнув в суть происходящих перемен, а может быть, просто устав от борьбы. Люди устали биться головой о каменную стену. Осуждать их за это невозможно. Печально, что они не верят в возможность сделать что-то стоящее здесь, у нас, и не участвуют в нашей — а не эмигрантской — общественной жизни, хотя, казалось бы, сейчас самое время *участвовать*.

Время участия — время памяти, гласят газетные строки.

Да, есть что вспомнить и московским правозащитникам, и донецким баптистам, и крымским татарам, и евреям, и латышам, и старикам с Западной Украины. Они помнят, и их дети ничего и никогда не забудут. А если помнит хоть один человек, то рано или поздно вспомнят все.

Вот только не пойдут они в советскую газету со своими бедами. И корреспондента к ним посылать было бы бестактно — человек уже все пережил, перестрадал, отгорел.

Они и разговаривать-то с ним не станут, с этим корреспондентом. Те же старики с Западной Украины, — приезжий москвич уедет, а их самих местные власти сотрут в порошок за эту самую "связь с Москвой". А между тем во Львовской области милиция запрещает даже петь колядки на Рождество, а в городе Сваляве Закарпатской области власти недавно сняли крест с местного униатского храма, заменив его православным. Как будто в наше время для "чистоты идеологии и борьбы с украинским буржуазным национализмом" необходимо, чтобы и крест был стандартной формы!

Для меня судьбы этих людей безразличны. Так же, как и судьба намечаемой у нас реформы Уголовного кодекса, как и судьба нашей выборности, нашей гласности, нашего рабочего самоуправления и нашей индивидуальной трудовой деятельности. Короче, как и судьба нашей перестройки, в которую многие не верят, способствуя тем самым ее падению.

Живя в Москве, в атмосфере в известной мере теплой (то есть среди "находившихся в долгом забвении" замечательных произведений литературы, кино, которые еще далеко не определяют повседневную жизнь страны, а особенно жизнь за пределами столицы), иной раз думаешь: никогда раньше не было так хорошо, как сейчас, а может быть, и не будет. Но мгновение неостановимо: будет лучше или хуже. Будет нелегкая жизнь: отупляющие очереди и равнодушный вандализм молодежи; "люберы"; психушки (где до сих пор томится честнейший Владимир Гершуни и десятки других инакомыслящих); бездарный антисемитизм "великих писателей земли русской", "певцов крестьянского быта", "печальников оскудения Сибири" (снял бы кавычки, да как же с ним быть, с антисемитизмом?). Стихи Ирины Ратушинской по-прежнему доносятся к нам с далекого берега — и как тут не вспомнить ее строчки: "Но останутся основания для умеющих обвинять...", — потому-то ее и нет сейчас на нашем берегу...

Но в нашей жизни есть место и для "Покаяния" — фильма, под знаком которого идет все лучшее, что внесли в нашу историю последние месяцы. Есть выставки задиристых молодых художников. Есть одно-единственное кооперативное кафе на Кропоткинской, 36. Есть прямые телемосты и неподцензурные интервью с Джорджем Шульцем и Маргарет Тэтчер. Есть узники совести, вышедшие на свободу.

В начале своего письма я упомянул о двух статьях в "МН". Скажу теперь, что я думаю о них.

Статья В.Симонова "Вид из окна" датирована 22 февраля 1987 г. Для тех, кто жил в это время в Москве и следил за событиями изнутри, эти зимние месяцы были временем надежды, временем напряженного ожидания перемен. Только что прошел драматический январский пленум, на котором были приняты смелые решения. Физическое ощущение, как руководитель страны борется со своими многочисленными недругами и, казалось, побеждает. С конца января по Москве широким экраном пошел фильм "Покаяние". Кадры, в которых жены и матери "врагов народа" ищут в куче одинаковых бревен, срубленных на далеком лесоповале, имена своих близких, потрясают. В конце первой декады февраля в Москву начали прибывать и первые "враги народа" наших дней — "отщепенцы и матерые антисоветчики". Как мы ждали этих мужественных людей, не утративших ни жажды жизни, ни чувства юмора, ни спокойной преданности Правде...

В эти дни советская пропаганда, казалось, имела реальную возможность подкрепить свои слова реальными делами, проводившимися в стране, приобрести не голословный, а решающий перевес над западной пропагандой — если бы этот курс был последовательным. Если бы у нас вообще не осталось несправедливо осужденных по политическим мотивам. Если бы...

Тогда это казалось возможным.

И вот в этой обстановке выступил В.Симонов с упомянутой статьей. В целом она была посвящена негативной, тенденциозной реакции западных скептиков на горбачевские реформы, нежеланию консервативных кругов Запада видеть нашу страну свободной. В подтверждение этого он привел версию Евтушенко в американском журнале "Тайм", согласно которой американские спецслужбы выдали советским "органам" псевдонимы Синявского и Даниэля, с тем чтобы предстоящий судебный процесс над этими писателями в Советском Союзе сыграл роль противовеса набиравшему силу во всем мире движению против войны США во Вьетнаме.

Мысль В.Симонова о том, что консервативные силы Запада косвенным образом "подыгрывают" таким же консервативным силам в среде советской бюрократии, кажется мне интересной. Это особая тема, требующая отдельного анализа. Не вызывает сомнений, что на Западе есть военные, мыслящие в категориях превосходства на суше, на море и в воздухе; есть политики, которым гораздо удобнее рисовать образ врага, чем способствовать развитию спонтанных контактов между людьми; наконец, есть пресса, рассчитанная на невзыскательного читателя. Однако аргументы Симонова были бы более убедительны, если бы: а) мы имели доступ ко всей западной прессе и литературе по международным проблемам; б) советские журналисты имели право комментировать события международной жизни независимо от точки зрения МИДа и других компетентных ведомств; в) граждане СССР пользовались правом беспрепятственного выезда из страны и туристских путешествий.

Что касается версии Евтушенко о деле Синявского и Даниэля, то не будучи знаком ни с Синявским, ни с Даниэлем (а тем более с Робертом Кеннеди, который, якобы, отвернув в ванной кран, шепотом сказал Евтушенко: "Передайте Вашему правительству, что Синявского и Даниэля выдали наши агенты вашим агентам"), я воздержусь от комментариев на эту тему. Пусть судят специалисты — КГБ, ЦРУ и Евтушенко. Интереснее другое: В.Симонов осудил процесс Синявского и Даниэля! Обозреватель АПН осудил на страницах советской прессы деятельность КГБ! Невероятно. И не только осудил, а все еще остается в том же кресле и даже интервьюирует Маргарет Тэтчер. Загадка! И даже более того — кроссворд!

Говоря серьезно, эта статья не выходит на должный уровень разговора, хотя и отражает какие-то "неясные самодвижения бюрократии". Если бы она была принята всерьез, то тема подтасованных политических процессов сразу же была бы подхвачена остальной частью нашей прессы, получила бы должный резонанс. Но никаких откликов "в развитие темы" не последовало. Глухой намек, на который никто не обратил внимания, вещь, видимо, проходная даже для самого ее автора. Если бы было решено по-настоящему обсудить эту тему, мы видели бы шквал подобных статей. Это попытка хоть как-то отмазаться от брежневской эпохи, представить себя и власти в выгодном свете, и притом недорогой ценой, "первым ступив на разминированное поле" (как говорят шутники о Евтушенко). Не знаю, приходилось ли В.Симонову писать об инакомыслящих что-либо подобное "Оборотням" Зои Кедринной. Хотелось бы думать, что нет. Но ведь столько лет их поливали (и продолжают поливать) так же, как эта приснопамятная покойница, — да и умерла ли она на самом деле?

И все же мне хотелось бы закончить эту "рецензию" на статью В.Симонова "Вид из их окна" его же словами о процессе Синявского и Даниэля: это был процесс, "гнетущий не только для обвиняемых — для всех думающих, еще не скользнувших в оцепенение умов..." Пусть они послужат эпитафией для всех политических процессов советской эпохи и уроком как для судей, так и для журналистов.

Теперь о статье Л.Карпинского "Нелепо мяться перед открытой дверью". Сам автор чисто по-человечески вызывает у меня доверие, у него есть определенные позиции, выношенные жизнью, и он, как может, их отстаивает. Причем делает это в обстановке, которая на каждом шагу противоречит его идеалам. У людей его типа положение не из легких. И они могли бы сделать больше, имея они большую свободу действия, больше прав. Пока же прав нет — ни у них, ни у всех нас.

В статье Л.Карпинского высказана следующая мысль: "Критики действительности разошлись как бы по противоположным берегам "реального социализма". Одни переживали за социализм, видя его тяжелые осложнения в бюрократической реальности, другие же возложили на сам социализм все уродливые черты этой реальности. Одни вошли в конфликт с социализмом из-за действительности, другие повздорили с действительностью из-за социализма. Одни, плененные социалистическим идеалом, оказались не в ладах со временем, другие, находясь в плену этого "временного" времени, вступили в разлад с самим идеалом".

Все это не вызывало бы возражений, если бы автор пояснил (точнее, не автор, а само время пояснило), в чем заключается разница между "реальным социализмом" и бюрократической реальностью, какие взгляды можно считать приемлемыми с точки зре-

ния закона (то есть "не оскорбляющими величества"), а какие нет. Да и нужно ли сохранять вообще эту категорию "приемлемых" и "неприемлемых", "наших" и "не наших" взглядов: приемлемых для кого — для "самого интеллигентного из сталинского Политбюро" Жданова или, может быть, для дражайшего Суслова? На какие перемены можно рассчитывать, если власти до сих пор не понимают, что можно думать иначе, чем они? И когда они это поймут?

Лично я не считаю себя противником социализма. Я против позорной многолетней традиции лагерей, против зажимания рта несогласным, против убийства невинных. Если возможен социализм без сталинского сапога (или вежливого ботинка современного гебиста), приставленного к горлу, то я за такой социализм.

Конечно, в теории все было иначе. Мне нравится работа Ленина "Государство и революция", где он характеризовал социализм как строй, в котором нет полиции, нет бюрократии, нет военщины и любой министр получает зарплату не выше среднего рабочего. Стоит ли говорить, что Ленин *вынужден* был отказаться от проведения этой идеи в жизнь на следующий же день после взятия власти. Если социализм понимать таким образом, то ясно, что никакого социализма в нашей стране нет. Если понимать его как высшую по сравнению с капитализмом производительность труда, то у нас его тоже нет. Есть бюрократическая реальность, сложившаяся в конкретных исторических условиях России, на почве самодержавного режима с его армией чиновников, империи, которую нужно все время держать в узде, азиатской деревни с ее бескультурьем; эта реальность сложилась также из необходимости "организовать народ на великие стройки" методами принуждения ввиду примитивности технического уровня страны. То есть это те же предпосылки, которые, по Марксу, обусловили "азиатский способ производства" в древнем Египте, Индии, Китае. Но бюрократическая реальность — это не социализм. Ее идеология — это не социалистическая идеология. Таково мое мнение. Среди противников социализма у нас были и есть вполне достойные люди, — взять хотя бы покойного Анатолия Марченко, проштудировавшего все 55 томов Ленина. Тот же, кто способен травить человека за то, что он социалист или коммунист, проявляет все до боли знакомые качества советского обывателя, *гомо советикус*: нетерпимость, хамство, холуйский фанатизм.

Статья Л.Карпинского вызывает немало вопросов, ответ на которые он дать не в силах, как не могут вразумительно ответить на них и сами члены Политбюро. Между тем эти вопросы напрашиваются сами собой. Например, если гражданин А пишет в зарубежную газету письмо, призывая власти страны В отпустить из тюрьмы гражданина С, осужденного за написание неугодных властям книг, нельзя ли рассматривать этот факт исходя из принципа неделимой гласности, — то, что гражданин нашей страны может сказать дома, он может сказать и за границей, и это лишь подчеркнет нашу силу? И какие законы надо принять, чтобы гарантировать граждан А и С от психушки, а страну В от позора психушек? Кого считать "неприятелями социализма"? Тех, кого "мы" вынуждены отправить в исправительно-трудовой лагерь только потому, что "у нас" еще не выработан механизм гласного выражения мнений, не совпадающих с правительственным? Этого механизма нет, и человек апеллирует к мировой общественности. Можно, конечно, ответить ему сталинской шуткой: "Как, товарищ Иванов, вас еще не расстреляли?" И отправить подальше, чтобы не подрывал "наш" престиж.

Так мы дошутились до геноцида, до полного маразма в экономике, до апатии и потери интереса к труду. Я отдаю должное попыткам нынешнего руководства расшевелить население, вселить в него дух инициативы. Но как только речь заходит о путях решения политических проблем, вступает в действие prerogative властей: только сверху! Только после нас! Это снижает действенность выступлений "одиноких мыслителей" типа Л.Карпинского.

• Возьмем, к примеру, такой момент. Если раньше (скажем, в комментарии к Уголовному кодексу) считалось, что не подлежит уголовной ответственности по ст. 70 или 190¹ тот, кто критикует отдельные недостатки или отдельных руководителей, пусть даже в чрезмерно резкой форме, — и наоборот, может быть привлечен к ответственности тот, кто в негативном виде представляет систему в целом ("очерняет систему"), то теперь Л.Карпинский делает шаг вперед: он признает возможность критики злокачественного "целого". Но ведь не Л.Карпинский пишет Уголовный кодекс. Его пишут совсем

другие люди... Эти люди сидят слишком высоко, чтобы обращать внимание на какое-то там мельтешение внизу. И они делают так, как им нужно — если история им не мешает. Впрочем, им плевать и на историю.

И тем не менее, история безразлична к тому, кто и на какой высоте сидит, какой пост занимает тот или иной обладатель седалища. В любой стране есть и будут несогласные. В условиях нашей реальности тоже. Поэтому должен быть создан механизм гарантии от преследований по политическим мотивам. Ведь эти разногласия тоже порождают жизнь, которая не балует не только "наших", но и "не наших" граждан нашей страны.

На мой взгляд, существование у нас целых категорий заключенных по политическим мотивам, независимо от статьи закона, по которой осуждают этих людей: людей, которые пишут или распространяют недозволенные книги, организуют религиозный кружок, призывают к соблюдению прав человека, собирают информацию о нарушениях этих прав, отстаивают национальную самобытность своих народов, не нарушая при этом прав других народов, наконец, просто бегут из страны (а ведь беглецов ныне осуждают на 8—10 лет даже в случае их возвращения; для таких возвращающихся ээки даже придумали специальное словечко "подберезовик" ("по березкам соскучился")), — так вот, наличие всех этих категорий наголо обритых людей в телогрейках представляет собой не только затянувшееся на много десятилетий нераскрытое преступление, но и показатель неблагополучия общества в целом, запущенных проблем, трагедий отдельных групп населения и целых народов, из которых складывается общество.

Узников совести не должно быть в нашем обществе. Только когда мы все станем полноправными — рабочий и колхозник, журналист и работник администрации — мы сможем открыть чистую страницу в истории нашей страны.

С уважением, *Алексей Зверев*

Москва, ул. Чертановская, 52, корпус 2, кв. 304.

Юрий САМОДУРОВ (Москва)

ОСУЩЕСТВИМА ЛИ ПЕРЕСТРОЙКА СОВЕСТИ?

Хочу как гражданин высказать, чего не хватает, по моему убеждению, в круге тем и вопросов перестройки, обсуждаемых сейчас с экрана телевизора и на страницах печати.

Буду говорить так, как нужно говорить, — чтобы в существующих обстоятельствах быть услышанным заинтересованными в предмете лицами, и так, как считаю нужным говорить, чтобы следовать достоинству свободной речи: с уважением к собеседнику и сознанием значимости обсуждаемого предмета для сохранения и защиты человеческого достоинства не только своего, но, может оказаться, — многих и многих лиц.

В нашей художественной (Симонов, Абрамов, Быков, Трифонов, Солженицын), мемуарной (Горбатов, Сац), политической (материалы XXII съезда), справочной (БСЭ, МСЭ) литературе, в учебных программах и учебниках (курс истории КПСС), в памят-

ных знаках на московских домах (улица Серафимовича и другие), в музейных экспозициях, где даты жизни многих лиц кончаются 1937 годом (в Музее Ленина, в Музее Революции и других), — встречаются глухие отзвуки национальной трагедии, происшедшей у нас в стране в годы культа личности.

Много лет встречаясь с такими отзвуками, я думаю, что нельзя больше молчать о том, что является величайшей и нестерпимой несправедливостью в жизни нашего государства, парализующей в значительной степени перестройку совести и сознания народа, и потому намерен всеми доступными мне средствами агитации добиваться устранения этой несправедливости.

Речь идет о том, что до сих пор наше государство и его правящая партия не провели открытой и публичной реабилитации жертв 1928—37 гг., а также 1949 г. (что еще раз зафиксировано в новой редакции Программы Партии), известных под названием жертв культа личности.

Публичная реабилитация подразумевает и требует обязательного издания в открытой печати оправдательных (реабилитационных) приговоров всех несправедливо пострадавших людей с указанием данных, позволивших пересмотреть дела, а также отмененных обвинительных приговоров и биографических и должностных данных всех реабилитированных лиц (если это и займет 1000 томов по 1000 страниц, то тиражом пусть всего в несколько экземпляров их следует иметь в стране). Кроме того и, может быть, в первую очередь, материальным выражением нашей памяти и скорби о жертвах культа личности должен быть памятник, подобный тому, что создан в честь Неизвестного солдата в Александровском саду, у Кремлевской стены.

В случае, когда реабилитированные были известными в стране людьми или написали воспоминания о пережитом, необходимо вернуть на книжные полки и в общественное сознание их работы.

Необходимо открыть и публично заново рассмотреть в суде дела Бухарина, Пятакова, Зиновьева, Рыкова, Каменева, Троцкого и других видных деятелей нашего государства, обыкновенный здравый смысл требует этого, ибо их сопроцессники — Икрамов, Ходжаев и многие другие, почти все, реабилитированы.

Провести полноценную реабилитацию своих граждан государство обязано по своей инициативе, а не по заявлениям, принимаемым только от родственников погибших и самих пострадавших лиц, как это существует до настоящего времени.

Нужно публично, я повторяю и настоятельно предлагаю, — публично, то есть в открытой печати, провести реабилитацию, ибо не только 20 миллионов граждан, погибших в Великой Отечественной войне, имеют право жить в сознании народа, но 5—15 (сколько же?!) миллионов жертв 1928—37 гг. и 1949 г. имеют на это не меньшее право, ибо погибли и пострадали невинно от рук своих соотечественников (за добросовестное — в соответствии с собственной совестью и разумением — участие в решении и обсуждении выдвинутых государством задач) по обвинениям, которые государственная власть сегодня считает сфабрированными и абсурдными.

Для всех, кто не за страх, а за совесть хочет сейчас осуществлять и обсуждать выдвигаемые партийными и государственными органами задачи и вместе с тем ощущает и сознает невозможным сохранить нерасколотым чувство собственного достоинства, когда натывается на отсутствие публичной реабилитации нескольких миллионов своих соотечественников, — непреодолимым препятствием является боязнь партийных и государственных руководителей того, что проведение полноценной реабилитации повредит выполнению провозглашенных ими задач.

Закрытый от народа (его нет в печати) доклад Хрущева и закрытые (их нет в печати) справки о реабилитации, выданные одновременно со взятием подписки (не от всех) о неразглашении вынесенных мучений, — это не только двойное оскорбление погибших и оставшихся в живых реабилитированных лиц, но и постепенное, сознательное выскабливание у всего народа сочувствия и памяти о самых трагических событиях в жизни этих миллионов наших соотечественников — пока еще не далеких предков, а дедушек, бабушек, отцов, матерей, а также друзей и знакомых многих, очень многих из нас. Оскорбительность такого выскабливания легко почувствовать, если мысленно приме-

нить его к нашей памяти о гибели гражданского населения в Великую Отечественную войну.

Самый отказ нынешних и предыдущих руководителей партии и государства от проведения публичной реабилитации непосредственно продолжает создавать безразличное или оправдывающее отсутствием публичной реабилитации отношение к этому факту у многих десятков миллионов нынешних граждан нашей страны.

Если даже обычные нормы морали требуют, чтобы извинения лицам, несправедливо пострадавшим от государства, оно произнесло и принесло вслух, то тем более это обязательно для партии, объявляющей в числе своих задач и целей осуществление и воспитание в народе высоких норм нравственности, связанных с понятием коммунистических.

Партия, являющаяся ядром государства и не осуществившая публичной реабилитации его невинных жертв, не является и не должна называть себя коммунистической (если высокие моральные принципы и цели — не просто слова в определении сути такой партии).

Ничем, никакими обстоятельствами и задачами, и никем, никакими речами и намерениями *незаслони́ма и неустра́нима грома́дная проблема и цель публичной реабилитации*, потому что их смысл — *в возвращении государством себе и всему народу совести*.

Государство возвратит себе свою, а народу — его совесть, предоставив людям возможность открыто говорить об их собственной вине и вине государства перед теми из своих соотечественников и граждан, которых никто не сумел, не осмелился, не счел нужным уберечь и защитить от несправедливых обвинений и репрессий власти или от чужих и собственных наветов: позволением людям открыто выразить сочувствие к тем, к кому его испытываешь; разрешением всем открыто обсуждать грозившую и обрушившуюся на них самих, их близких и знакомых опасность культа власти, чего многие не предвидели или чему не хотели поверить.

Никакая *другая* гласность и никакая цензура не в состоянии освободить сознание людей от того, что ложь и власть в нашем государстве уже ровно три десятка лет идут рука об руку в вопросе о причинах и обстоятельствах гибели *многих миллионов* человек (примером является то, что доклад Хрущева о культе личности не напечатан, что исследований о гибели нескольких миллионов граждан — *фактически наших современников* — не вышло буквально *ни одного*, в то время, когда о казни 5 и тюремном или административном наказании еще 700—800 граждан, происшедшем в 1825—1826 гг., опубликовано не менее *полутысячи* работ).

Желать и добиваться от всех профессионально-должностных групп работников страны перестройки их сознания, *вся суть которой в том, что в работе, учебе, исследованиях драгоценна, нужна и допустима только п р а в д а*, а больше всего черна и позорна *л о ж ь* (а именно это, по заявлениям руководителей партии и государства, — базовая, ключевая цель и вместе с тем важнейшее средство перестройки), и одновременно *запрещать публичную реабилитацию и открытые, широкие исследования по культу власти в 1928—37 гг. и 1949 г. — бессмыслица и самообман, если не что-нибудь худшее*.

На основании высказанного, считаю разумным через газету "Правда" спросить у руководителей нашего государства (прежде всего у членов Политбюро) :

1. Считает ли Политбюро, что без проведения широких, открытых исследований культа власти в 1928—37 гг. и 1949 г., а также публичной, печатной реабилитации жертв этого культа народ наш должен чувствовать себя живущим по совести?

2. Считает ли Политбюро, что его обязанность — всеми силами вести пропаганду неотложности проведения публичной реабилитации и исследований культа власти в 1928—37 гг. и 1949 г., чтобы сделать эту реабилитацию и эти исследования желанными и понятными громадному большинству народа в возможно более близком будущем (5—10 лет)?

3. Допускает ли Политбюро публикацию сегодня воспоминаний граждан о пережитом ими в связи с незаконными репрессиями в годы так называемого "культа личности", а также установление памятника памяти жертв этого культа?●

12 ноября 1986 г.

ИСКУССТВО ПЕРЕЖИДАТЬ

Перестройка как объект анализа начинает завоевывать страницы общественно-политических и научно-популярных изданий, что является симптомом ее реализации как партийного проекта.

Аналогия с революционным процессом, исходящая от Автора, оказалась одновременно побуждающей и отпугивающей для людей интеллигентных.

После возвращения Сахарова из Горького и его выступления на форуме, после того как стали освобождаться политэзки, в московских квартирах звучал вопрос: "Ты будешь помогать Горбачеву?"

Слух о том, что в некоторых НИИ успешно проходят перевыборы директоров, заставляли сердца многих моих коллег колотиться в революционном ритме. Жажда демократических перемен заставляла увлеченно беседующих сотрудников оставаться без обеда.

Газеты стали читать с каким-то уличительным азартом, а замечания скептиков, дескать, знаем, читали в Сам- и Тамиздате кое-что и почище, тонули в потоке восторгов.

Наконец, скептики из недиссидентствующих определили перестройку как вербальную революцию.

Этот далеко не полный перечень моментов общественной жизни для нашего НИИ был едва ли слышимой увертюрой к тому, что началось (и продолжается до сих пор) на парт- и профсоюзных собраниях, посвященных перестройке.

Поскольку собрания трудового коллектива, как стали именоваться наши многочисленные сборища, протекали весьма оживленно, можно было увидеть "расстановку сил". Сам дух собрания, вернее шум и заинтересованность демократической научной интеллигенции, напомнили мне варшавские сборища в августе 80-го, где мне посчастливилось побывать. Общее место — недоумевающее воодушевление: "а что, собственно, делать будем, о чем говорить?" Поэтому и там, и здесь говорят о недостатках, застое и пр. Говорят много, горячо, ищут виновных и прямо или косвенно называют их.

Но главное отличие, которое бросается в глаза зрителю, в том, что там, в Польше, произошло событие — восстало (или забастовало) побережье, выдвинуты требования, формируется "Солидарность", КОР и т.д., выходят самодеятельные листовки, газеты... Там интеллигенты реагируют на реальные изменения в общественном поведении. Тем самым общественное сознание выполнило там свою классическую отражательную функцию. На всех интеллигентных собраниях без исключения выражается поддержка движению "Солидарность".

Здесь ситуация принципиально иная: общественное сознание выполняет у нас другую фундаментальную функцию — одобрения партийного мнения в отрыве от общественного поведения. Во всяком случае, это налицо в научных, в первую очередь гуманитарных институтах, которые сложились как система обслуживания партийных решений.

Собрание, не принявшее ни одной резолюции, откладывается в четвертый раз из-за подготовки текста резолюции и непрекращающихся выступлений. Архетип перманентной революции, всеобщей по форме и словесной по содержанию, приводит к унынию и активных сотрудников. Разочарования в такой революции также хорошо "архетипированы" большевистскими решениями.

Замечательно, что в оценке разногласий по поводу проекта резолюции на открытом партсобрании представитель райкома заявил, что несогласные находятся в подавляющем меньшинстве. Одним словом, гласность, как провозглашаемый принцип, стремится реализоваться все ж таки как согласность.

Выступления можно также подразделить на наступательные (разрушительные: переизбрать, то есть впервые выбрать свою администрацию и общественные организации) и оборонительные (бережливые, то есть сохранительные), из нравственного пафоса выводящие лозунг: "перестройку начинай с себя!" — полярность, тоже согласующаяся с революционной аналогией. Но ощущается в самой энергии что-то от праздника, от карнавала, от опьяненного желания резануть правду-матку, показать язык начальству, сказать, наконец, о чем думаешь. Большинство выступлений складываются в ритмический сюжет "выпуска пара".

Первая аналогия с Польшей уступает место второй — с Чехословакией; появляется никем не регламентированная "свободная" пресса — стенгазета, в которой помещается любая самостоятельная статья, подписанная автором или анонимная. Эти дацзыбао уже не умещаются на газетном щите и экспонируются на стенах. Удивительно, что слухи как институт общественного сознания не прекращаются, в некоторых дацзыбао тон вполне коммунальный. Активно выступающие и пишущие поляризуются (не затрагивая, впрочем, основного тела института); начинают прорисовываться их слуховые лица. С одной стороны "молодые" (это околосорокалетние люди) — бородатые в большинстве, стремящиеся к власти, как полагают их оппоненты, с другой "старики" (дощестидесятилетние люди) — представители администрации и Ученого совета, удобно подобранные начальством для того, чтобы тормозить фундаментальные исследования, как полагают молодые. Призывы одиночек не превращать демократическую самостоятельность в коммунальный вздор успеха не имеют.

Многое из того, что говорится и пишется, делается "в сердцах", аффектировано.

Демократизация, которая спускается "сверху", выглядит особенно комично в гуманитарном НИИ потому, наверное, что наука — самое консервативное образование, многие годы находящиеся в ситуации самозащиты без оружия. Комизм усиливается от того, что наиболее яркие (в смысле кардинальности) реплики подает начальство. Право на риск, инициативу, видимо тоже иерархизировано. Это иерархичность глубоко внутренняя. Пиетет перед начальством весьма велик. Пошли слухи, что директор разрешил скорректировать индивидуальные планы по вкусу. Что будет... А у подавляющего большинства как было, так и остается — право на молчание, смех и аплодисменты. Подавляющее большинство остается зрителями, которые чем дальше, тем больше теряют интерес к многосерийному спектаклю. Это чувствуется по сокращающемуся числу участников (зрителей) собраний. Нависает угроза отсутствия кворума для голосования за основные предложения, вносимые в резолюции.

Собрание трудового коллектива еще не завершило свою работу, но тенденция к затуханию общественного интереса налицо. Перестройка начинает наткаться на параграфы и личные интересы. Видимо, демократизация не может быть просто стимулирована решительной рукой. Видимо, демократизация — явление культурно-историческое, а не экспериментальное.

И если чешский и польский опыт показал, что это время еще не наступило, то тенденции, наблюдаемая в нашем НИИ, этот вывод ярко подтверждает. Общественное поведение как самостоятельность (социалистическое самоуправление) даже для борьбы с самоуправством начальства не может (пока) быть разыграно, каким бы гениальным ни оказался сценарий. Видимо, только в том случае, если Главреж не будет торопиться с премьерой и навяжет длительную репетиционную работу, можно рассчитывать на какие-то сдвиги. А пока интеллигент (я имею в виду научного работника гуманитарного профиля) переживает перестройку — по той простой причине, что не он ее придумал или не ему она нужна. Ученый гуманитарий — не столько профессия, сколько ценная выгодная социальная позиция. Ее нужно защищать, быть бдительным по отношению к перестройке, потому что на собственной шкуре испытали всякого рода перетряски (реорганизации, укрупнения, сокращения, конкурсы, аттестации и пр., и пр.). Действительно, общественное недоверие к ученым гуманитариям выше на порядок, чем по отношению к другим служащим. Всевозможные проверочные комиссии, изменения оргструктур, процентовки по сокращению, писанные и неписанные квоты (национальные и возрастные) — все это (для медиков, журналистов, юристов, музыкантов, инженеров и пр. такие процедуры просто немыслимы) означает, что общество (начальство) видит в гуманитариях бездельников на тепленьких местах. С другой стороны, это отношение и эти процедуры десятилетиями выковывали интеллигентское искусство пережить. ●

О ВОЗРОЖДЕНИИ СТРАНЫ

I.

В СССР перемены. Эта весть остается уже больше года предметом внимания всего мира. В спекуляциях нет недостатка. И в самом Советском Союзе, и на Западе множество людей говорят и пишут, ждут и надеются, строят гипотезы, приводят доказательства. Но пока все происходящее там, помимо ряда смелых заявлений главы страны, сводится к ограниченному числу действий. Они указывают лишь на то, что новое руководство решило отмежеваться от некоторых из достаточно трагических акций и очевидных глупостей своих предшественников. Так, освобождено сотни две политзаключенных; возвращен из ссылки академик А.Д.Сахаров; официальные лица говорят о пересмотре дел других политических заключенных. Появились указания на желание как-то выпутаться из войны в Афганистане. Можно предвидеть, что, если советские солдаты уйдут из Афганистана, то "советский образ" улучшится до ситуации десятилетней давности, когда *еще* не было Афганской войны, когда *еще* не сослали Сахарова, а Щаранского и Орлова *еще* не посадили. Но *уже* был в лагере Марченко, *уже* советские танки находились в Праге. Сегодня Марченко нет в живых, сегодня срок пребывания советских танков в Праге приближается к двадцати годам. Устраивает ли это советское руководство? Или оно даже и не задается подобным вопросом?

Похоже, что интеллигенция в Советском Союзе, переживавшая в последние годы самый тяжелый период со времен Сталина, несколько приободрилась. Вероятно, руководство рассчитывает на интеллигенцию и хочет видеть в ней не антагониста, как прежде, а помощника. У тех, кто на Западе имеет среди московских и ленинградских интеллектуалов друзей, некоторые послабления в сфере тотального руководства советской культурой вызывают радость и энтузиазм. В самом Союзе к этому лишь присматриваются. Есть ли это знак неверия интеллигенции, порожденного цепью разочарований, начавшихся в 1956 году? Есть ли это знак ее бессилия? Или знак ее мудрости? То, что на Западе называют словами "осторожный оптимизм", в Советском Союзе предстает куда более неопределенным образом: "поживем — увидим".

Стремление урегулировать афганский кризис; изменение политики идеологического давления; даже решительные перестановки в партийном и государственном аппарате — все это говорит слишком мало, потому что не говорит о главном. Главное же заключается в подлинных, далеко идущих желаниях руководства, которое, судя по всему, свои карты еще не раскрыло. Оставляя в стороне вопрос, нужно ли карты раскрывать сразу или постепенно, нужно ли ввести решительные перемены или следует предпринимать те или иные шаги один за другим, представляется совершенно необходимым ясно увидеть цели руководства: желает ли оно спасти и вылечить *систему*, или оно желает спасти и вылечить *страну и ее народ*?

Даже если руководство искренне в своих намерениях; даже если оно сможет повести за собой управляющий партийный аппарат на местах; даже если за руководством искренне пойдет активная часть населения (как это все ни трудно предположимо), то коль скоро оно сегодня заботится о *системе*, о *строе*, о *сложившемся советском социализме*, — страна и народ в целом вновь окажутся на пути к тупику, к общественной деградации. И по одну сторону границ Советского Союза по-прежнему будет суще-

ствовать мир открытый, изменчивый и жизнеспособный, а по другую — мир замкнутый, неподвижный, погруженный в непрерывный кризис. Если это так, то надежды для страны сегодня не существует, так как социализм советского образца — это медленная смерть общества.

Надежда, однако, может возникнуть, если даже и в достаточно далекой перспективе те, кто определяют нынешние перемены в СССР, ставят своей целью спасение народа и страны и будут действовать исходя из этой цели. В этом случае нужно будет перестать заботиться о системе, о нынешнем советском строе, так как перерождение всех внутри-общественных отношений в стране окажется неизбежным.

Допустим, что такая возможность существует. Как в этом случае будет выглядеть путь страны к ее возрождению? Куда страна и народ начнут двигаться и куда они придут?

II.

Не обязательно быть марксистом, чтобы поиски ответа на эти вопросы начать с самого больного — с экономики страны, с ее хозяйства. Действительно, болезни советского общества чем дальше, тем больше связываются с распадом естественных взаимоотношений работающих людей — таких взаимоотношений, когда один и тот же человек есть одновременно и производитель, и потребитель, свободно вступающий в обмен необходимыми ему товарами со своими, такими же, как он, согражданами: все они вместе производят *то и столько, что и сколько* они в сумме могут произвести при оптимальном ведении народного хозяйства. Стоит сразу сказать, что в это "то и столько" входят не только мясо, молоко, хлеб и овощи, не только квартиры, ковры и автомашины, но также и книги, журналы, музыка, театр — вся сумма культурной и духовной продукции. Лишь в этом случае общество — страна и ее народ — может называть себя здоровым.

Итак, больная экономика. И новое руководство уже приступило к действиям, призванным улучшить, исправить, вылечить ее. Все понимают, что сделать это нелегко. Период экстенсивного развития хозяйства, основанного на свободной эксплуатации природных и людских ресурсов, в Советском Союзе закончен: хотя СССР и сейчас обладает большими природными богатствами, их использование по принципу "чем больше, тем лучше" уже невозможно, так как темпы истощения естественных ресурсов стали угрожающими и близки к ограничительной черте. Нет в СССР и свободной рабочей силы. По этим причинам улучшение экономической ситуации, а вместе с тем подъем благосостояния народа и разрешение, вследствие хозяйственного подъема, множества других проблем поставлены в зависимость от успеха политики *интенсивного* ведения хозяйства. Как известно, это означает принятие мер, направленных на увеличение производительности труда, и значит, увеличение количества продукции на одного работающего, на одну единицу оборудования, на один гектар земли. Однако при существующих сегодня в Союзе условиях возможность интенсифицировать хозяйство практически близка к нулю. Отбросив заклинания типа: лучше использовать внутренние резервы! сократить потери рабочего времени! улучшить организацию производства! и им подобные, придется, наконец, взглянуть на вещи трезво: во-первых, рабочие станут работать лучше, только если им предложить большую зарплату; во-вторых, для получения продукции в большем количестве и лучшего качества потребуется большее количество сырья, потребуются новые капиталовложения. Предположим, что, перейдя на хозрасчет, получив свободу планирования, директор какого-то предприятия улучшил производство, уволив часть рабочих и повысив заработную плату оставшимся. Немедленно его предприятию потребуется больше сырья и изделий смежных производств, потребуется замена оборудования на более производительное, и, таким образом, это "передовое предприятие"

потянет за собой цепь проблем, которые нельзя решить изолированно, внутри самого предприятия.

В цепи этих проблем останутся и те рабочие, которые с данного предприятия были уволены: их трудоустройство потребует дополнительных рабочих мест, то есть расширения производства, а следовательно, новых капиталовложений и дополнительной суммы денег на зарплату этим рабочим. Конечно, можно допустить, что сколько-то из уволенных останется без работы. Речь в этом случае пойдет о хозяйстве, в котором будет иметь место уже не скрытая, как теперь в Союзе, а вполне явная безработица. Как известно, и в условиях благополучной экономики стран Европы и Америки безработица допустима лишь в ограниченных, естественных для такой экономики пределах. Но искусственно создавать предпосылки для безработицы в условиях больной экономики было бы настоящим безумием. Не говоря уже о том, что государству придется своих безработных кормить, трудно исключить, что такие обстоятельства не спровоцируют развития сильнейших социально-экономических конфликтов, могущих просто-напросто ввергнуть страну в еще один "революционный" хаос. Кто сегодня этого хочет?

Трезвый взгляд на вещи заставляет сказать, что в Советском Союзе лозунг "большая производительность за большие деньги" на повестке дня не стоит. Руководство страны, скорее всего, понимает, что оно не может предложить населению резкое увеличение зарплаты, тем более, что невозможно подкрепить такую акцию и резким увеличением количества продуктов потребления. Но о необходимости повысить производительность труда говорится постоянно, и звучат все те же заклинания: давайте работать лучше, быстрее и качественнее, давайте трудиться честно, не растрачивая впустую рабочее время, не разбазаривая сырье и материалы, для чего, помимо прочего, проведем и "перестройку" руководства хозяйством, улучшив систему управления, убрав ненужные бюрократические рогатки, убрав из руководства аппарата бездельников, воров и нерадивых.

Если бы речь шла о нормальном и в целом здоровом хозяйстве, в надежном механизме которого появились некоторые сбои, все эти меры могли бы сделать свое дело. Если бы производительность только лишь проявила тенденцию к падению, то улучшение организации труда, исправления в системе инвестиций и т.п., вероятно, могли бы дать ощутимый результат. В конце концов, легкую простуду вылечивают и припарками. Но лечить припарками разрушающийся организм — значит уподобиться тому врачу, который спрашивает, потел ли больной перед смертью. Да, возможно, что в результате "ускорения" и "перестройки" советский хозяйственный организм немного "попотеет", и показатели производительности на сколько-то возрастут. Но наивно, а точнее, преступно полагать, что все это спасет положение. И если этого не понимают и не видят руководители страны во главе с Горбачевым, то горе и этим руководителям, горе стране и ее надеждам на обновление.

Есть ли, однако, реальная возможность разомкнуть порочный круг экономических проблем?

III.

Со времен первых — "сталинских" — пятилеток развитие советской экономики всегда было прямо связано с существованием одного, весьма важного фактора, который, однако, неизменно остается за скобками всех публикуемых в стране показателей, отчетов и планов на будущее. Этот фактор — западная техника и технология, которыми Советский Союз всегда широко пользовался. Тем, кто близко знает производство, кто бывал в заводских цехах, не нужны доказательства этого. Станочный парк, начиная с 30-х годов, был американским и немецким, американцы, немцы, итальянцы строили заводы, давали свои модели для автомашин и тракторов, во время мировой войны

огромное количество техники было получено от Америки по ленд-лизу, после войны немцы расплачивались в счет военных репараций первоклассным оборудованием, и затем опять — иностранцы строят заводы, выпускающие тяжелые грузовики и легковые машины, что-то покупается, что-то копируется с готовых западных образцов, а что-то, и весьма многое, добывается посредством широко развившегося в последние годы промышленного шпионажа. К этому нужно добавить и ежегодные закупки заграничного хлеба.

На все это Запад идет. К лучшему или к худшему для самого Запада? С одной стороны, Запад как бы постоянно — по кусочку! — продает Советам ту знаменитую веревку, на которой Ленин собирался удавить капиталистов. Но так как пока, за 70 лет, этого не произошло, может быть, стоит посмотреть на эту продажу веревки с другой стороны и предположить такую — возможно, и спорную — интерпретацию поведения Запада: своей экономической помощью Советскому Союзу (а это, безусловно, всегда была прямая или косвенная помощь) Запад в какой-то мере сдерживал процесс дестабилизации советского общества. Можно предположить, что страна и жизнь ее населения сегодня выглядели бы хуже, если бы не участие Запада в советской экономике; возможно, загнанный в угол фатальными трудностями какой-нибудь из прежних советских вождей мог предпринять еще большие антигуманные акции внутри и вне страны, чем это было до сих пор.

Так или иначе, западный фактор существовал всегда. В кругу внутрисоветских, то есть замкнутых на саму советскую систему экономических проблем всегда существовал этот пункт выхода вовне, точка, где "советское" и "социалистическое" размыкалось, впуская в себя, внутрь глухо отгороженной от иного мира страны, хотя и "чуждые" с точки зрения советского социализма, но зато необычайно полезные для него "капиталистические" элементы в виде готовых достижений этого иного мира, который почему-то всегда находился впереди.

Нынешнее советское руководство хочет, очевидно, продолжать и расширять экономическую связь с Западом; на это существует много указаний. Среди них есть и такое курьезное, как организация столовых по типу американских "макдональдсов". Вообще, как видно, в Советском Союзе легче всего принимаются эти прекрасные произведения американской сегодняшней действительности — сперва пепси-кола, затем жевательная резинка, теперь вот "макдональдсы". Зная, что такое советская городская столовая — с ее ужасным, невкусным ассортиментом, с очередями и антисанитарией, — можно сказать, что "макдональдсы" явятся подлинными оазисами в хилой общепитовской системе. Но каковы там будут гамбургеры? Из какого мяса они будут делаться? Если положение с мясом в стране останется таким же, как и сейчас, трудно представить себе, чтобы на пути от живой коровы к живому едоку не происходило неизбежного уменьшения количества и ухудшения качества мяса, идущего на данный гамбургер, который, верно, будет называться котлетой. Известно, что пирожок с мясом, который в горячем виде продается с лотка (где он сейчас продается?), всегда заключал в себе нечто ужасное. Менее известно, однако, другое: мясная начинка этого пирожка была изготовлена по секретной технологии. Это не шутка. В конце 50-х годов инженеру, работавшему в пищевой промышленности, было предложено сконструировать автоклав для обработки под большим давлением и при очень высокой температуре так называемого "условно-годного мяса". Оно представляло собой зеленую гниль с убийственным запахом. При близком знакомстве с этим объектом своей работы инженеру стало дурно. Но еще до этого, прежде чем допустить его к работе, с инженера взяли подписку о неразглашении сведений об этом мясе, об автоклавах и пирожках. Впрочем, эта тайна не секрет для каждого, кто переступал ворота или даже только проходил мимо московского мясокомбината им. Микояна: удушающий запах гнилого мяса плотным облаком стоит над всей его огромной территорией. Когда-то в опере "Броненосец Потемкин" взбунтовавшиеся

матросы пели хором: "Мы не хотим есть гнилого мяса!" Но их потомки пирожки с гнилым мясом ели, и ели с аппетитом. Будут есть, вероятно, и гамбургеры. Но лучше, чтобы не с гнилым, а со свежим и вкусным мясом.

Это лирическое отступление о пирожках и гамбургерах приведено здесь для того, чтоб на таком не слишком приятном примере обнажить стоящую перед страной (перед ее сегодняшним руководством?) альтернативу: будет ли она соглашаться и дальше существовать без мяса, жить на мясе гнилом? Или наконец покончит с этим постыдным существованием и обратится к жизни здоровой, полной, обильной — свободной как в выборе еды, так и в выборе пищи духовной, в выборе работы и образа жизни? Иначе говоря, обратится ли страна к существованию, достойному свободного и цивилизованного общества?

Если страна — ее народ и ее руководство — на этот последний вопрос отвечают внутренне "да", то у Советского Союза для этого есть только один путь: стать частью сообщества цивилизованных стран, к которому принадлежат Европа, США, Канада, Япония. В сущности, это то сообщество, которое подписало Хельсинкские соглашения — плюс Япония. И если Советский Союз и тесно связанные с ним страны Восточной Европы перестанут тем или иным образом выделять себя из этого сообщества, то поворот страны к нормальному, достойному ее народа существованию становится возможным и в перспективе реальным.

Пусть этот, на первый взгляд неожиданный, переход от чисто экономических проблем к тому, что связано с международными отношениями, не кажется странным и удивляющим в сторону от основного узла внутрисоветских трудностей. Уже было сказано, что поддержка Запада, связи с Западом, использование его материальных возможностей в своих интересах были в цепи экономических проблем СССР тем звеном, которое позволяло разрывать кольцо этих замкнутых на самих себя и не разрешающихся противоречий. Это звено было бы непростительно не использовать сейчас, когда, как это кажется, страна и ее руководство готовы искать разумный выход из положения, близкого к безнадежному.

IV.

Вернемся вновь к "передовому предприятию", директор которого уволил часть рабочих, стал больше платить оставшимся, которые стали лучше работать. Куда бы могли пойти уволенные? Кто мог бы дать им денег на зарплату, дать фонды на дополнительное количество сырья, на оборудование и прочие промышленные потребности?

Это иностранная — европейская, американская, японская фирма, открывшая в Советском Союзе свой филиал.

Таким образом, речь идет о допущении в СССР иностранного капитала. В Советском Союзе традиционное отношение к подобной политике выражается словами "закабаление", "зависимость", "подчинение" и им подобными. Пора, наконец, все это забыть. Пора заменить слово "зависимость" на "взаимозависимость": в современном цивилизованном, демократическом сообществе стран и народов имеет место не пресловутая "зависимость", а именно *взаимозависимость, взаимопонимание и взаимное доверие*. Все это не исключает особых, связанных с индивидуальными интересами каждой из сторон проблем, трений, споров и кризисов, но на взаимозависимости держится весь современный развитой промышленно-аграрный мир, и оставаться в изоляции от него — бессмысленно, а в условиях Советского Союза не только глупо, но и безнадежно, бесперспективно.

Рассматривая поворот СССР в сторону политики допуска зарубежного капитала, можно увидеть открывающиеся для страны следующие возможности:

1. Возникает реальная основа для повышения производительности труда. Политика

допуска зарубежного капитала создаст для этого как материальные, так и моральные предпосылки, поскольку от тех, кто пойдет на предприятия западных фирм, потребуются хорошая работа. Это явится как бы вызовом и своего рода конкурентным фактором для рабочих и администрации советских предприятий.

2. Произойдет перерождение управляющего аппарата, которому придется управлять действенно и прагматично. В условиях новой политики создадутся не вносимые волевым путем, а диктуемые новой реальностью предпосылки для осуществления сегодняшних идей ускорения и перестройки.

3. Будет происходить быстрое техническое перевооружение хозяйства. Финансовые отчисления Советскому Союзу от действующих на его территории зарубежных фирм можно будет направить на закупку оборудования у тех же фирм или им подобных, что, собственно, и будет "взаимовыгодой" и "взаимозависимостью".

4. Начнет снижаться дефицит товаров широкого потребления. На этом отрадном процессе, который, вероятно, будет быстрым, сразу скажется несколько факторов: увеличение — за счет возросшей производительности труда — количества товаров, выпускаемых советскими предприятиями; появление товаров фирм, работающих с участием зарубежного капитала; увеличение импорта товаров за счет возможности большего маневра во внешней торговле.

5. Увеличится сумма денег у населения. При отсутствии дефицита товаров потребления, при возможности легко реализовать эти деньги, купив на них все необходимое, а дальше и все желаемое, это явление станет дополнительным фактором для стимулирования развития общества и его оздоровления.

В сущности, в этом пункте — увеличение количества денег у населения в сочетании с возможностью реализовать их — говорится о росте благосостояния народа, то есть о цели, которую, в конечном итоге, провозглашает и руководство, которая соответствует официальной идеологии советского государства.

Во всем вышеизложенном ничего не сказано о главном несчастье страны — о деревне, о сельском хозяйстве, о населении, на котором все беды прошлого и настоящего сказались с особо жестокой силой. Если осуществление политики допуска зарубежного капитала поведет к общим благотворным переменам в экономике, в хозяйстве в целом, то нет никаких оснований выделять из этого общего процесса сельское хозяйство.

Можно лишь предположить, что перемены к лучшему скажутся на деревне даже более глубоким, более решительным образом, чем на жизни населения крупных городов. Как известно, при нынешнем упадке сельского хозяйства и нынешнем распределении ресурсов и рабочей силы в советской экономике сельское население составляет больше трети — 34,4% — от всего населения страны (1986 г.). Это число сельских жителей начнет резко уменьшаться, если в деревню в изобилии пойдут, с одной стороны, техника, хорошие семенные материалы и т.д., а с другой, — развивающаяся промышленность будет требовать поступления новой рабочей силы за счет притока ее из села. Советская деревня начнет двигаться к состоянию, известному из примеров других промышленно-развитых стран: в США занятые в сельском хозяйстве составляют 3% от работающего населения страны, причем эти 3% американцев кормят не только своих жителей, но и граждан стран Третьего мира, да и советских тоже.

Сегодня — вернее, не только сегодня, а лет уже тридцать, начиная с очерков В.Овечкина, — много пишется о разрушении, исчезновении хозяйственных навыков русского крестьянина, который в колхозе работает "не на себя", подчиняется указаниям городских плановиков и не получает за свой труд сколько-то разумной компенсации. Сегодня с обреченностью звучит тоскливый вопрос о том, возможно ли вернуть деревню к труду, возможно ли пробудить у деревни любовь к земле, к кропотливому и благодатному хозяйствованию на ней? Все чаще на это отвечают, что нет, нельзя, потому что утеряна

многовековая традиция, и, глядя на то, какова деревня сейчас, трудно с этим не согласиться. Но трудно также считать, что в деревне не осталось уже никого, кто мог бы и хотел в ней жить и честно, хорошо трудиться. Такие люди там есть, как есть они везде и всегда. Конечно, это не все 96 миллионов, живущих сейчас в сельской местности. Но соль деревни останется в ней, когда это число начнет резко уменьшаться, эта соль станет ядром тех 5—10—15 процентов советского населения, которые только и нужны деревне, остальные пусть идут в город — на стройку, в обслуживание, в промышленность. Тогда задача возрождения деревни, задача возрождения крестьянства не будет выглядеть невозможной, да она, к тому же, по-другому будет ставиться: деревне понадобится крестьянин, который головой станет работать больше, чем руками, — как работает хороший фермер, имеющий в своем хозяйстве отличную технику, выписывающий по каталогам семена, получающий постоянную консультацию от агротехнических, метеорологических, промышленных организаций.

Ностальгия по старой русской деревне при этом, конечно, не исчезнет. Но она станет ностальгией "в чистом виде" — без примеси злости и гнева, вызванных всеми совершенными против деревни преступлениями. Деревня станет другой. И может быть, деревенька с плетнями, огородиками, баньками и пастушком с хворостинкой, подгоняющим десяток коров, и совсем уж исчезнет, — а может быть, и нет. Но уж во всяком случае, коль скоро жизнь в деревне пойдет естественным и благотворным для нее путем, она сама решит, топить ли баньку на задах или купаться в ваннах.

Тут, на самом деле, затронута тема куда более сложная и широкая, чем только будущий уклад деревенской жизни. Речь идет о грядущей жизни всего советского общества. А в конечном счете эта тема вырастает в глобальную тему существования современного мира. Но начнем с простого.

V.

Где-то в недрах того змеящегося чудовища, каким предстает перед миром очередь советских граждан, часами стоящих за колбасой или маслом, за парой обуви или за вязаной шерстяной кофточкой, среди этих издерганных и усталых людей рождаются злоба, грубость, хамство, желание оттолкнуть соседа локтем и получить — "достать" то, что добывается таким унижительным способом — посредством многочасового стояния в очередях. В другом месте и в другое время они же, эти люди, пользуются другим способом — "доставанием по блату", за взятку, переплатив, купив ворованное или "из-под прилавка". И этот способ унижителен — он заставляет людей обманывать, воровать, изворачиваться. "Жизнь заставляет!" — вот вся философия этого поведения, и оспорить ее трудно.

В условиях естественного, обеспеченного всем необходимым существования советский человек неизбежно начнет меняться. То хорошее, что есть в человеке изначально, при отсутствии "дефицита" не исчезнет; но то плохое, что накопилось в человеке за десятилетия ненормального, противоестественного образа жизни, уйдет — сразу или чуть позже, чем исчезнет "дефицит".

Допуск зарубежного капитала — это путь к оздоровлению советского общества. И если искренни призывы к спасению страны, если искренне желание остановить вырождение нации, то эти цели несомненно стоят одного конкретного и, может быть, единственного возможного, пути к их достижению. О чем, используя объявленную "гласность", народу следует сказать открыто.

Решение правительства о допуске зарубежного капитала безусловно будет принято страной с пониманием — и, надо думать, со вздохом облегчения. Люди ждут действий прямых, активных и смелых, и можно предположить, что только последние из ретроградов захотят противиться этой политике. Но на поддержку населения им рассчитывать

не придется. Правительство же, допуская зарубежный капитал, получит настоящую, реальную и широкую поддержку всего народа.

Рассматривая дальнейшие последствия процесса оздоровления страны, следует задуматься над будущим самой структуры советского общества. Сегодня Советский Союз является уникальным по масштабам и характеру объединением более ста крупных и небольших национальных образований. И внутри страны, и вне ее внимательно следят за демографическими и социальными переменами, происходящими в республиках, составляющих СССР. Хорошо известно, что силы, связывающие 15 республик в одно государство, находятся в противоречии с центробежными, разъединяющими тенденциями, мощь которых в разных местах СССР различна, но в целом такова, что правительство не может с нею не считаться. Существует и провозглашенное Конституцией право наций на самоопределение, и на это право с полным основанием ссылаются те, кто хочет для своих народов независимости от Москвы. Вопрос, конечно же, носит не только правовой характер. Рассматривая объективно ситуацию, можно усмотреть в ней еще один, достаточно запутанный клубок проблем, в свою очередь переплетенный с проблемами экономики и образа жизни страны. Созданный на территории Российской Империи Советский Союз стал за 70 лет межнациональным конгломератом, в котором интересы отдельных наций, да нередко и сами нации, оказались существенно взаимосвязанными. И, например, предприятия "союзного значения", то есть являющиеся как по вложенным затратам, так и по характеру продукции собственностью всего СССР, а не отдельной республики, немедленно составят неразрешимую проблему, если они окажутся на отделившихся от страны территориях.

Запутана и национальная проблема. Как бы ни назвать — "миграцией" или "русификацией" — процессы планируемого сверху и навязанного республикам притока некоренного населения, как их ни оправдывать и как ни осуждать, эти процессы зашли уже достаточно далеко, чтобы можно было увидеть в обозримом будущем полную изоляцию тех или иных наций в пределах своих республик. В сущности, сегодня картина межнациональных отношений выглядит так: в стране, раздираемой спорами, возникают ситуации, чреватые тяжелыми последствиями; если жизнь отдельного человека станет более спокойной и естественной, то улучшатся и общественные отношения в масштабах республики. История не раз показывала, как в острых политико-экономических условиях обострялся и политический национализм; тогда как в условиях спокойного и равноправного существования процветающих народов национализм проявляет себя лишь в культурной, духовной и гражданско-бытовой сфере. И хотя до процветания народов СССР еще далеко, начавшийся путь к нему благотворно повлияет на национальный вопрос.

Вообще же, следует сказать, что времена изоляции наций прошли. Вряд ли народам Советского Союза стоит создавать себе новые, связанные с изоляционизмом проблемы, если сегодня демократические нации мира — большие и малые, хорошо развитые и далекие от экономического богатства — ищут сближения со своими соседями, налаживают взаимовыгодные связи в самых различных сферах. Упразднение колониального мира, начавшееся после Второй мировой войны, сказывается сегодня в том, что тысячи и тысячи выходцев из афро-азиатских стран живут в Европе и Соединенных Штатах, в самих США стал велик процент латиноамериканцев и т.д. Никто, конечно, и сегодня не гарантирован от национальных конфликтов, вспыхивающих тут и там; но нельзя отрицать и того, что сегодня существует сильнейшая тенденция к межнациональному общению — при сохранении, а не подавлении этнических традиций. Известно, что в США давно отвергнута идея "плавильного котла", в котором бы различные этнические группы слились в одну однородную новую национальность. Известно также, что подобного рода идея не оправдала себя и в Израиле, где выходцы из стран Европы, Азии и Африки продолжают сохранять свои этнические различия.

Все это говорит за то, что, начиная движение к прогрессу в своей повседневной и духовной жизни, народы СССР смогут почувствовать преимущества добрососедства и подлинной *взаимозависимости* друг от друга — в противоположность сегодняшней унизительной *зависимости* республик и их народов от Москвы.

Изоляционизм, вообще говоря, обычно сопутствует национализму. Русский национализм в этом смысле не исключение. Его сторонники настаивают на особом, независимом и не связанном с Западом пути развития будущей России. С точки зрения этой идеи, изоляционистской по существу, допуск зарубежного капитала и следующее рядом с ним и вслед за ним сближение с Западом оказываются неприемлемыми. Но, как видно из всего предыдущего, вопрос о допуске зарубежного капитала есть вопрос прагматический, а не идеологический. И сторонникам возврата России к истокам, связанным с аграрным обликом страны, старой крестьянской деревней и т.д., стоит задать тот же вопрос, что и нынешнему руководству: вы хотите спасти *идею* или вы хотите спасти *страну*? Трезво и по-деловому глядя на происходящее, следует признать, что идея возврата русского народа к аграрно-сельскому укладу — не более как мечта, как бы она ни выглядела привлекательной для ее приверженцев.

VI.

Так как введение политики допуска зарубежного капитала прямо зависит от поведения Запада, стоит убедиться, что западным странам эта новая политика Советского Союза тоже будет выгодна. Разумеется, положительное решение каждая страна будет связывать с целым комплексом своих экономических и социально-политических проблем. С экономической точки зрения ситуация такова, что западный предприниматель рассматривает предложение, в котором его могут привлечь: наличие дешевой рабочей силы; наличие местного сырья; появление широкого нового рынка сбыта; возможность ввоза и вывоза через границу СССР своей продукции. Как это может выглядеть реально, легко показать на простейшем примере. Женские колготки, которые в Советском Союзе, в Европе и Америке есть предмет постоянного спроса, стоят в США меньше 1 доллара. Колготки соответствующего качества, если не худшего, производства ГДР стоят в Советском Союзе 7 руб. 70 коп. Они дефицитны. Колготки производства СССР — низкого качества, непрочные, плохой окраски — стоят от 4 руб. 50 коп. до 5 руб. Можно представить себе, какую прибыль начнет получать иностранный предприниматель, который станет выпускать колготки западного образца непосредственно в СССР, и как быстро начнет исчезать дефицитность этого товара.

В целом же, с точки зрения Запада, возможность помещения капитала в производство на территории СССР будет оцениваться на основе тех же критериев, какими пользуются всюду в мире. И если Советский Союз предложит условия, поощряющие вложение зарубежного капитала, то не видно причин, почему бы предприниматели на это не пошли.

У Запада, однако, среди множества соображений, касающихся советской политики допуска зарубежного капитала, неизбежно возникнет вопрос о гарантиях и вообще вопрос о доверии по отношению к Советскому Союзу. В сущности, вопрос о доверии становится частью общемировой проблемы сосуществования двух лагерей, уже много десятилетий живущих в условиях взаимной настороженности, временами становящейся близкой к враждебности и к прямой конфронтации, а временами движущихся к "разрядке", к идеям "мирного сосуществования" и т.п. Советский Союз в прошлом не раз давал Западу повод сомневаться в искренности своих заявлений о разрядке и политике мира. Прежние советские руководители тратили много сил и средств на поддержание напряженности, на создание дестабилизирующих ситуаций в тех или иных регионах.

С другой стороны, экономические и другие внутренние проблемы в СССР рассмат-

ривались Западом как факторы, удерживающие советское руководство от широкого экспансионизма и, более того, уберегающие мир от глобальной войны. Как говорилось выше, Запад никогда не прерывал экономических связей с СССР, и постоянная зависимость Советского Союза от экономики Запада играла свою стабилизирующую роль. Таким образом, экономическая политика Запада по отношению к СССР, если говорить о ней в самом общем виде, определялась указанными двумя условиями: не способствовать росту военной мощи СССР; не стремиться к необратимой дестабилизации советского хозяйства.

Несомненно, что на всех этапах новых отношений Запад должен будет проявлять разумную осторожность, которая никак не будет противоречить доброй воле и искренности, а советское руководство должно будет отнестись к такой осторожности с пониманием и терпением. И переход от "макдональдсов" и колготок к тесному сотрудничеству в сфере технического и технологического перевооружения советского хозяйства должен будет осуществляться лишь в новых условиях взаимного доверия, свободного контроля и постоянных консультаций руководителей СССР и западных стран в жизненно важных для человечества сферах внешней политики, вооружений, деятельности в космосе и т.п. Этапы такого сотрудничества должны стать этапами переустройства современного мира и в конце концов привести к исчезновению разделенности, царящей всюду со времен Второй мировой войны и ранее.

Полезно в заключение повторить, что все изложенное выше исходит из оптимистического варианта, то есть из предположения, что советские руководители будут заботиться не о самих себе, а о стране, о ее народе, а в конечном счете — о будущем всего мира.

Решение таких воистину благородных исторических задач может быть достигнуто лишь в условиях объединения страны со всем цивилизованным человечеством — в одной семье мирных, развитых и благоденствующих народов. ●

Январь 1987 г.

От редакции. Статья Ф.Розинера не укладывается в традиционные схемы "антисоветской" пропаганды. Вместо того, чтобы "клеветать", "порочить" и предекать неудачу очередной перестройки, автор спокойно и объективно анализирует существующую в СССР ситуацию, пытаясь найти выход из действительно трудного положения, в котором оказалась страна. Выражая мнение многих, Розинер видит выход из экономического тупика в развитии связей Советского Союза со свободным миром, в широком использовании западных капиталов, техники и технологии, в создании взаимовыгодных совместных предприятий и т.п.

Разумность и перспективность этого пути не вызывают сомнений. Представляется, однако, что процесс такой "конвергенции" в статье несколько упрощен. Конечно, использование прогрессивной техники и технологии, передовых методов организации труда всегда дает какой-то эффект. Но эффект этот прямо зависит от того, что Маркс называл системой производственных отношений: от форм собственности, механизма управления, заинтересованности работника. Нет необходимости доказывать, что действующая в СССР система такова, что простой перенос западной техники на советскую почву вряд ли существенно изменит обстановку.

Отнюдь не так просто обстоит дело и с совместными предприятиями. Как известно, положение о таких предприятиях было принято еще в январе. Однако процесс их организации идет медленно и со скрипом. Уже ясно, что идея не вызвала особого энтузиазма на Западе, что серьезные фирмы вовсе не торопятся вкладывать деньги в разработку советского "золотого дня".

Кроме этих общих моментов есть и моменты частные, но тоже весьма существенные. Западные фирмы готовы и торговать с нашей страной, и организовать там свои филиалы. Вопрос упирается в средства. Пока что Советскому Союзу нечем расплачиваться за товары, и он не может позволить западным инвесторам вывозить из страны полученную ими прибыль, поскольку рубль — валюта не конвертируемая. Правда, совместные предприятия вправе зарабатывать валюту, торгуя своей продукцией с Западом. Но зачем западным фирмам плодить конкурентов?..

Короче, какую сторону дела ни взять, мы неизбежно столкнемся с целым комплексом проблем, порожденных органическими пороками советской экономической системы. Приток средств из-за рубежа, поставки товаров, машин и технологии могут ослабить напряженность, могут облегчить переход от искусственного механизма хозяйствования к естественному. Однако никакая помощь Запада не сделает неэффективную советскую экономику эффективной. К счастью или к сожалению, тут ничего не поделаешь: свои проблемы нам придется решать самим.

СТРОЙКА И ПЕРЕСТРОЙКА

Заметки экономиста

Ни советские государственные деятели, ни печать не скрывают, что уже по меньшей мере пятнадцать лет экономика страны испытывает серьезные трудности. Наивно думать, что прозрение наступило внезапно. О резком снижении темпов роста производства и производительности труда, истощении природных ресурсов, невыполнении планов говорилось задолго до прихода к власти М.С.Горбачева. Но говорилось келейно: в кругу руководящих работников, на закрытых партийных собраниях. Мыслей о необходимости перестройки всего хозяйственного механизма страны, которые высказывали ведущие экономисты — академик А.Г.Аганбегян, член-корреспондент АН СССР П.Г.Бунин и другие, — никто прямо не оспаривал, но дальше разговоров дело не шло.

Теперь приходится публично признать, что самая богатая ресурсами страна мира испытывает постоянный дефицит в самых необходимых товарах и находится в униженной зависимости от поставок из-за границы. Эта ситуация обусловлена даже не столько низкой производительностью, сколько непрерывным снижением качества продукции.

Показатели

Известно, что качество — показатель синтетический, характеризующий общий уровень производства. Одни только прямые потери народного хозяйства СССР от возврата и переделки бракованной продукции составляют 4 млрд. руб. в год. Подавляющее большинство изделий советской промышленности не выдерживает конкуренции на мировом рынке. Если внутри страны их все-таки покупают, то потому, что других нет. Официально признано, что лишь 17—18% изделий советской обрабатывающей промышленности более или менее отвечают мировым стандартам. Хотя Советский Союз производит почти вдвое больше стали, чем Соединенные Штаты Америки, металла постоянно не хватает, ибо хозяйству нужна сталь совсем иного качества.

Что касается производительности труда, то в минувшей пятилетке темпы роста составляли только 3,2% в год. А ведь по уровню производительности СССР занимает одно из последних мест среди промышленно развитых стран. Даже журнал "Коммунист" признает, что из 130 млн. человек, занятых в народном хозяйстве, десять миллионов просто не нужны. Примерно половина рабочих занята непроизводительным ручным трудом.

Советский Союз гордится шестимиллионной армией инженеров. Это действительно много — 4,5% всех работающих в народном хозяйстве. Однако в Соединенных Штатах, чей валовый продукт в два с лишним раза больше, чем у нас, этот показатель не превышает 1%. Известный принцип "числом поболее, ценою подешевле" действует на всех уровнях советской экономики.

На протяжении трех последних пятилеток страна теряет одну позицию за другой. В эффективности производства, в качестве продукции, в развитии науки и техники. Возьмем, например, фондоотдачу — показатель, характеризующий эффективность капитальных вложений. По промышленным объектам, введенным в строй за 1981—1985 гг., фондоотдача едва достигала 65% уровня 1976 г. Анализ показывает, что стоимость единицы производственной мощности, вводимой сейчас, на 20, а иногда и на 40% выше, чем десять лет назад.

За последнее десятилетие снижение фондоотдачи в народном хозяйстве СССР составляло 3% в год. Каждый процент снижения этого показателя означает, что для выпуска той же продукции приходится дополнительно вкладывать 14 млрд. руб.

Естественно, что доля накоплений в национальном доходе страны снижается. В восьмой пятилетке она достигала 28%, в девятой — 27%, в десятой — 26%, в одиннадцатой — 25%. Результатом было то, что в 1966—1984 гг. национальный доход в расчете на рубль основных производственных фондов уменьшился по сравнению с предыдущим периодом на 37%. В годы прошедшей пятилетки затраты на техническое оснащение производства почти в два раза превышали прирост национального дохода страны. Снижение накоплений в свою очередь привело к падению темпов ввода в эксплуатацию основных производственных фондов. Круг замкнулся: отдача производства упала, снизилось поступление денежных средств в бюджет, сократились возможности дальнейшего переоснащения производства.

Руководители полагали, что замедление темпов роста капитальных вложений должно привести к росту отдачи. Эта надежда не оправдалась. Она и не могла оправдаться, ибо развал экономики в 70—80-х годах только усилился.

Фонды

Стоимость основных производственных фондов СССР оценивается в колоссальную сумму — свыше полутора триллиона рублей. Посмотрим, однако, что это за фонды. Значительная часть оборудования устарела и морально, и материально, многие здания пришли в негодность, технология часто соответствует даже не вчерашнему, а позавчерашнему дню.

Такое положение наблюдается не только в промышленности, но и в других отраслях народного хозяйства: в строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве. За прошедшее десятилетие сократился ввод новых мощностей, замедлилось обновление и замена техники. Так, удельный вес вновь вводимых фондов по пятилеткам составлял: в 1975 г. 40%, в 1984 г. — 28%.

Как свидетельствует статистика, половина всех производственных фондов страны введена в эксплуатацию до 1976 года, то есть функционирует больше десяти лет. При этом на предприятиях, где преобладает изношенная и отсталая техника, сосредоточена большая часть производственного оборудования. В некоторых отраслях значительная его часть эксплуатируется более 30 лет.

Если вспомнить, что каждые 10—15 лет в передовых странах происходит смена производственного оборудования и обновление технологии, то столь длительная эксплуатация техники, конечно, никак не может быть эффективной. Устаревшие агрегаты не только малопроизводительны, но и требуют повышенных затрат материальных и энергетических ресурсов. В одном лишь машиностроении ежегодные потери от эксплуатации устаревшей техники определяется в 200 млн. руб.

В предыдущие годы фонды обновлялись очень медленно. Из оборудования выжили все возможное, расходуя минимум средств на обновление техники. В результате непомерно разбухла сфера ремонта. Сейчас промышленность расходует на ремонт 10 млрд. руб. в год (из них 3 миллиарда на ремонт заведомо устаревшей техники). Например, в черной металлургии затраты на капитальный ремонт уже превысили капитало-вложения (в одиннадцатой пятилетке соответственно 15 и 14,2 млрд. руб.). На целое десятилетие затянулось переоборудование предприятий Среднего Урала: Красноуральского медеплавильного комбината, Первоуральского новотрубного завода, Ураласбеста.

Многие отрасли промышленности требуют срочного обновления. Стареющей, если не вовсе допотопной, техникой оснащён Донбасс. Это относится и к шахтам, и к предприятиям металлургии, машиностроения, химии, энергетики. У министерства нет средств на модернизацию, но закрыть полностью изношенные производства оно тоже не решается.

Где же выход? Сообразно с новой инвестиционной политикой текущая пятилетка объявлена пятилеткой реконструкции. Техническое перевооружение и реконструкция рассматриваются ныне как альтернатива новому строительству и объявлены панацеей для решения целого ряда хозяйственных задач.

Беда, однако, в том, что многие давно построенные предприятия вообще не пригодны для технического переоборудования и перестройки производства. С другой стороны,

новое оборудование для реконструкции еще предстоит создать. Задача, как показывает опыт, не из легких.

Капитальное строительство

Понятно, что перенесение центра тяжести с капитального строительства на реконструкцию и техническое перевооружение — мера вынужденная. Причина — недостаток средств, а главное — плохое освоение тех средств, которые отпускаются. Все последние годы объемы капитальных вложений, выделяемых на строительство предприятий, опережали стоимость вводимых в эксплуатацию производственных фондов. Незавершенное строительство всегда составляло 80—90% объема капитальных затрат. Кому не знакома картина нескончаемой, невылазной стройки? Лишь десятая часть воздвигаемых объектов в каждый данный момент сдавалась в эксплуатацию.

Рост незавершенного строительства и объемов не установленного во-время оборудования ведет к омертвлению денежных средств, отвлекает их из сферы производства и замораживает в строительстве на долгие годы. В советской экономической литературе даже появился термин "пустые деньги". Это те средства, на которые рассчитывали при планировании, но которые не поступили в бюджет и остались на бумаге. Оно и неудивительно, если строительство новых объектов тянется годами. Но даже если предприятие формально сдано в эксплуатацию, это не значит, что оно начинает работать. Начинается долгая песня — наладка и освоение производственных мощностей. Продукция, которая была нужна народному хозяйству 10—15 лет назад, за это время настолько стареет, что отправляется с завода прямо на склад. Экономический эффект, на который рассчитывали при проектировании предприятия, оказывается химерой. Деньги не поступают в бюджет, затраченные средства не возвращаются. Сокращается база последующего финансирования.

Типичный пример — Красноярский край, на развитие которого в последнем десятилетии было израсходовано более 23 млрд. руб. Средства потрачены, а промышленные объекты остались недостроенными. В крае сейчас до пяти тысяч объектов, строительство которых тянется многие годы. Например, сооружение Саяно-Шушенской гидроэлектростанции заняло более 20 лет — в два раза дольше, чем строилась Братская ГЭС.

Сейчас в стране воздвигается более 20 тысяч объектов, производственного назначения. Средств на завершение строительства не хватает. Даже ведущие стройки не обеспечены денежными, материальными и трудовыми ресурсами. Расчет показывает, что на строящийся объект приходится в среднем по стране 15—16 строителей.

Естественно, что сроки строительства много выше норм, установленных Госстроем СССР. Средний срок сооружения хозяйственных объектов в СССР — 6,3 года. Это чуть ли не вдвое выше норматива. Ежегодные потери от такого разрыва оцениваются в 20 млрд. руб. Это цифры средние. А в конкретных отраслях дело выглядит так: в угольной промышленности средняя продолжительность строительства составляет 9,3 года, в электротехнической — 13,6, в черной металлургии — свыше 15 лет. Прибавьте время на проектирование (2—3 года) и на освоение нового производства (от 3 до 5 лет).

В двенадцатой пятилетке курс взят на то, чтобы ускорить работы лишь на некоторых ведущих стройках. Остальное придется законсервировать.

План

О перестройке системы хозяйствования сейчас говорят все: от журналиста районной газеты до Генерального секретаря ЦК КПСС. Но если на практике положение меняется чрезвычайно медленно, то это вызвано не только сопротивлением огромного чиновничьего аппарата, но и поразительной косностью самого механизма, который предстоит перестроить.

Из многих примеров приведу несколько, с которыми близко сталкивалась. Вспоминается сооружение химического комплекса в небольшом латвийском городке Олайне под Ригой. В состав этого комплекса входил завод по производству химических реактивов. Разработка рецептуры будущих химических препаратов началась в 1959 го-

ду. Проектирование предприятия и его строительство заняли десять лет. Затем последовал длительный период освоения и пуска. К концу обнаружилось, что номенклатура химреактивов за это время изменилась. Соответственно изменилась и технология производства, что в свою очередь потребовало другого оборудования.

Пришлось перестраивать цеха, менять планировку зданий. Семилетний монтаж вело Московское управление пусконаладочных работ треста "Оргхим". Все расходы, связанные с содержанием пусконаладочной бригады, ложились на себестоимость продукции как "расходы будущих лет". К моменту ввода объекта в эксплуатацию продукция его уже была на вес золота...

К тому, что в обычных условиях строительство заводов растягивается на долгие годы, все привыкли. Однако объекты "государственного значения" строятся довольно быстро. Секрет прост. Стройку "курируют" местные партийные органы (обкомы, райкомы). С их помощью объект получает все необходимое вне очереди, то есть в ущерб другим. Это приводит к нарушению сроков сдачи в эксплуатацию смежных объектов, к несбалансированности планов пуска производств, участвующих в выпуске одного продукта.

Воспетая Евгением Евтушенко Братская ГЭС после ввода в эксплуатацию в течение года работала вхолостую, так как не были завершены металлургический и химический промышленные комплексы — потребители электроэнергии. Не менее поучительный пример — планы создания большой химии. В 70-х годах было введено в эксплуатацию около десяти заводов химического волокна, созданных по единому типовому проекту. И только потом обнаружилось, что предприятия не обеспечены ресурсами, ибо не достроены заводы — поставщики сырья. Даже через пять лет после пуска Черниговский завод химического волокна был загружен лишь на 50%, не хватало сырья.

Встает вопрос, способна ли вообще плановая система сбалансировать ресурсы страны, обеспечить их разумное использование. Даже успешное завершение работ на основном объекте ничего не меняет. Так, при строительстве Волжского автомобильного завода в Тольятти первая очередь предприятия была завершена досрочно за пятьдесят месяцев работы и введена в эксплуатацию в начале 1971 года. Сокращение нормативной продолжительности строительства и освоения мощностей ВАЗа дало экономии в 387 млн. руб. Но детали для сборки автомобилей на главном конвейере пришлось доставлять из Италии, так как строительство смежных предприятий, поставляющих эти детали, не было закончено в срок. С тех пор минуло пятнадцать лет, три пятилетки, а сбои в поставках деталей для автомобилей так и не преодолены. Лишь в 1985 году с главного конвейера ВАЗа были сняты из-за отсутствия комплектующих изделий тысячи автомобилей. На срочную доставку самолетами необходимой продукции за год израсходовано более десяти миллионов рублей.

Немало предприятий сооружалось по скоропалительному решению "сверху", без предварительного технико-экономического обоснования проекта. Нелепость таких решений видна на примере предприятия, построенного в середине 60-х годов в районе Астраханского заповедника. Мысль о строительстве такого завода осенила Н.С.Хрущева, когда он охотился в этих местах. Дело в том, что, отдыхая на других своих угодьях в дельте Дуная, он обнаружил по ту сторону реки, на территории Румынии, завод древесно-волоконистых плит, работающий на тростнике.

Для осуществления этой идеи было закуплено шведское оборудование, которое по ценам тех лет стоило около десяти миллионов рублей. Предприятие строилось ударными темпами. Затем... Затем в первый же год работы были истреблены все ресурсы сырья.

Позднее выяснилось, что румыны косили тростник по льду, сберегая его корневую систему. В астраханском варианте эти условия покоса, конечно, не соблюдали. Вдобавок новое предприятие было неудачно расположено, и в весенние паводки его затопляло. Чтобы спасти положение, из Вологодской области начали сплавлять древесину по Волге до Астрахани. Надо ли говорить, во что это все обошлось заводу.

Скажут: дела давно минувших дней... Но в 1979 году в Чехословакии было закуплено оборудование для строительства Куйбышевского завода синтетического спирта. А проект стройки утвердили лишь в 1982 году. К настоящему времени оборудование

смонтировано на 10%, ввести его в эксплуатацию планируют к 1990 году. Основная часть техники (на 20 млн. руб.) валяется на складах.

Суть перестройки

Нехватка средств для развития народного хозяйства обусловила и те перемены в инвестиционной политике, которые нашли выражение в системе так называемого самофинансирования предприятий. Идея новой системы проста: государство стремится таким образом получить дополнительные ресурсы для технического перевооружения. Взамен ассигнований из бюджета предприятию предлагают использовать свои средства, как заработанные, так и взятые в заем.

В качестве образца обычно называют Сумское производственное объединение. В текущем пятилетии оно планирует израсходовать на техническое перевооружение и реконструкцию 270 млн. руб. прибыли и амортизации (собственные средства), а также заем в виде долгосрочных кредитов Стройбанка СССР. Для поощрения этой системы государство оставило предприятию 70% прибыли, полученной от реализации продукции, и лишь 30% забирает в бюджет. При финансировании из средств бюджета предприятию оставляют 50% прибыли. Что касается государственных ассигнований, то их теперь выделяют лишь самым важным объектам — таким, как ВАЗ.

К сожалению, предприятий, подобных Сумскому объединению или ВАЗу, в Советском Союзе немного. У рядового завода условия много хуже. Своих средств на перевооружение не хватает. Поэтому Стройбанку дано право предоставлять предприятиям кредит на весь период их технической модернизации. Правда, при этом оговаривается, что сроки окупаемости кредитуемых вложений должны быть в пределах среднеотраслевых нормативов. Пока что из-за недостатка ресурсов эти сроки превышают нормативные в 1,5—2 раза.

Практически кредиты предоставляются предприятиям лишь при недостатке у них собственных средств на реконструкцию и при наличии лимитов кредитования в банке. Погашение кредита и выплата процентов должны производиться за счет все тех же собственных средств предприятия, то есть его прибыли. Иначе говоря, предприятию грозит опасность оказаться в тисках кредита, что поставит его в крайне трудные финансовые условия. Очевидно, со временем это приведет к удорожанию себестоимости продукции и вызовет общее повышение цен.

Поразительно, до какой степени разговоры о перестройке не подкреплены делами. К примеру, предприятия до сих пор ждут методических указаний о разработке планов на двенадцатую пятилетку и оценке хозяйственной деятельности, хотя идет уже третий год пятилетки. Перевод предприятий на полный хозрасчет и самофинансирование не подготовлен. Сложная и противоречивая обстановка в экономике сохраняется. Люди слышат о переменах, но вокруг себя их не видят.

В июне этого года на Пленуме ЦК КПСС с докладом "О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой" выступил М.С.Горбачев. Был принят "Закон о государственном предприятии", где закреплены принципы новой системы.

Предполагается, что принятая программа позволит осуществить переход от административных методов управления к экономическим. Отныне основным показателем работы предприятий и объединений станут рентабельность и выполнение обязательств перед потребителем. Предполагается наладить прямые связи поставщиков и потребителей, с ежегодным возобновлением договоров между ними.

Основной упор делается на отказ от системы приказов и воздействие на экономику с помощью цен, экономических нормативов, финансово-кредитных рычагов. Вводится оптовая торговля средствами производства — оборудованием, материалами. Прямые договорные связи предприятий и оптовая торговля средствами производства — все это должно способствовать укреплению хозяйственной самостоятельности предприятий. Ожидается, что сбыт продукции через рынок оптовой торговли повысит заинтересованность предприятий в конечных результатах их работы — в улучшении качества продукции. Будут пересмотрены цены, которые давно уже перестали отвечать своему экономическому содержанию: на продукцию машиностроения и потребительские товары они

завышены, в то же время субсидии на продукты питания составляют 50 млрд. руб. в год. Предусмотрена перестройка центральных ведомств. Будет упрощена громоздкая структура и сокращены штаты министерств. Они освобождаются от функций опеки за оперативно-хозяйственной деятельностью предприятий. Предполагается объединение ряда министерств.

Что касается Госплана СССР, то за ним оставляют функцию уравнивания ресурсов в стране, регулирование развития отраслей путем распределения капитальных вложений. Из 24 млн. наименований продукции за Госпланом предполагают оставить для планирования 200—300 важнейших наименований.

Время покажет, смогут ли эти меры спасти положение. Можно с уверенностью сказать, что по крайней мере на первых порах перестройка приведет к замедлению темпов роста производства и к увеличению массы продукции, не нашедшей сбыта. Характерно, например, что после перевода на новые условия легкая промышленность отказалась принять многие заказы торговли и пошла на сокращение производства.

С 1988 года на новые условия работы должны перейти предприятия и объединения, выпускающие три четверти всей промышленной продукции по основным ее отраслям. К 1990 г. этот переход предполагается завершить. Рискованный шаг, если учесть, что все еще не найдены новые формы управления и не распределены функции между комплексами, Госпланом и министерствами.

Куда девать партию?

В докладе, о котором мы только что упомянули, хозяин страны сказал, что она находится в предкризисном состоянии. Это, конечно, эвфемизм. Если проследить динамику всех экономических показателей за последние 15 лет, станет ясно, что речь идет о кризисе.

Конечно, кризис этот обусловлен прежде всего коренными пороками самого хозяйственного механизма. Но нельзя забывать и об огромных средствах, которые Советский Союз тратит в угоду своим имперским амбициям: на войну в Афганистане, поддержку диктаторских режимов на Кубе, в Никарагуа, Анголе, во множестве других стран; невозможно сбросить со счетов непомерно раздутую военную промышленность, армию и КГБ. Наконец, чрезвычайно дорогостоящим удовольствием сделалась сама партия, "организатор и вдохновитель".

Тяжким бременем ложатся на экономику расходы по содержанию партийной элиты и обслуживающей ее челяди. Штаты райкомов, горкомов, обкомов партии и комсомола раздуты. Практически они никогда не подвергаются сокращениям и, дублируя правительственные органы, создают систему второго управления. Содержание этого аппарата обходится стране чрезвычайно дорого — и не только в прямом смысле слова. Трудно подсчитать, какой урон хозяйству наносит само это дублирование. Оно замедляет принятие решений, подрывает инициативу и самостоятельность, создает обстановку безответственности, упраздняет законность, заменяя его "телефонным" правом. Именно партийный аппарат формирует лицо общества, подбирая руководящие кадры из себе подобных, постоянно продуцируя такие общеизвестные особенности нашей жизни, как лезть, взяточничество, беспринципность, погоня за привилегиями.

В материалах о перестройке много говорится об отказе от административных методов управления. Но никто ни единым словом не заикнулся об упразднении главного препятствия — системы партийного контроля над обществом, над экономической, культурной, научной жизнью страны. Скажем прямо: пока существует этот пресс, пока позиции партийного аппарата незыблемы, трудно поверить в реальность перестройки. В Советском Союзе многим живется плохо, но только не бесчисленным секретарям бесчисленных комитетов. А от добра добра не ищут.

Л Т П

Принудительное лечение хронических алкоголиков

Борьба с пьянством в Советском Союзе ведется давно: она то затихает, то оживает очередным постановлением органов власти. Однако никогда еще за все время существования Советской власти не достигала она таких масштабов и интенсивности, как с приходом к власти "минерального секретаря" — М. Горбачева. Все средства сейчас брошены в атаку на водку как бы в последней надежде — "кто — кого". Похоже, что проблема алкоголизма воспринимается (не без оснований) в верхах как всенародное бедствие. Одними административными мерами такую проблему не решить, и это наверняка понимают. Тем не менее административным мерам в кампании борьбы с алкоголизмом отведена отнюдь не последняя роль. В ряду этих мер большое внимание уделяется принудительному лечению в лечебно-трудовых профилакториях — ЛТП.

Принудительное лечение алкоголиков в СССР имеет свою историю. Еще в 1927 г. Московский губздрав выделил специальное отделение на 75 коек в психиатрической колонии Подольского уезда для принудительного лечения социально опасных алкоголиков. Но вскоре настали иные времена, появились иные задачи: сворачивание нэпа, коллективизация с массовым выселением крестьянства, создание исправительно-трудовых лагерей. В этой социальной ломке захлебнулась инициатива с принудительным лечением алкоголиков.

С принятием в 1959—1961 годах действующих ныне Уголовных кодексов союзных республик вопрос о принудительном лечении алкоголиков был оживлен вновь. Однако это лечение распространялось только на тех алкоголиков, которые были признаны судом виновными в совершении уголовных преступлений. В зависимости от вида и срока наказания, эти лица проходили лечение либо в колониях для заключенных, либо в медицинских учреждениях со специальным лечебным и трудовым режимом.

Вместе с тем, уже в начале 60-х годов ставился вопрос об организации принудительного лечения для алкоголиков, не совершивших никакого преступления.

Законотворчество

Первой на этот путь вступила Украина. Пункт 9 Указа ПВС УССР от 12 июня 1961 г. гласил: "Трудоспособные лица, которые вследствие систематического злоупотребления спиртными напитками стали злостными пьяницами и своим недостойным поведением создают ненормальные условия для совместного проживания в семье или квартире, — направляются по постановлению суда в *лечебно-трудовые отделения при исправительно-трудовых колониях* на срок до 1 года". А в 1962 г. этот Указ был дополнен пунктом 9, карающим в уголовном порядке за побег из этих отделений или с пути следования в них.

20 декабря 1961 г. газета "Советская Россия" сообщила, что "Президиум Верховного Совета РСФСР принял указ, согласно которому алкоголики подлежат направлению в лечебно-трудовые профилактории для принудительного лечения и трудового перевоспитания сроком от 6 месяцев до 2 лет..." Однако никаких следов применения этого Указа обнаружить не удалось. Более того, он не был опубликован в Ведомостях ВС РСФСР. Так что остается сомнительным, был ли этот Указ вообще принят, хотя, судя по публикациям в печати, подготовка к принятию такого Указа как будто велась.

В действительности ЛТП на территории РСФСР стали создаваться только после Указа ПВС РСФСР от 8 апреля 1967 г. "О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)". Несколькими ранее аналогичные указы были приняты и в некоторых других союзных республиках.

В этих указах в основных чертах была уже намечена вся система ЛТП: круг лиц, на которых распространяется принудительное лечение; порядок направления их в ЛТП; сроки принудительного лечения; условия содержания в ЛТП и порядок освобождения.

Указы, принятые в первой половине 70-х годов, детализировали и почти полностью унифицировали эту систему по всей стране. Так, согласно Указу ПВС РСФСР от 1 марта 1974 г., в ЛТП для принудительного лечения и трудового перевоспитания на срок от 1 года до 2 лет направляются "хронические алкоголики, уклоняющиеся от лечения или продолжающие пьянствовать после лечения, нарушающие трудовую дисциплину, общественный порядок или правила социалистического общежития, несмотря на принятые к ним меры дисциплинарного либо общественного или административного воздействия". Дела о направлении этих лиц в ЛТП рассматриваются судом "по ходатайству общественных организаций, коллективов трудящихся, государственных органов при наличии медицинского заключения". Заключение выдается специальной медицинской комиссией. Согласно "Инструкции о порядке медицинского освидетельствования больных хроническим алкоголизмом и наркоманиями для направления на принудительное лечение", утвержденной в декабре 1977 г. заместителем министра здравоохранения СССР, в состав комиссии входят психиатр-нарколог, невропатолог и терапевт. Комиссии создаются при психоневрологических диспансерах или кабинетах, а при отсутствии таковых — при обычных медучреждениях.

Предусмотрена возможность продления срока содержания в ЛТП еще на 1 год (если алкоголик уклоняется от лечения), а также досрочное освобождение — при успешном лечении, либо в случае тяжелого заболевания, препятствующего содержанию в ЛТП.

Не подлежат направлению в ЛТП душевнобольные, а также лица с тяжелыми заболеваниями, инвалиды I и II групп, беременные женщины и кормящие матери, лица пенсионного возраста, несовершеннолетние.

В 1985 г., сразу после "горбачевского" майского Постановления ЦК КПСС "О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма", в законодательство о принудительном лечении хронических алкоголиков было внесено существенное изменение. Теперь для отправки в ЛТП уже не требуется "неоднократного нарушения трудовой дисциплины, общественного порядка, правил социалистического общежития", не нужно и предварительного применения к нарушителю "мер воздействия". Теперь для направления дела в суд достаточно, чтобы лицо было признано хроническим алкоголиком, уклонялось от добровольного лечения, либо продолжало пьянствовать после лечения. Это упрощает и ускоряет досудебную процедуру сбора материалов для отправки в ЛТП и расширяет круг лиц, на которых распространяется действие Указа.

Круг этот теперь расширен также за счет "больных хроническим алкоголизмом с тяжелыми сопутствующими заболеваниями, особенно туберкулезом", инвалидов I и II групп и лиц пенсионного возраста, — то есть большей части той категории алкоголиков, которая по Указу 1974 г. не подлежала направлению в ЛТП. Для них создается новый вид учреждений для принудительного лечения — специальные наркологические отделения, где они находятся от 3 месяцев до 1 года.

ЛТП нехватает

Первые ЛТП в Советском Союзе стали появляться в середине 60-х годов. В 1965 г. открылся ЛТП в Олайне (пригород Риги). Он, как и многие другие, был организован на территории бывшей колонии для заключенных. Для развертывания сети ЛТП пона-

добилось несколько лет. Местные советы, а также отраслевые министерства и ведомства, которые должны были содействовать органам МВД в организации производственной базы ЛТП, неохотно шли на это и нередко уклонялись от такой "благотворительной" деятельности, ссылаясь на отсутствие средств. В 1968 г. в Ярославской области еще не было ЛТП, не было ЛТП в 1969 г. и в Брянской области. В Горьковской области ЛТП открылся в конце 1969 или в январе 1970 г. Только в 1970 г. первый ЛТП появился в Оренбургской области.

В связи с нехваткой ЛТП Совет Министров СССР в мае 1972 г. обязал МВД СССР и Советы Министров союзных республик "обеспечить расширение сети лечебно-трудовых профилакториев... за счет строительства новых и реконструкции существующих профилакториев". Однако и это не изменило ситуации. Жалобы на хроническую нехватку ЛТП, а также мест в действующих ЛТП время от времени продолжали появляться в советской печати. Возникли своеобразные очереди в ЛТП. Так, в ожидании, пока в Мозырском ЛТП (Гомельская область, Белоруссия) освободится место, направляемых туда на принудительное помещение в противоалкогольное отделение Борщевской психбольницы.

Помимо мужских ЛТП есть и женские. Один из них находится, например, во Львове.

К началу 80-х годов на территории Советского Союза действовало около 300 ЛТП, в которых содержалось примерно 100—150 тысяч человек, то есть 1—2% от общего числа хронических алкоголиков в СССР.

Больница или лагерь?

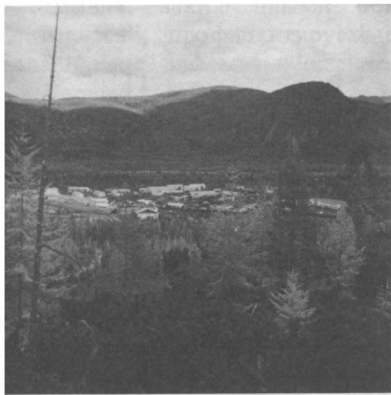
ЛТП входят в систему МВД СССР. На уровне области ЛТП, так же как колонии и тюрьмы, подчинены непосредственно областному Управлению исправительно-трудовых учреждений (ОИТУ). При республиканских министерствах внутренних дел созданы отделы ЛТП. Такой же отдел, видимо, существует и при МВД СССР.

Деятельность ЛТП регулируется республиканскими Положениями. Так, на территории РСФСР в настоящее время действует Положение о лечебно-трудовых профилакториях для хронических алкоголиков, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 марта 1974 года. Это Положение, как и действовавшее ранее Положение 1967 года, не опубликовано.

ЛТП — это фактически лагерь для алкоголиков. Корреспондент газеты "Советская Россия" М.Мирзабеков, одним из первых, еще в 1970 г., рассказавший о ЛТП, так и начал свой "Репортаж из лечебно-трудового профилактория": "Лагерь огражден от поселка высоким забором. По углам охранные будки, вахта..." И далее, цитируя начальника ЛПТ капитана Ю.Стрельникова: "условия содержания соответствуют условиям исправительно-трудовых колоний общего режима — питание, распорядок, дисциплинарная практика, форма одежды". Ситуация с тех пор осталась неизменной.

Действительно, ЛТП полностью скопированы с колоний для заключенных. Так же как и заключенные, "лица, находящиеся в ЛТП... могут иметь с родственниками краткосрочные и длительные свидания, вести переписку, получать посылки, покупать по безналичному расчету продукты питания и т.д. ("Гражданин и аппарат управления в СССР", М., 1982 г.). Они получают зарплату, из которой 30% вычитается на частичное покрытие расходов по содержанию ЛТП (это все же меньше, чем в обычных лагерях: там, как правило, отбирают 50%). Из оставшейся суммы вычитается стоимость питания, одежды и обуви, специальных медикаментов и т.д.

"Население" ЛТП живет в бараках, а нарушителей режима могут водворить в изолятор. Так же как в лагерях, в ЛТП действует отрядная система. Надзорсостав (контролеры) и администрация ЛТП (офицеры) являются служащими МВД. Врачи — тоже офицеры МВД.

В идиллическом месте находится ЛТП-1: поселок Арарат Хасынского района Магаданской обл.

Утренняя пятиминутка. Идет смена надзорсостава

Вид "идиллии" с близкого расстояния. Вышка, запретка...

Печать — наше самое острое оружие...

Врачи-наркологи товарищи Пономаренко (слева) и Пазушко — главный нарколог ЛТП

"Спецконтингент"

"Спецконтингент" за работой. Разгрузка леса

Камнеобработка

Сварочные работы

Перекур

Воскресник. "Благоустраивают" зону

А это уже не зона. Это пос. Арарат, рядом с ней. В таких домах живут "бичи" — из числа недавно "излечившихся"

Правда, заключенными обитателей ЛТП не называют. Употребляются термины: "лечащиеся", "профилактируемые", "админнаказанные" и др. Официально употребляется загадочный эвфемизм: "спецконтингент".

Первые два месяца "пациенты" ЛТП проходят "общеукрепляющее лечение", иначе, по словам начальника Оренбургского ЛТП капитана Ю.Стрельникова, они "могут не выдержать лечения". Затем следует основной курс лечения или, так называемый, спецкурс, цель которого — выработка отрицательного условного рефлекса к алкоголю.

ЛТП — типичное пенитенциарное учреждение МВД. Все пороки, присущие этим учреждениям, полностью распространяются и на ЛТП. Кадры в ЛТП — большая проблема. В одном из ЛТП Киевской области менее чем за год 39 человек уволились с работы. И это при том, что уйти из ЛТП не так-то просто. В том же ЛТП двое начальников отрядов, добиваясь увольнения, прибегли к тактике тихого саботажа служебных обязанностей, но остались на своих должностях — их нечем было заменить.

В середине 70-х годов появлялись еще сведения о нехватке в ЛТП медработников. Сейчас количественная сторона дела потеряла свою остроту. Только в ЛТП, находящихся на территории РСФСР, занято не менее 1500 врачей-наркологов. Однако профессиональный уровень этих медиков по-прежнему низок, беден и арсенал применяемых медицинских средств.

С другой стороны, принудительность лечения и труда и вообще подневольность состояния вырабатывают особый настрой "профилактируемых". Психологически они не приемлют ЛТП точно так же, как заключенные не приемлют тюрьму, и всеми правдами и неправдами стремятся обойти режимные ограничения. О том, что это стало нормой жизни ЛТП, свидетельствует и тот факт, что административная ответственность за незаконную передачу заключенным запрещенных для передачи предметов позднее была распространена и на ЛТП (в Эстонии за это карают даже в уголовном порядке).

Побеги из ЛТП тоже говорят об отношении "лечащихся" к этим заведениям. Теоретики принудления предвидели эти побеги — в первых же указах о ЛТП была предусмотрена уголовная ответственность за побег; предусмотрено было и конвоирование направляемых в ЛТП.

В ЛТП все как "на воле": борьба за план, за дисциплину и... за уменьшение случаев проникновения в это "царство здоровья" спиртного. Но борьба — борьбой, а жизнь — жизнью, и "лечащиеся" пьют на рабочих местах и в жилых бараках, используя для этого любую возможность. Проверка ЛТП Архангельской области выявила, например, "более 500 случаев употребления спиртных напитков, изъято 70 литров спиртного". Об этом в августе 1985 г. сообщило московское радио.

В ЛТП "проникает" не только спиртное — вместе с людьми в ЛТП приходят и традиции "воли". В одном из ЛТП Киевской области "лечащиеся", "забыв" про план, наладили производство разных кустарных изделий. Ременные пряжки, например, изготовленные местными умельцами, реализовывались тут же в ЛТП по 3 рубля за штуку. "В ЛТП действует "черный рынок", где можно многое приобрести", — жаловался на страницах ведомственной газеты, распространяемой среди работников мест заключения, один из сотрудников ЛТП.

Эффективно ли принудительное лечение?

В начале, когда сеть ЛТП еще только разворачивалась, считалось, что найдено эффективное средство борьбы с алкоголизмом. Это мнение подогревалось соответствующими публикациями в печати.

ЛТП "себя оправдывают" (Б.Шумилин — заместитель министра внутренних дел СССР, 1970 год).

"Процент излечивающихся высок" (Е.Белокурова — главврач Рижского ЛТП, 1969 год).

”Наибольший эффект дают лечебно-трудовые профилактории. Более 50% из тех, кто прошел в них курс лечения, навсегда избавляются от пагубного пристрастия” (Ю.Ткачевский — доктор юридических наук, специалист по исправительно-трудовому праву и один из наиболее активных сторонников ЛТП, 1973 год).

Трудно сказать, откуда взялись эти благоприятные оценки. Возможно, на них влиял не такой уж большой процент ”повторников” — где-то около 10% от общего числа лиц, поступавших в ЛТП. Но ведь после освобождения бывшие ”пациенты” ЛТП, набравшись опыта и предоставленные самим себе, надо полагать, предпочитали пить без шума, то есть переходили в разряд ”тихих пьяниц”. А ”тихого”, то есть не совершающего ”анти-социальных поступков”, — поди возьми его! Указ не позволял!

Во второй половине 70-х годов появились более осторожные суждения: ”Эффективность (принудительного лечения) не всегда высокая. Вылечить удается немногих” (А.Ликас, председатель Верховного Суда Литовской ССР, 1976 год).

И, наконец, к середине 80-х годов, после 20 лет функционирования лечебно-трудовых профилакториев, пришла пора трезвых оценок:

”Эффективность принудительного лечения еще низка... становится больше лиц, повторно направляемых в ЛТП” (С.Гусев, первый заместитель председателя Верховного Суда СССР, 1986 год).

”Не найдено еще эффективных способов борьбы с пьянством. Большинство тех, кто возвращается после лечения в ЛТП, снова берется за чарку” (”Радянська Україна”, январь 1986 г.).

И точно, действенных методов лечения хронических алкоголиков не найдено. Более того, оказалось, что не только ЛТП, но и вся система наркологической службы ”крайне неэффективна”, — так характеризуют ее заместитель заведующего отделом Комитета народного контроля РСФСР А.Гордеева и инспектор этого Комитета Я.Черняев, подкрепляя эту убийственную характеристику такими цифрами: ”По итогам (1984) года от общего числа больных хроническим алкоголизмом снято с учета по выздоровлению не более 1%” (”Медицинская газета”, 12 июля 1985 г.). А эффективность двухгодичного пребывания в ЛТП и ”медицинской опеки” после освобождения из ЛТП эти авторы иллюстрируют на примере анализа 100 амбулаторных карт Липецкого диспансера: ”поддерживающее лечение в 1984 году прошли двое, каждый третий у врача не был совсем, устроились на работу (со слов) 23, воздерживаются от выпивки в течение 3—6 месяцев всего 12”.

Но и эти данные, мягко говоря, не соответствуют действительности. ”Мы взяли, — пишут контролеры, — наугад 20 амбулаторных карт, в учетных формах которых указана полная медицинская и социально-трудовая реабилитация, и проследили судьбу этих людей. Ни один систематически не наблюдался, не прошел курса поддерживающего лечения, работают двое, 6 человек совершили правонарушения, а 19 из 20 вернулись к пьянству”. Иными словами, из тех, кто в отчетах Липецкого диспансера были показаны как совершенно избавившиеся от хронического алкоголизма, реально вылечились только 5%.

И далее А.Гордеева и Я.Черняев говорят то, что обычно не доходит до газетной страницы: ”Считаем, что указанные Липецким облздравотделом в отчетах показатели эффективности лечения больных хроническим алкоголизмом никакого основания под собой не имеют. Мало того, Липецкий облздравотдел встал на путь грубой дезинформации, сообщая в вышестоящие органы о наличии областного наркологического диспансера, экспертной комиссии, о широкой подготовке кадров и других позициях, фактически не существующих”.

Реальная эффективность всей советской наркологической службы близка к нулю.

Перспективы ЛТП

Сейчас поток хронических алкоголиков, направляемых в ЛТП, возрос, хотя он по-прежнему сдерживается отсутствием в ЛТП свободных мест. Этот поток будет возрастать по мере того, как будут вводиться в действие новые ЛТП, программа строительства которых намечена на 1986—1990 годы постановлениями Совета Министров СССР и союзных республик. Вероятно, новые ЛТП будут крупнее нынешних. Об этом косвенно свидетельствуют указания на то, что вновь строящиеся ЛТП должны иметь собственную производственную базу. Такие заведения МВД обычно крупнее тех, которые этой базы не имеют.

Но и реализация намеченной программы вряд ли решит проблему "свободных мест" в ЛТП. Уже сейчас, судя по опыту Москвы, нужда в ЛТП превышает наличную вместимость действующих раза в два, не менее. А ведь московская милиция избавилась только от тех алкоголиков, которые были, так сказать, "на поверхности", то есть тех, чьи "дела" давно уже созрели для суда, но были заstopорены — некуда было отправлять этих людей. Сейчас, после республиканских указов 1985 г., когда процедура "созревания" кандидата в ЛТП упрощена в несколько раз, в орбиту принудления попал "бытовой" или "тихий пьяница" — пожалуй, самая массовая категория пьяниц. И он, "бытовой пьяница", уже тронулся в ЛТП.

На очереди создание двух типов ЛТП: для первичного "контингента" и для "повторников", с различным режимом и сроком пребывания. Соответствующие предложения на этот счет уже имеются. Передовая линия боев с пьянством, как нередко бывает в Советском Союзе, — это линия карательная. ●

"ПОКАЯНИЕ"

Трудно судить о том, какая кинематографическая судьба ждет этот замечательный фильм (несколько настораживает снижение увлеченности им с уменьшением возраста зрителя), но бесспорно, что в истории нашего общественного сознания он останется этапной вехой и яркой приметой времени. Выстроен фильм уверенной рукой мастера, адресован всем и каждому, а потому его притчевая форма прозрачна, а аллегории, по крайней мере основные, достаточно однозначны и вызывают радость понимания даже у не очень умудренного в символическом анализе зрителя. Основной замысел фильма — обратить внимание современников на горькие плоды недавнего, но успешно забываемого прошлого, похороненного теми, кому мешает историческая память, заставить понять, что неосмысление прежних катастроф ведет к бедам будущим, к гибели грядущего и к прекращению течения жизни.

Во имя этого "женщина в белом", Кетеван Баратели, совершает свое символическое преступление — выкапывает из могилы труп синтетического диктатора Варлама Аравидзе (пенсне Берин, усики Гитлера, костюм Муссолини, на столе бюст Наполеона, трубки почему-то нет).¹ Сама Кетеван — дочь погубленного Варламом художника Сандро Баратели, наиболее последовательного противника Варлама, поэтому фильм должно понимать не только как напоминание о трагическом прошлом. Он и о традиции противостояния злу. Собственно такое понимание предлагает нам сам прокурор, положив дело не конченным и считая нужным именовать его впредь делом "Баратели—Аравидзе". Но если взглянуть на содержание фильма с этой точки зрения, то сразу начинают обнаруживаться странности и как бы несообразности. Во-первых, противостояние Баратели — Аравидзе самоизживается: единственный внук Варлама юный Торнике убивает себя из ружья, подаренного дедом; единственная дочь Сандро, мстительница Кетеван, вообще бездетна. Во-вторых, правота Кетеван не так уж и бесспорна: и живет она на улице Варлама (!), "которая не ведет к храму", и живет при этом тем, что делает торты с кремовыми имитациями христианских храмов, и эта деталь не выглядит случайной. Храм, как символ

¹

Напомним, что в октябре 1961 года, когда мы наблюдали реальную попытку разобраться в нашем прошлом, имело место символическое закапывание трупа, а не его выкапывание.

высших ценностей бытия и благого устройства жизни, введен в фильм в качестве центрального образа. За историей храма, сначала обращенного в физическую лабораторию, а потом взорванного, мы следим на протяжении всего фильма. Но начинается и кончается фильм храмами кремовыми, фальшивыми, и это храмы Кете. В чем же здесь дело? Похоже, что внутренняя символическая логика образного строя находится в некотором противоречии с аллегорической и притчевой заданностью. И это придает фильму совершенно особенную глубину.

Счастливым преимущество кинематографа — его зрительная образность. Там, где литература обошлась бы упоминанием "лаборатории в храме", кинематограф должен наполнить эту лабораторию наглядным содержанием, а там, где это делает художник, все оказывается не случайным. Не случайным оказывается и оборудование этой лаборатории. Всмотримся повнимательней, и мы увидим там высоковольтную испытательную установку и ее сердце — два бронзовых шара-разрядника. Один шар подвешен к куполу храма, к его "небу", второй вырастает из пола, из "земли". Начнем заряжать один из шаров, скажем, положительно, "позитивно", во втором сразу же объявится равновеликий, но "негативный" заряд. Добавим еще немного положительности, разделяющих шары промежуток не выдержит, произойдет разряд — взрыв, который сотрясет стены лаборатории-храма, а если на всю мощность, то "может разрушить весь город". Пожалуй, что лучшего символа разделения и отчуждения, чем эти внешне такие одинаковые шары, и не придумать. И тут мы прикасаемся к сквозной теме всей трилогии Абуладзе, так пронзительно начатой бесплодным и гибельным противостоянием хевсуров и кистингов в "Мольбе", историй двух общин, истошающих себя в разрядах бессмысленной поляризации. И при этом, каждая мнит себя "положительной" и правоверной. (Тут, пожалуй, уместно подумать об относительности этих маркировок, и вот Сандро в храме читает нам из Эйнштейна). Но добро и зло не подвержены релятивизму, как же случается так, что "истинная вера" или "наше правое дело" (Варлама) начинают губить людей и нести людям безысходное разделение и смерть? Истоки этой болезни человеческого рода даже не в "лаборатории", скорее они в том историческом храме, которому "лаборатория" наследница. Они восходят к догматическим усилиям вывести борьбу между добром и злом за пределы человеческого сердца, вовне, к попыткам материализовать разделение на "светлое" и "темное", к попыткам разорвать единство мира на "духовное" и "материальное" царства, на "горнее" и "дольнее", снять взаимодействие в иерархии ценностей и утвердить разрыв и антагонизм, что с неизбежностью ведет к принятию людьми логики разделения, логики "исключенного третьего", логики бесплодных противостояний.

Так и Сандро, чья приверженность храму и свету не вызывает сомнений, весь принадлежит этой традиции. Как истинный хевсур, он готов отрубить кисти рук тем, "которые прикоснутся к храму", как "истинно праведный", он затворяет свое окно во время полукумической сцены инаугурации Варлама, он не общается со злодеями, он самоизолируется от носителя зла. И этот его жест вызывает цепь событий, приводящих к физической гибели одного и духовной смерти другого. "Комедиант" — с презрением отзывается Сандро о Варламе, и это, конечно, так. Но, если дьявол — это обезьяна Бога, то злодей, несомненно, обезьяна праведника, в данном случае его, Сандро. Не зря же для Варлама так важно, что они с Сандро родственники, что у них общий предок, и что они оба "люди искусства", один пишет картины, а второй недурно поет, — близкие люди и только, — да и женщина им нравится одна — Нино. Несет ли человек ответственность за свою тень? Вот главный подспудный вопрос фильма. Попытка уклониться от ответа, замкнуться в сознании своей праведности, ведет к гибели обоих героев-антиподов, один из которых всерьез принимает на себя имя сатаны (а только все равно не сатана, а всего лишь человек, хотя и погрязший в небывалом зле), а второй принимает мученическую смерть в уподоблении Христу (и тем более не Христос, а человек, хотя и очень хороший), повисая под неким куполом, как тот бронзовый шар в храме (тут и раздается взрыв, разрушающий храм). Попытки идентификации (и самоидентификации) людей с добром и злом, как таковыми, никогда и никому не приносят блага. Зло надо бы искоренять в себе и всем, но этого в фильме, увы, нет. Все Баратели уверены в своей правоте, все Аравидзе считают себя безнадёжно злыми. Мир, единый в своей противоречивости, не может принять такой линейности, и им остается одно

— вымереть. Даже картины Сандро, плоды его творчества, пропадают — им суждено пасть в страшный подвал темного чрева матери-земли, пожирающей и предающей (сон Нино). В поэтике Тенгиза Абуладзе земля — это темное начало, противостоящее царству света и духа, кладбище и обитатель смерти. Тут и голые скалы "Мольбы", и маковое поле, убивающее белого коня "Древа желания", и страшные сновиденные подвалы "Покаяния", тут и подручная палачей богиня земной справедливости, дочь Геи Фемиды.

Итак, перед нами исторически привыкший к вражде и разделению мир, мир матери-земли. Закономерно он приводит к власти Варлама. Варлам не "варяг-находник", принесенный сюда на чужих штыках, он приходит к власти в результате законного, "демократического" процесса, волей народа. Его благословляют на власть старшие: Михаил Коришели с его толерантностью к злу, почтеннейший аристократ Мосе, радатель храма. Варлам их наследник. Механизм выводящий его к власти, прост: "наше" злодейство как бы и не злодейство вовсе, а "наш" злодей разве что излишне рьян на страх врагам. На этом все они и подымаются, страшные, как стихийное бедствие. Напрасно из пожарного колодца ударит струя воды (еще один прекрасный пример инженерного символизма) — этот пожар уже не потушить. Варлам пришел, чтобы завершить эту культуру и эту эпоху, осуществить то, что было скрыто заложено в ней (еще до него старейшина деревни дядюшка Цицикоре, хранитель родовой морали и законов земли, рука об руку со служителем храма, сельским священником вел на казнь красавицу Мариту в "Древе желания").

Нашу эпоху называют эоном зодиакального знака Рыб (по местонахождению точки весеннего равноденствия), начался он как раз в начале нашей эры, и срока ему отпущено две с небольшим тысячи лет. А еще нашу эпоху называют христианской, по главному событию ее духовной жизни, начало которого восходит как раз к началу эона. Так уж случилось, что изображение рыбы с самых первых лет стало условным изображением Христа (по рисункам первохристиан в римских катакомбах) и тайным знаком христианства. Теперь в катакомбах своего храма сатаны Варлам доглотал рыбу эпохи. Его сыну Авелю достался лишь голый хребет, а внуку Торнике и вовсе ничего, кроме культа насилия. И на стене комнаты внука мы видим ценности его поколения: ружье и плакат с изображением боя быков — наглядное выражение идеи бессмысленного противостояния человека и природы в конфронтации быка и тореадора, да еще с красной тканью для пушей ярости.

Но могут ли вообще дары духа укореняться в нашем мире, не отравляясь темной силой земли и не впадая в губительные обособления — родовые, общинные, государственные? Или соединение духовных порывов с тяжелой властью плоти неизбежно ведет к разделению и вражде? Ответ известен издавна: примиряющий принцип — это сама человеческая душа, способная совмещать несовместимое и удерживать в себе любые крайности и антиномии. Самые высокие духовные прозрения, не пропущенные через человеческую душу, способны лишь приводить к бездушным мирам вражды. Душа, как мироустроительница, единит высокое царство духа и дольний мир плоти и земли в мудрой соподчиненности низшего высшему. Однако же в отсутствие духовного импульса и духовного воздействия душа вынужденно становится рабой исключительно темного начала и гибнет. Именно это является основной драмой "Мольбы". Благодать духа, которую взыскует художник в своей мольбе, не дарована, и его душа, его муза и мечта, прекрасная, как сон, вступает в брак с его собственным темным демоном и в результате гибнет на виселице (связь дыхания с духом исторически бесспорна, и казнь удавливанием — давний и известный способ жертвоприношения богам, жертва духа). Эту самую виселицу бездуховности мы и видим во время митинга инаугурации Варлама.

Падение души в союзе ее с демоном, выявляемое символической казнью в "Мольбе", реализуется в жизни, и в последующих фильмах трилогии раскрывается, как изменение стереотипов массового женского поведения своего века (душа — женщина, а судьба души художника — провозвестница изменений всеобщих). И на протяжении всех трех фильмов трилогии Тенгиз Абуладзе напряженно всматривается и исследует различные повороты непростой женской темы общества эпохи разъединений. И всюду обнаруживает одно и то же: женщина перестает быть соединительницей и хранительницей душевного мира, а в полном соответствии с веком вступает в брак с темным демоном, принимая в качестве свадебного дара "оружие предков", сама становится носителем

идей своеволия, вражды и разъединений, родоначальницей демонического обезьянства. И с потерей связующего начала мир необратимо оказывается погруженным в тупик конфронтаций. Уже в "Мольбе" мы слышим эту современную женскую мечту: "Если бы мне найти топор!". В женском триединстве "Древа желания" и красавица Марита, благословляющая парней на войну, и приводящая все вокруг себя к гибели, и служительница нелюбви Фуфала, живущая имитацией любви, и деревенская красотка, соблазняющая всех и не любящая никого, — все они знаменуют приближение катастрофы и распада привычного и стабильного образа жизни.

Женское триединство "Покаяния": Нино, Гулико и Кетеван — также подчинено этой теме. Злой демон в фильме реализован в образе Варлама, поэтому особо важно проследить их отношения с ним. Что же здесь мы видим?

Гордая Нино (сразу поражает ее красное платье цвета мулеты торсадора) проходит в своем отношении к Варламу от заинтересованности (сцена у окна) до страха, но сон Нино открывает нам, что не только Варлам интересуется ею, она сама в наваждении, и ей не уйти от этого тайно влекущего и преследующего ее образа, она превращается в землю, тут Варлам и настигает ее — земле он хозяин. В реальности же, после бессильной попытки уничтожить портрет Варлама (попытка побега) гордая Нино опускается перед ним, живым, на колени. Акт поклонения свершен, после чего темная сила уносит ее навсегда.

Прекрасная невестка Варлама Гулико принадлежит к клану темных сил Аравидзе и вполне ему верна. В конфронтации с Кетеван Гулико холодна, деловита и безжалостна. Основной цвет ее черный, как и должно быть, если Варлам глава клана, Гулико душа и хозяйка его. Воздействие Варлама на нее огромно, даже взгляд его портрета (как и Нино) способен смутить ее в спальне. Однако, как и в случае с Нино, попытка избавиться от портрета приводит к тому, что Варлам предстает перед ней въеве, на этот раз в виде выхода из могилы. Что бы там ни замышляла Кетеван, Варлам приходит из могилы к ней, к Гулико, она обнаруживает его в саду. Но так и должно быть, они не могут существовать друг без друга, для Гулико Варлам умереть не может, в темных бессознательных глубинах они едины. А потому с очевидной необходимостью Гулико совершает свой колдовской танец у гроба Варлама. Цель танца однозначна — она должна оживить своего демона, и она его оживляет. Улыбка удовлетворения на лице ожившего Варлама понятна — пока темная женская душа совершает свой ритуальный магический танец, он, Варлам, не погибнет. И Варлам спокойно засыпает — когда будет надо, его позовут, и он проснется.

И его зовут. Призывает его в мир Кетеван Баратели. В сцене суда она выходит к нам "вся в белом", как воплощение общественной совести, требуя возмездия злодею и палачу. Но мы-то уже знаем, что живет она на улице все того же Варлама, что храмы создаваемые ею, сладкие и фальшивые, что сама она бесплодна, и что, когда к ней приходит гибнущий юноша, у нее не находится ни слов, ни понимания, чтобы сохранить юную жизнь. Во всей своей белизне она — представительница все того же безнадежно расщепленного мира, только "позитивной" его половины, и потому она тоже не может обходиться без мира Варлама, как без естественного своего дополнения, только и придающего смысл ее белизне и позитивности, и потому она тоже не может отдать Варлама земле и смерти. И на нее, как на ее предшественниц, оказывает свое волнующее воздействие портрет Варлама, но здесь она добывает его во плоти сама. Что бы она ни заявляла о причинах своего поступка, смысл его — в возвращении Варлама в мир, потому что существовать без него она не может (отсюда и навязчивая невротичность ее поведения — "триста раз выкопаю").

Она добывается своего. Сын Варлама Абель своими руками вбрасывает Варлама в мир нашего дня, в мир уже расщепленный на Север и Юг, Запад и Восток, в мир, лежащий в тени расщепленного атома, в ее мир, и в наш, скажем кстати. Теперь Варлам с нами, и заплачено за это тем, что юноша, который воплощает в этом мире единственную надежду на продление жизни, взрывает две последние великие поляризации: мужского-женского и жизни-смерти, и из дедовского ружья стреляет сначала в женщину, а потом в себя. ●

Вениамин Иофе (Ленинград)

Печатается без ведома автора

Антон АНТОНОВ-ОВСЕНКО (Москва)

ЕГО КНИГА

Во втором номере журнала за этот год был помещен очерк "Конец Берии", принадлежащий перу московского историка, сына одного из военных руководителей Октябрьской революции В.А.Антонова-Овсеевко — Антона Владимировича Антонова-Овсеевко. Ниже мы публикуем еще одну его работу о Лаврентии Берии, фигура которого в трудах советских историков остается предметом стыдливого умолчания (будем надеяться, что выход на экраны фильма Т.Абуладзе "Покаяние" приведет к тому, что это молчание будет, наконец, нарушено). Очерк А.Антонова-Овсеевко об истории создания книги Берии "К истории большевистских организаций Закавказья" наглядно иллюстрирует технологию сотворения советской истории, применявшуюся в течение десятилетий. Не следует думать, что все это — давнее прошлое. К того же сорта литературе относятся и "Малая земля", "Целина" и "Возрождение" лауреата Ленинской премии по литературе Л.Брежнева. Разве что без кровавых последствий для истинных создателей этих книг.

В кампании обожествления Сталина заслуги Лаврентия Берии велики. Насколько велики — нам предстоит установить.

Кто первый сказал "а"? Пожалуй, Каганович. Еще в 1929 году этот прирожденный блюдолиз объявил генсека Вождем. С легкой руки Лазаря Москва, Ленинград, Киев, Урал, Сибирь — вся страна втянулась в позорную истерику возвеличения ничтожества. В общем хоре не доставало лишь голоса Закавказья. Заслуженные партийцы с удивлением и опаской взирали на этого выскочку, достойного в самом лучшем случае небольшой должности в аппарате грузинского ЦК. В Закавказье помнили еще мнение старой гвардии социал-демократов: Ной Жордания называл Сталина не иначе как варваром. Признанные большевики Миха Цхакая, Филипп Махарадзе, Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили недоумевали: "Какой же это "вождь"?.."

Узурпатору, засевшему в далеком Кремле, нужно было реабилитировать себя, свое прошлое именно в Закавказье, в родной Грузии — прежде всего. Одним из первых, кому Сталин намекнул о необходимости воссоздать историю революционного движения в Грузии, был Мамия Орахелашвили. Тот понял сразу, куда клонит генсек, и отказался от сомнительной чести стать сочинителем героических приключений грузинского Мюнхгаузена. (Свидетельство Марии Платоновны Орахелашвили. 1933 г.)

Ивана Александровича Джавахишвили как носителя враждебной идеологии, как чуждый элемент и столп грузинского национализма, выгнали из университета, который он создавал в такое трудное время — в 1916–1918 годы. Таким самое место в тюремной камере. И когда летом тридцать четвертого к нему явились трое жизнерадостных чекистов, маститый ученый взял давно заготовленный пакет с вещами и молча направился к выходу.

— Для чего вам это? — осведомился старший.

— Вы же забираете меня в тюрьму...

— Что вы, что вы, нас послал товарищ Берия. Он ждет вас для важного разговора.

Берия встретил его более чем радушно.

— Я случайно узнал, дорогой Иван Александрович, что у вас были неприятности в университете.

— Неприятности? Меня отстранили от всякой научной и педагогической деятельности. Лишили всего...

— Считайте, что это позади. Виновные понесут заслуженное наказание. Не будем вспоминать старое, надо смотреть вперед — так учит нас партия. Ваше имя, ваши труды еще послужат Советской Грузии. Что для вас необходимо сделать в первую очередь? Какие книги ваши издать, чем помочь?

И хозяин кабинета развернул перед опальным профессором радужную программу. Нет, никто не собирался предлагать автору фундаментальных трудов по истории Грузии и грузинского права сугубо партийную тему, но заручиться содействием такого авторитета следовало непременно. (Рассказ И.А.Джавахишвили в передаче А.И.Папавы.)

И сделка состоялась. Через четыре года Джавахишвили удостоит звания академика, к концу жизни (1940 г.) он успеет завершить публикацию своих основных трудов.

Ректором Тбилисского университета в 1934 году был Малакия Торошелидзе, филолог и специалист по диалектическому материализму. За несколько лет до этого он возглавлял Госплан Закавказского крайисполкома, одновременно читал студентам лекции по диамату. ЦК поручил ему руководить изданием трудов Маркса, Энгельса, Ленина на грузинском языке. Осенью 1934 года Лаврентий Берия вызвал к себе Торошелидзе и предложил ему написать книгу о первых большевистских организациях Закавказья, отразив в ней, разумеется, руководящую роль товарища Сталина. Предложение было сделано таким тоном, что оставалось лишь согласиться.

Сталин уже начал терять терпение: сколько же можно тянуть с выполнением партийного задания? Но вот прибыл с докладом в Москву Лаврентий: нашелся автор будущей книги — философ, ректор университета, знаток марксизма-ленинизма, проверенный товарищ.

С Александром Папавой, проректором университета по учебной части, у Торошелидзе сложились особо доверительные отношения. С его отцом они дружили еще в дореволюционную пору, когда жили в Самтредия. В памяти младшего Папавы остался эпизод, связанный с XVII партсъездом. Грузинская делегация прибыла в столицу в конце января 1934 года и заняла номера в гостинице "Новомосковская". Там же, двумя этажами ниже, жил Александр Папав, приехавший в Москву по служебным делам. 10 февраля — заключительное заседание съезда, выборы Центрального Комитета. Вечером Торошелидзе пришел в номер к товарищу мрачный, подавленный. Попросил вина. Выпили. И Торошелидзе поведал все, что удалось узнать о фальсификации выборов. Оказывается, против Сталина голосовало 292 делегата — четверть состава. Против кандидатуры Кирова подано три голоса. Подручные генсека уничтожили 289 бюллетеней, сравняли результаты.

Выслушав эту историю, Папав сказал: "Можете считать, что Киров погиб". Что тут случилось с Торошелидзе! Он весь побагровел, он кричал так, что посуда на столе звенела.

К осени кобрушное предсказание Папавы почти забылось. Однажды — это было в конце октября — к нему зашел сияющий Торошелидзе: — Я только что от Сталина, он принял меня в Гагре, на Холодной речке. Встретил меня как родного, крепко обнял. Когда появился Берия, Сталин попросил: "Слушай, Лаврентий, иди погуляй. Оставь нас, стариков, одних". Мы долго беседовали, потом подали обед. Сталин провел меня в застекленную галерею. Сыграли две партии в нарды и легли отдыхать на кушетках. Я незаметно для себя заснул. Просыпаюсь, хочу закурить, но в галерее тихо. Он спит... Вдруг: "Слушай, Малакия, ты проснулся? Знаешь, лежу, хочу закурить, сколько времени терпел, боялся тебя разбудить..."

Сталин подробно проинструктировал Торошелидзе: о ком писать, как писать, что выделить, что опустить. Работа над книгой уже началась. Главным помощником Торошелидзе стал Эрнест Бедия. Поскольку архивные материалы отличались скудностью — никто в годы подполья не вел протоколов, журналов, картотек — основ-

ным источником для автора послужили воспоминания участников событий. Сбор материалов Берия поручил Эрнесту Бедии, отрядив ему в помощь нескольких расторопных аспирантов, в их числе одну молодую москвичку. Находили покладистых (и нуждающихся) стариков — "свидетелей" и "участников" революционной борьбы. Бедия вручал каждому пакет с деньгами, 200–300 рублей, с лестным присловием: дескать, товарищ Сталин вас помнит, вот просил вам передать из своего гонорара...

Скоро густая патока воспоминаний наполнила все папки на столе Торошелидзе. Сталин уже тогда, в начале века, был Великим Вождем. Остальные ему только мешали, став жертвами меньшевистской идеологии. А товарищ Коба был большевиком от рождения, ленинцем стал задолго до знакомства с трудами Ленина и личной встречи с ним.

Прошло два месяца. Уже произошло убийство Кирова, Вождь по этому случаю величаво скорбел и, скорбя, открыл все шлюзы для повального террора. Но погруженный в эти заботы, не забывал о книге. Берия торопил свою бригаду, и в начале января Торошелидзе повез рукопись в Москву. 250 страниц. Согласно указанию.

Сталин оставил текст у себя. Через несколько дней он вызвал Торошелидзе и вернул рукопись со своими пометками. Автор показывал потом выправленные рукою Вождя страницы. Там, где упоминалось его имя, Сталин проявил заботу об эпитетах: "с блестящей речью", "исключительная принципиальность", "беспощадно боролся" и тому подобное. Много пометок в духе: "по инициативе товарища Сталина", "Товарищ Сталин развертывает борьбу"...

В угоду генсеку автор лягнул Авеля Енукидзе, который якобы искажил исторические факты и преувеличил свою роль в революционном движении. Но Сталину этого казалось мало, и он перед словом "преувеличил" вписал: "чрезмерно"...

Беседуя с Торошелидзе, Сталин по обыкновению играл. На этот раз он надел маску скромного, лишенного всякой амбиции человека, объективного историка. Он просил автора более наглядно выявить руководящее участие в партийном строительстве, в борьбе с самодержавием таких большевиков, как Цулукидзе, Кецохвели, Цхакая, Шаумян. О "месаме-даси", которую автор, по укоренившейся традиции, уподобил банде уголовников, Сталин заметил, что нельзя оплевывать эту первую в Грузии марксистскую социал-демократическую организацию.

Беседа подошла к концу, Хозяин поднялся из-за стола и, будто только что вспомнив, спросил:

— Слушай, а как быть с авторством? Знаешь что, пусть автором будет Лаврентий Берия. Он молодой, растущий... Ты, Малакия, не обидишься?

Вождь отечески потрепал Торошелидзе по плечу. И вопрос был решен.

Два дня, 21–22 июля 1935 года, потрясенные участники собрания партактива Тбилиси и Грузинской республики слушали доклад товарища Берии "К истории большевистских организаций Закавказья". Через месяц текст вышел отдельной книжкой. Она затем переиздавалась ежегодно — культ Сталина нарастал со скоростью и силой урагана. Еще два-три года, и он повергнет к стопам Небожителя весь народ.

В 1936 году авторов-составителей бериевской фальшивки арестовали и, обвинив в террористическом заговоре против Сталина, казнили. Никого не оставил на свободе Берия, даже московскую аспирантку. Она — единственная — выжила. Вернувшись из лагеря в Москву, пришла в ЦК и написала краткую историю знаменитой книги.

Нельзя, однако, полностью исключить участия в ее создании и самого Лаврентия Берии. Он не был дурачком, он точно знал, чего хотел от сочинителей своих речей, докладов, рапортов. Назвавшись автором, он взял на себя всю ответственность за эту книгу. Он и ранее, до выхода ее, пел Вождю акафисты, а тут такой повод...

Величие Сталина ошеломляет читателя. Гениальность его явно неземного происхождения. Переворачиваешь последнюю страницу, сраженный демоническим могуществом Вождя-титана, сбросившего ненавистных врагов в огнедышащую преисподнюю.

Можно было бы причислить книгу Лаврентия Берия к жанру героического эпоса, если бы не разительное сходство многих эпизодов с описанием приключений барона Мюнхгаузена.

Перед нами второе, подарочное (1936 года) издание. Отличная бумага, самый лучший шрифт, десятки фотографий, отменные цветные репродукции новобиблейских картин.

Товарищ Сталин – руководитель рабочего кружка в Тифлисе в 1898 году.

Нелегальное собрание на Ходжеванском кладбище в Тифлисе во главе с товарищем Сталиным.

Товарищ Сталин среди своих соратников.

Демонстрация батумских рабочих под руководством товарища Сталина в 1902 году.

Товарищ Сталин беседует с политзаключенными в Кутаисской тюрьме в 1903 году.

Товарищ Сталин на митинге в Чиатурах, в 1905 году, разоблачает меньшевиков.

И еще, и еще... Чуть ли не все главные события революционного движения Закавказья начала века.

Изумленно, подобострастно, строго соблюдая дистанцию, взирают на юного, но уже такого гениального Вождя маститые революционеры. Расступаются перед ним седобородые старцы в бурках, поспевают за героем кадровые рабочие. Некадровые тоже. Но что это? На картине К.Хуцишвили Сталин изображен в роли организатора забастовки железнодорожных рабочих в 1902 году в Тифлисе. Однако организатором этой забастовки он не мог быть хотя бы потому, что в то время находился в Батуми.

Что спрашивать с Бедии или с Берии, кого винить в тысячеголовом пропагандистском аппарате Грузии с его институтами, кафедрами, музеями, архивами, отделами и секторами ЦК? Своей фальшивкой они подвели даже правительственный орган – "Известия", поместивший фотографию этой маслом написанной легенды ("Известия", 28 апреля 1937 г.).

Того же достоинства все остальные иллюстрации бериевского опуса и приводимые в нем все сведения о подвигах усатого Антея.

Батуми, ноябрь 1901 года. Сталин переезжает сюда из Тифлиса и сразу же, на голом месте, возникают социал-демократические кружки. В новогоднюю ночь они оформляются в партийную организацию, создан "Комитет" во главе с дедом Морозом-Сталиным. Он организует в начале 1902 года несколько победных забастовок рабочих. Потом – демонстрации. 9 марта он вывел на улицы 6000 рабочих. Демонстрацию расстреляли, сотни бунтовщиков забрали в тюрьму. Похороны жертв репрессий превратились в мощную политическую манифестацию. Новые аресты, новые жертвы. Лишь зачинщик и вождь невердим. Нелегальная типография, им якобы основанная, печатает им же составленные прокламации. Еще немного, и Батуми станет центром мирового революционного движения.

К 25-летию Батумской демонстрации Берия устроил в Грузии грандиозное празднество. Музеи, учебные заведения, партийные комитеты, все предприятия и колхозы отметили этот исторический день торжественными собраниями. Газетные полосы, украшенные огромными портретами Вождя, истощно славили его Батумский Подвиг.

А подвига не было. В воспоминаниях участников батумских событий, написанных до эпохи сплошной фальсификации истории, имя Сталина почти не упоминается. Не было такого руководителя.

Книгу Авеля Енукидзе "Подпольные типографии на Кавказе", вышедшую в 1934 году, Берия буквально смешал с грязью. Она, оказывается, составлена "в либерально-меньшевистском духе" и полна "грубейших извращений".

Воспоминания Енукидзе не лишены ошибок, но Берия не хотел ограничиваться критическими замечаниями. Ему нужно было уничтожить Енукидзе — пока только пером — и приписать его заслуги Сталину.

По настоянию Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина АVELЬ Енукидзе выступил публично с признанием своих ошибок ("Правда", 16 января 1935 г.), но стоявшему за кулисами генсеку этого покаяния показалось мало. И вот в книжке Берии что ни глава — то удар по репутации Енукидзе. Он будто бы "выдвигает свою персону на первый план", он "умалняет роль и значение товарища Кеcцховели". Как все это не похоже на скромного, самоотверженного АВЕЛЯ Софроновича. Ну, а в наказание Берия не поместил в своей книжке ни одной фотографии активного подпольщика Енукидзе.

Автор выполнял задание генсека. Берия не пожалел и ЛАДО Кеcцховели, одного из признанных лидеров грузинских социал-демократов, погибшего в тюрьме в 1903 году. Он вдруг оказался помощником Сталина. По его указанию Кеcцховели в январе 1900 года переезжает из Тифлиса в Баку. По его же указанию восстанавливает и укрепляет социал-демократические кружки, основывает нелегальную типографию, издает газету "Брдзола" ("Борьба"), агитирует среди рабочих. И дышит по указанию товарища Сталина.

В действительности активную подпольную работу в Баку Кеcцховели вел вместе с Енукидзе, а Сталин в меру своих способностей мешал им.

В свое время Э.Бедия, составитель этого сборника сказок, вынудил старых рабочих — кого угрозами, кого посулами — дать угодные генсеку "воспоминания". Теперь в книге Берии, в первой же главе, они противопоставляются мемуарам Енукидзе и других честных революционеров. Так, Берия приводит воспоминания рабочего Вано Балквадзе, который рисует Сталина "самым выдающимся" и боевым вождем.

Не Бедия с Берией изобрели этот простейший метод фальсификации истории. Но они подали заразительный пример, которому тотчас последовали мощные институты и академии. Целая армия лжеисториков (кормушка-то какая!) принялась перелицовывать прошлое.

Первое десятилетие XX века в Закавказье отмечено бурным развитием социал-демократического движения. В рядах марксистов разброд, отступничество одних, максимализм других, горячие споры, поиски истины, ошибки, колебания... Но появляется товарищ Коба, и все становится на свои места: заседают комитеты, издается нелегальная газета, власти трепещут, а революционеры, все как один, переходят на большевистскую платформу. Коба разоблачает уклонистов, спланирует единоверцев и побеждает, побеждает.

Где-то уже встречалось подобное. Ну да, в "Записках" Цезаря. Он беспристрастно, деловито даже, описывает стремительный ход событий, назревание катастрофы, близкую гибель, и тут появляется Он, Юлий Цезарь. Он находит спасительный выход — никем не предвиденный, единственный, победный.

В таком духе было сочинено (кем написано?) сказание о генсеке всепокорнейшего КЛИМА Ворошилова "Сталин и Красная армия". Теперь вот — книжонка Берии...

Только ведь Юлий Цезарь писал свои записки с а м.

Последняя глава бериевской книжки посвящена борьбе с национал-уклонизмом. Если принимать указания Ленина в области национальной политики за истину в последней инстанции, то главным уклонистом являлся никто иной как Сталин, с его проектом автономизации, с его практикой геноцида и порабощения приграничных народов. Но именно его Берия живописует таким стерильным ортодоксом-ленинцем, победоносно разящим внутренних врагов. Национальную политику государства он именует не иначе как ленинско-сталинской.

Так называемые грузинские национал-уклонисты в 1922 году протестовали против вредоносного проекта образования Закавказской федерации и ходатайствовали о непосредственном вхождении Грузии в состав СССР. В книжке Берии упоминаются

имена Б.Мдивани, К.Цинцадзе, Ф.Махарадзе, С.Кавтарадзе, М.Окуджавы, М.Торошелидзе, В.Думбадзе. Через год-два их уничтожат, лишь двоим будет высочайше даровано жить. А пока их разоблачают, громят, стирают в порошок — словесно.

Каких только ярлыков не навесили на противников сталинского диктата: шовинисты и меньшевистствующие оппортунисты; покровители князей, помещиков и кулаков; правые уклонисты и левые загибщики... Пока речь идет только о "грехопадении" уклонистов. Шпионами, диверсантами, врагами народа их назовут потом, перед арестом и казнью. Вместе с ними погибнет Григорий Орджоникидзе, товарищ Серго, самый рьяный помощник генсека в искоренении грузинской крамолы.

Шестнадцать лет прошло со времени советизации Грузии. Сколько крови меньшевиков пролито с тех пор! Но Сталину все мало. И Берии мало. Книжка его дышит неутоленной ненавистью к землякам, посмевающим отказаться от угощенной им райской жизни.

Кто же они, грузинские меньшевики, в бериевской интерпретации?

- изверги, самые подлые изменники и предатели
- самые гнусные отравители сознания
- организаторы звериного национал-шовинизма
- прямые агенты международного империализма
- подонки фашистско-контрреволюционной меньшевистской партии...

При желании можно было бы составить целый словарь отборной партийной брани для служебного пользования.

Таков стиль бериевского опуса. Кстати, о стиле. "Имея такое положение в Батуме, товарищ Сталин... в конце ноября 1901 года переезжает в Батум" (стр. 24). "В годы реакции большевики Закавказья, под руководством товарища Сталина отступали в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом..." (стр. 124).

Пожалуй, хватит примеров. Эта ущербная книга напоминает житие святого. Такими аляповато раскрашенными брошюрками с полуграмотным текстом торговали когда-то на ярмарках.

Книга Берии, так же как и опус Ворошилова, стала обязательным пособием для всех, изучающих историю партии. Почти в каждом номере "Зари Востока", да и в других газетах и журналах, бериевское сочинение ставилось в пример всем ученым — историкам. На X съезде компартии Грузии начальник погранвойск Филимонов заявил: "Этот замечательный труд товарища Берии вызвал новый подъем интереса широких масс к изучению истории нашей партии".

А Эрнест Бедия, этот присяжной фальсификатор? Почти в каждой статье поносил он то Авеля Енукидзе, то Михаила Кахиани и Мамия Орахелашвили, которые, видите ли, до сих пор не исправили своих ошибок в исторических трудах.

На улице Махарадзе сохранился дом, в котором Бедия жил до дня заслуженного ареста. На фасаде мемориальная доска: *ЭРНЕСТ БЕДИЯ, 1890–1938*.

Зачем же так скромно? Ему бы памятник мраморный поставить. Ведь его способ сочинения воспоминаний революционных рабочих, примененный в начале тридцатых годов, вошел в практику многих научных учреждений, издательств, редакций. И возникла многомиллионнотиражная псевдолитература, наглухо перекрывшая доступ к подлинной истории. Появились — в широком ассортименте — сказочные биографии, легендарные описания революции и гражданской войны. И кинофильмы, пьесы, хоралы...

Мы забыли упомянуть еще об одной мемориальной доске. Она прикреплена к стене того же дома на улице Махарадзе, чуть выше первой: *Здесь жил МАМИЯ ОРАХЕЛАШВИЛИ, 1881–1937*.

Все, что было в его силах, сделал Берия для уничтожения Орахелашвили. Потом занял его дом. И вот они рядом, палач и жертва...

Гибель Малакии Торошелидзе и его бригады сочинителей повлекла за собой другие репрессии. Одним из информированных, слишком информированных товарищей То-

рошелидзе был Александр Папава. В 1936 году он уже возглавлял Кутаисский педагогический институт. 10 октября его вызвали телеграммой в Тбилиси, в ЦК. Новый заведующий отделом культуры и пропаганды посмотрел на прибывшего ректора: "Ты нужен не мне... Тебя вызвали вон туда, в НКВД".

Начальник секретно-политического отдела (СПО) Сулханишвили, ровесник и друг Папавы, был, как всегда, приветлив. "Ну, Саша, заходи. Садись. Нам нужна твоя помощь. Я говорю от имени Лаврентия Павловича. Тебе известно о том, что троцкисты натворили. Помоги партии разоблачить эту банду террористов и убийц. Ты всех старых оппозиционеров знал..."

И Сулханишвили перечислил десять-пятнадцать имен известных партийцев, которые с самого начала не признали в Сталине "вождя" и уж никак не хотели примириться с бериевским диктатом в Грузии. Но Папава не готовил себя на роль провокатора. Он не мог, не хотел содействовать гибели товарищей... Но его приятель не унимался: "Все они скоро будут арестованы, мы располагаем неопровержимыми фактами. Ты ведь и Торошелидзе хорошо знал, и Мдивани... Саша, ты всегда вел генеральную линию партии, а они были против. Они могли проговориться... Вспомни что-нибудь..."

Папава молчал. Он молчал и прикидывал — сколько ему дадут: 10 лет, 8 или 5? Нет, убийства Лаврентий Павлович не допустит. За что его казнить?

— А заодно, — в голосе начальника СПО звучали уже карательные нотки, — вспомни о том, как ты боролся против товарища Берии. Вы хотели его просто сместить или готовы были пойти дальше?..

— Ничего не знаю. А за отказ работать под началом Берии я уже получил партвзыскание. Сам Лаврентий Павлович мне простил старое.

— Ладно, не будем пока расписываться. Ты попробуй вспомнить все что нужно. И напиши. Подумай хорошенько и напиши, и приходи завтра.

На другой день Папава принес письменные показания. Он признался в том, что действительно хотел смещения Берии.

Сулханишвили взъерился: "Ты напиши о своей вражеской подрывной деятельности!" Он достал из ящика стола папку. "Вот оно, твое дело, ты, оказывается, был скрытым троцкистом. У меня имеются все необходимые доказательства".

Начальник СПО вышел из кабинета и через несколько минут вернулся с ордером на арест. Это произошло 10 октября 1936 года.

С Александром Папавой Берия поступил на удивление милостиво. Да что там, с ним он обошелся просто бережно. Его совсем мало допрашивали, не пытали, постановление ОСО он получил в кратчайший срок — через 40 дней (23 декабря 1936 года), срок минимальный — 5 лет. В своем милосердии Лаврентий Павлович дошел до того, что позволил Папаве дожить до конца срока. И — до конца второго лагерного срока. Пусть после этого толкуют о кровожадности Лаврентия Берии. ●

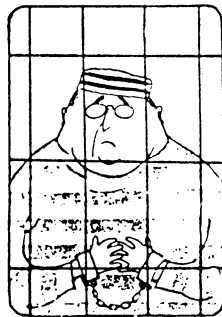
Герой революции
и гражданской войны

Народный
комиссар

Славный боевой
соратник и борец за мир

Кровавый наймит
империализма

ПУТЬ К СВОБОДЕ

Могут ли коммунистические общества
эволюционировать в сторону демократии?

Начиная с XVII столетия идеи демократии и свободы неудержимо распространяются по нашей планете. Сегодня эти идеи настолько популярны, что даже в самых тоталитарных государствах они больше не редкость.

В 1986–87 гг. в Китайской Народной Республике студенты вышли на улицы, требуя демократии, свободы и соблюдения прав человека. Дело кончилось тем, что Ху Яобан подал в отставку, а Фан Лижи, Лю Пэнъян и Ван Жуован были исключены из партии. В то же самое время в Советском Союзе М.Горбачев положил начало программе смелых реформ, обещающих дать советскому народу демократию.

Большинство обозревателей настроены, однако, отнюдь не оптимистично, ибо история не раз показывала, что демократизация коммунистических стран — совсем не легкая, если вообще выполнимая задача.

Многие идеалисты — борцы за демократию в Советском Союзе, Китае и других коммунистических странах посвятили жизни борьбе за осуществление своей мечты. Политологи другого — западного — мира тоже ищут пути, которые могли бы привести коммунистические страны к демократии. В своих работах они исходят из основной предпосылки о том, что демократия в условиях коммунистической системы возможна. Единственная проблема — как заставить ее "работать". Размышляя над этой проблемой, они упускают из виду более существенный вопрос: совместим ли вообще коммунизм с демократией и свободой личности? Прошло уже 70 лет с момента образования первого коммунистического государства. Сегодня в мире существуют более десятка коммунистических стран, но ни одна из них так и не стала демократической.

Если сгруппировать все существующие в мире социальные системы по их политическим и экономическим признакам, то по первому признаку упрощенно их можно разделить на две категории — демократические и недемократические. Точно так же можно разделить все экономические системы на те, которые ориентируются на свободный рынок и основаны на праве частной собственности, и на системы с плановой экономикой, основанные на общественной (государственной, коллективной) собственности.

	Демократические	Недемократические
Рыночная экономика, основанная на частной собственности	Все демократические системы — североамериканские, западноевропейские и др.	Большинство существующих в мире систем, включая Корею, Тайвань, Чили, большинство африканских стран
Плановая экономика, основанная на общественной собственности на средства производства		Коммунистические страны

Одна клетка в этой таблице пустует — нет в мире такой страны, которая сочетала бы общественную собственность на средства производства и плановую экономику с демократической политической системой. И это не случайность. Может быть, стоит пересмотреть исходную установку и задаться вопросом — а могут ли вообще коммунистические страны установить демократию в рамках системы плановой экономики?

К сожалению, ответ должен быть отрицательным.

В работах некоторых западных политологов (Ф.Хайек, 1939, 1944; Ч.Линдблом, 1977; М.Фридман, 1979) подробно обсуждался вопрос о том, что могло бы привести западный мир к социализму, причем внимание исследователей было сосредоточено на опасности расширения правительственного вмешательства в жизнь общества. Лишь немногие затрагивали противоположный вопрос: могут ли коммунистические страны в принципе эволюционировать в сторону демократии.

Поскольку я жил в Китайской Народной Республике и сам был свидетелем смены политических направлений в этой стране, я попытаюсь в настоящей статье доказать (не ограничиваясь моралью или эмоциями), что пока в коммунистических странах сохраняется государственная собственность на средства производства и плановая экономика, ни истинная демократия, ни индивидуальная свобода там невозможны.

Демократия, свобода и рынки

История демократии в значительной степени является историей поисков свободы. Изучая историю великих демократических революций в западном мире, в частности "Славную" Революцию 1688 г. в Англии, можно отметить, что демократия была для них средством, а свобода — конечной целью. Демократия — это "обет свободе".

На ранних стадиях развития конституционного либерализма, от Великой Хартии Вольностей до Пуританской и "Славной" революций XVII века, либеральное конституционное движение набирало силу и защищало свободы: сначала свободу аристократии, а потом и среднего класса — торговцев, вводя для этого конституционные ограничения прерогатив правительства. Сегодня "либерализм" предполагает наличие "сильного правительства", "правительственное вмешательство", в то время как изначально он предполагал нечто прямо противоположное. Великие демократические революции — Французская и Американская — ставили своей целью расширение "прав личности". Французы выразили это в лозунге "Свобода, Равенство и Братство", американцы — в словах: "...определенные неотъемлемые права и среди них право на жизнь, свободу и стремление к счастью".

В широком смысле свобода означает право личности на свободное предпринимательство, на создание предприятий для извлечения прибыли и свободу хранения и перемещения капитала, а также гарантию против произвольной конфискации имущества. По словам известного политолога Ч.Линдблома, "торговля — детище свободы". Внимательное изучение вопроса приводит нас к неизбежному выводу, что для реализации индивидуальной свободы общество нуждается в свободном экономическом рынке. Если мы, рядовые граждане, хотим сами выбирать себе занятие, нам нужен рынок труда, а не тоталитарная система, диктующая нам, чем мы должны заниматься. Если мы хотим иметь свободу передвижения, нужно, чтобы мы могли покупать билеты, машины и горючее на свободном рынке, не испрашивая на то разрешения правительства. Если мы хотим иметь право читать, нужно, чтобы мы могли покупать книги, и не должно быть цензуры, решающей, что именно печатать.

Свободой в либеральном представлении была свобода от вмешательства правительства, и для такой свободы рынки действительно абсолютно необходимы. Право на частную собственность — первое необходимое условие свободного рынка. Целью рыночного обмена является извлечение максимальной прибыли или дохода. Если в рыночном обме-

не будут заняты лица, не имеющие личной собственности, этого обмена просто не будет — люди не могут обменивать то, что им не принадлежит. Или, если они совершают обмен собственностью, принадлежащей кому-то другому, исчезает сама цель обмена — извлечение максимального дохода; рынок, таким образом, теряет смысл. Понятно поэтому, что личные свободы возможны лишь при экономике свободного рынка, а без права на частную собственность этот рынок существовать не может. Это разъяснили еще великие предвестники либерализма, в частности Джон Локк, триста лет тому назад. Для Локка в основе либерального конституционного государства лежала частная собственность. Функцией государства была защита собственности, включая право собственности человека на самого себя. С этой точки зрения и сама свобода относится к категории собственности. Даже Маркс отмечал, что без минимальной свободы рабочие не могут быть рабочими, ибо у них не будет права продавать свою рабочую силу.

Здесь следует разъяснить кое-какие недоразумения по поводу "западной свободы". "Западная свобода — фальшивка, не все могут стать президентами Соединенных Штатов" ("Жэньминьжибао"). Верно — не все одновременно, так как президент бывает только один. Но в Соединенных Штатах человек может заявить о желании выставить свою кандидатуру на пост президента при условии, что он соответствует определенным критериям (уроженец США, гражданин этой страны и т.д.). Далее, он может стать серьезным кандидатом на этот пост, если изыщет достаточные денежные средства, и даже может быть избран президентом. Исход кампании за выдвижение кандидатов и результаты голосования определяются индивидуальным выбором граждан, не принуждаемых к этому диктатором, который заранее все за них решил. В тоталитарном же обществе не может быть и речи о праве свободно голосовать и быть избранным в правительство, даже если у кого-то и хватило бы денег на предвыборную кампанию.

"Для бедняка западная свобода означает свободу голодать, свободу быть безработным". До некоторой степени это верно, но свобода — не причина голода и безработицы. Свобода — это право, равно данное всем. Но для того, чтобы воспользоваться этой свободой, человек должен обладать определенными качествами — к примеру, природными способностями, образованием или деньгами. Поскольку возможности у людей разные, неудивительно, что в конце концов они по-разному используют эту свободу. В условиях свободной конкуренции резонно ожидать различных результатов.

С другой стороны, если рабочему, делающему, скажем, десять столов в день, платят столько же, сколько рабочему, делающему только один, можно ли назвать это "равенством"? Разумеется, нет.

Равенство означает "равенство возможностей" в том смысле, что "каждый может беспрепятственно использовать свои индивидуальные способности для достижения собственных целей", и поэтому равенство не является "равенством результата". (М.Фридман). В свободном обществе человек может выбирать место, где ему хотелось бы жить, будь то сельская местность или город. Если у него нет возможности переехать (скажем, нет денег на переезд), это еще не означает, что у него нет на это права. Как только возможность представится, он сможет воспользоваться данной ему свободой и переехать куда угодно, не ожидая специального разрешения властей. Разумеется, если сравнивать такую свободу с ее утопическим идеалом — абсолютной свободой, то она окажется далекой от совершенства. Но в пределах существующих систем западный вариант свободы гораздо более гуманен и разумен, нежели тоталитарные системы, где о свободе и говорить-то не приходится.

"Западная свобода несправедлива — буржуазии предоставлено больше свобод, чем пролетариату". Это неправда, даже если допустить, что "буржуазное правительство" склонно ограничить свободу "пролетариата". Это просто невозможно, потому что все юридические лица, включая правительство, равны в глазах закона. Тем, кто с марксист-

ских позиций нападает на западную свободу, следовало бы помнить, что антикапиталистические работы Маркса могли быть напечатаны только в западных странах, где гарантирована свобода слова.

Демократия, свобода и коммунистическая экономика

Обратимся теперь к коммунистическим обществам. Могут ли там быть реализованы демократия и свобода?

В коммунистических обществах нет частной собственности на средства производства, а право на личное имущество крайне ограничено. Кто же владеет средствами производства? — Весь народ. Если бы слова "принадлежит всему народу" (Конституция КНР, 1983 г.) означали, что каждый гражданин владеет равной долей средств производства, то это было бы всего лишь другой формой частной собственности, с одинаковыми для всех начальными возможностями. На практике же идея "общенародной собственности" реализуется в форме государственной собственности на средства производства: правительство, которым руководит коммунистическая партия, владеет промышленностью, сельским хозяйством, транспортом — практически всей экономикой. С упразднением частной собственности система свободного рынка становится бесполезной: экономика больше не нуждается в рыночной системе для регуляции своей деятельности при помощи системы цен, спроса и предложения, конкуренции. Государство самоорганизовывает всю экономическую деятельность в национальных масштабах.

Необходимость государственного планирования обычно объясняют тем, что только коммунистическое общество может исцелить "слепоту" рыночной конкуренции, и что только государство знает, в чем и насколько нуждается общество, и поэтому может правильно решить, что и в каких количествах производить. Другими словами, планирующие органы коммунистического государства намного превосходят рынок и индивидуальных поставщиков в способности предсказать все, что угодно — от вкусов сотен тысяч потребителей до международного экономического положения. Вывод — государство должно само регулировать экономику путем планирования, ибо только коммунистическое правительство владеет надежным планом управления экономикой.

Есть, однако, и другая настоятельная причина, почему государство в коммунистическом обществе должно регулировать, планировать и проверять все секторы экономики, вплоть до самой последней лавчонки. Когда экономика принадлежит государству, предприятие не принадлежит ни рабочим, ни администрации. Фактически оно принадлежит некоему абстрактному понятию "весь народ", не являющемуся юридическим лицом. Получается, что никто, начиная с рабочих и кончая администрацией, не заинтересован в эффективном руководстве делами предприятия, никому нет дела до того, приносит оно доход или нет. Поэтому если бы правительство не планировало, не регулировало и не вникало до мельчайших деталей в работу каждого предприятия, эти предприятия моментально превратились бы в мусорную свалку. Даже официальная пресса коммунистических стран время от времени признается, что воровство и взяточничество стали повседневным явлением на предприятиях. Эти два фактора — всеобъемлющий контроль партии и безразличие рабочих и администрации — и делают государственное планирование неизбежным.

Однако для того, чтобы план был выполнен, государству нужно убедить людей, что план этот — самый лучший и самый надежный, и что конечная истина — в руках партии. Для этого у каждого коммунистического государства есть огромная, мощная пропагандистская машина. Эта машина не только способствует выполнению планов партии, но и старается не допустить пагубного влияния "опасной" культуры и информации на народные умы. Поступая так, партия лишает граждан свободы выражения мысли. К тому же, для того, чтобы план выполнялся эффективно, недостаточно лишь убеждать людей с

помощью пропаганды. Нужна абсолютная власть, "диктатура пролетариата", которая на практике осуществляется Центральным Комитетом Партии. Эта диктатура находится в прямом противоречии с демократией, ибо демократия означает "правление большинства" или "управление путем поиска взаимоприемлемых решений". Простые люди в коммунистическом обществе, включая и рядовых членов партии, не могут принимать участия в политике путем, например, голосования, конкурентной борьбы за государственный пост или путем создания новых партий. В результате, партия, осуществляющая диктатуру, окончательно лишает людей политической свободы.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что демократическая система несовместима с плановой экономикой, принадлежащей государству. Все существующие на земле общества показали невозможность такой комбинации. Я не хочу охлаждать пыл людей, живущих в коммунистических государствах, отговаривая их от борьбы за демократию и свободу в своих странах. Я подчеркиваю этот вывод только для того, чтобы напомнить, что полная реализация демократии и свободы может быть достигнута лишь при частной собственности и рыночной экономике. Многие западные теоретики-радикалы восхищаются равенством в странах с плановой экономикой, принадлежащей государству, и видят в этом "равноправном, бесклассовом" обществе идеал человечества. Для них частная собственность — источник неравенства, нищеты и эксплуатации. Они тоже выступают за демократию и свободу, однако пытаются доказать, что демократии и свободы можно добиться только в условиях общественной собственности на средства производства. Сами они либералы, но не понимают, что если общество будет развиваться в этом направлении, оно далеко отойдет и от либерализма, и от свободы. Лауреат Нобелевской премии по экономике Фридрих Хайек писал в 1939 г.: "Словами "свобода и либерализм" теперь пользуются для описания вещей, прямо противоположных их первоначальному смыслу". Когда либералы нападают на капитализм, они фактически подрывают самые основы демократии. "Если "капитализм" означает общество конкуренции, основанное на праве людей владеть и свободно распоряжаться частной собственностью, важнее всего позаботиться о том, чтобы именно капиталистическое общество способствовало процветанию демократии, ибо если демократические народы поддадут под влияние антикапиталистического вероучения, это приведет к тому, что демократия неизбежно погубит самое себя". (Ф.Хайек, 1939 г.)

Именно это и произошло в коммунистических странах. Многие нынешние либералы, вероятно, этому не верят. "Мы принимаем, как должное, наследие либерального века и привыкли настолько самоуверенно относиться к нему, как к неотъемлемой принадлежности нашей цивилизации, что не можем полностью постичь, что означала бы для нас его потеря. Однако свобода и демократия — не бесплатные подарки, которые останутся у нас так долго, как нам хочется". (Ф.Хайек, 1939 г.)

Такая же "либеральная" логика в ходу у большинства теоретиков в коммунистических странах. Им хочется думать, что основанные на общественной собственности, оснащенные высокой технологией (импортированной из развитых стран) коммунистические общества установят настоящую демократию и свободу.

Что ж, отложим пока в сторону абстрактные доказательства и попробуем рассмотреть некоторые конкретные примеры того, насколько жизненно необходима частная собственность для индивидуальной свободы.

В 1987 г. китайский астрофизик Фан Лижин, проректор Научно-технического университета (см. "Страна и мир", № 4, 1987 г.) был уволен со своего поста и переведен на другую работу за пропаганду идей "западной демократии". Если бы существовали частные университеты или научно-исследовательские институты, Фан мог бы работать в одном из них, и партии не так-то легко было бы его уволить. В СССР у А.Сахарова в его горьковской квартире не было телефона, и только когда в декабре 1986 г. Горбачев пожелал позвонить ему, местные власти поспешили установить там аппарат. Если бы существовала частная телефонная компания, Сахаров мог бы поставить у себя телефон сам. Во время китайской "культурной революции" многих людей выселяли из квартир и до-

мов только потому, что они считались "попутчиками капитализма". Квартиры и дома являются собственностью государства, так что государство — то бишь, партия — может отобрать их, когда вздумается. В условиях государственной собственности на средства производства глава государства — партии — настолько всемогущ, что может лишить человека права на жизнь, не затрачивая на это ни малейших усилий. Человек без средств к существованию до такой степени уязвим, что не может выжить, если партия не предоставит ему жилье, продуктовую карточку и разрешение на жительство и работу.

В обществах с плановой экономикой государство — партийное руководство — играет роль ментора. Это исключает возможность установления правового государства. Считается, что партия способна безошибочно выбрать наилучший путь развития общества. А так как партия абсолютно права во всем, нет нужды вводить конституцию — систему законов, которая стояла бы над партией. Партия сама продиктует проект конституции и законов и присвоит себе право интерпретировать эти законы и проводить их в жизнь.

В условиях частной собственности и рыночной экономики никто не компетентен предписывать, что "правильно" и что — нет. Единственным критерием поведения является свободный выбор граждан. Всей экономической деятельностью предпринимателей на свободном рынке руководит "невидимая рука". основополагающая логика демократической системы заключается в том, что экономическая деятельность в современном мире настолько сложна, что никто не может сформулировать законы, которым она подчиняется. Поэтому "ключевой характеристикой демократии является наличие постоянной ответной реакции правительства на волеизъявление граждан". (Р.Даль, 1971).

Для того, чтобы поддержать справедливую конкуренцию, порядок на рынке и право частной собственности, демократическое общество нуждается во власти закона. Все без исключения юридические лица, в том числе и правительство, равны перед законом. Это как в спортивном соревновании — раз установлены правила игры, все игроки должны им следовать, и судья не зависит от игроков. Представьте, во что превратилась бы игра, если бы кого-то из ее участников сделали судьей, да еще и дали бы право менять по ходу дела правила игры! В коммунистических обществах партия — тот самый игрок, который судит игру и диктует ее правила. Результат таких "игр" вовсе не радостен.

Однажды я прочел в местной принстонской газете такое сообщение. Полицейский остановил машину, нарушившую правила движения. Шофер показался ему подозрительным, и, прежде чем выписать штраф за нарушение, полицейский заглянул в багажник машины и обнаружил там пару автоматов. Водитель оказался убийцей, которого разыскивало ФБР. Полицейский арестовал его и... нарушил закон, который запрещает полиции производить обыск без ордера. Позднее шофера пришлось отпустить без предъявления ему обвинения. Это — великолепный пример власти закона. Как только закон входит в силу, ему должны повиноваться все, даже полиция — официальное учреждение, следящее за соблюдением закона. Разумеется, освобождение убийцы представляет опасность для общества. И тем не менее, по сравнению с той опасностью, которую представляла бы ситуация, когда полиция или правительство стояли бы над законом и могли бы им злоупотреблять, эта опасность гораздо меньше. Это — цена, которую свободное общество должно платить за то, чтобы иметь возможность защищать свободу и законность.

В Китае же несколько лет назад я прочел другое сообщение. Партийный секретарь, заполняя официальный документ с приговором преступнику, сделал ошибку — вместо "одного года заключения" написал "десять лет". Когда некий чиновник попросил его исправить ошибку, секретарь партии сказал: "Исправить — значит нанести ущерб престижу партии. Раз написано десять лет, пусть так и будет".

В экономической системе, принадлежащей государству, искажены отношения между народом и правительством. Люди не платят прямых налогов, — эти деньги изымаются еще до того, как они получают зарплату. Зависимость правительства от налогоплатель-

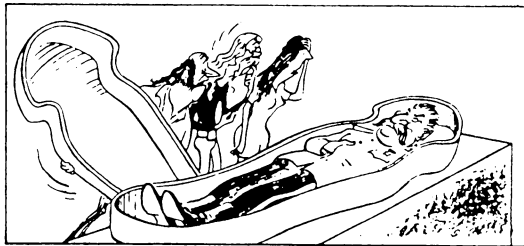
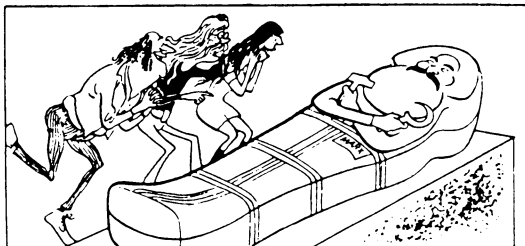
щиков полностью искажается этими скрытыми налогами. Знаменитый политэконом Р.Масгрейв назвал это "иллюзией налогов". "Налогоплательщики не осознают всей тяжести налогов, ибо эти налоги закамуфлированы в высоких ценах и низких доходах... Я понимаю порочность такого порядка и всегда был неизменным сторонником "зримых" налогов, как предпосылки эффективности принимаемых решений... "Зримость" налогов — одно из преимуществ прямых налогов перед косвенными".

При системе скрытого налогообложения создается впечатление, что государство постоянно жалуется своих граждан деньгами, строит им дома и предоставляет им образование. А посему они должны быть вечно благодарны партии и правительству. Скрытые налоги мешают ясно осознать тот факт, что именно народ содержит правительство, а не наоборот. Люди лишены права знать, на что расходуются налоги, которые они платят, критиковать действия правительства и, конечно, избирать должностных лиц.

При рыночной экономике, наоборот, правительство не имеет права взимать налоги прежде, чем рабочие получают заработанные ими деньги, или прежде, чем фирма получит доход. Оно облагает людей прямыми налогами лишь после того, как они получают зарплату. Люди ясно видят, что часть их доходов забирается правительством, и прекрасно понимают, что это они его содержат. Следовательно, люди могут с полным правом критиковать правительство, интересоваться его деятельностью, влиять на его политику и избирать должностных лиц.

* * *

Сравнив и обсудив две разные системы, мы можем сделать очевидный вывод. Восстановление свободного рынка и права на владение частной собственностью является необходимой предпосылкой демократии и свободы в коммунистических странах. Следует, конечно, иметь в виду, что экономика свободного рынка не обязательно приведет страну к демократии и свободе. Однако, без такой экономики политическая демократия и свобода невозможны. Многим борцам за свободу и демократию в коммунистических странах, верящим в необходимость государственной собственности и реальную "коммунистическую демократию", будет болезненно тяжело согласиться с этим выводом. Цель настоящей статьи — убедить людей и, особенно, современных либералов и реформаторов в коммунистических странах в том, что частная собственность — не порок, не бедствие, а важнейшая предпосылка экономической деятельности. Реформы, проводимые в последние годы в Китае, доказали, что частное предпринимательство гораздо более продуктивно и эффективно. Я убежден, что именно в нем — надежда китайской экономики и ключ к успеху экономических реформ в Китае. Но до тех пор, пока право на частную собственность не находится под официальной охраной закона, частные предприниматели беззащитны и не могут выдержать натиска ортодоксальных марксистов. Несмотря на все трудности внедрения системы свободного рынка и частного предпринимательства в коммунистических обществах, эта система — единственный путь к свободе. ●

РЕЦЕПТ ДЕМИНГА И ЯПОНСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

Беседа с профессором М.Трайбусом

Майрон Трайбус – видный американский инженер и ученый, автор капитальных трудов по термодинамике, переведенных на многие языки, в том числе и на русский. Начав в годы Второй мировой войны с конструирования военной техники, он работал затем над совершенствованием двигателей самолетов и много занимался общими вопросами организации труда и производства. М.Трайбус занимал ответственный пост в министерстве торговли США, был вице-президентом компании “Ксерокс”. Последние двенадцать лет он возглавлял Центр передовых инженерных исследований Массачусетского технологического института.

С профессором Трайбусом беседовал наш специальный корреспондент Марк Поповский.

Вы знаете о перестройке, которую проводит нынешнее советское руководство. В интервью западно-германскому журналу “Шпигель”, которое дал в июле один из советников Горбачева, директор Института экономики АН СССР Л.Абалкин, он сказал, что из экономических структур капиталистического мира ему больше всего импонирует система, действующая в Японии. Поскольку такое предпочтение может как-то повлиять на выбор направления перестройки в СССР, было бы интересно услышать ваше мнение о специфике “японского пути”.

Вопрос имеет свою историю, и история эта связана с именем нашего замечательного соотечественника Эдуарда Деминга. Известно, что в последние годы Соединенные Штаты переживают серьезные трудности в развитии промышленности. По некоторым экономическим показателям всегда передовая Америка начинает уступать другим индустриальным странам, прежде всего Японии. Сегодня даже американский потребитель часто охотнее покупает японскую электронику, японские автомашины, фотоаппараты и инструменты. В результате наш торговый баланс в отношениях с Японией стал резко отрицательным. Дошло до того, что президент Рейган вынужден был принять меры, чтобы как-то сдержать поток японских товаров, затопивший американский рынок. Конечно, это обусловлено многими причинами. Думаю, однако, что не последнюю роль тут сыграло отношение к идеям Э.Деминга у нас и в Японии. Америке давно следовало бы взглянуть правде в глаза: организация производства, принятая в США и в странах Европы, уже не ведет к существенному росту производительности труда и качества продукции. Именно поэтому я создал общество имени Деминга и вижу свою главную задачу в пропаганде его идей.

Конечно, это обусловлено многими причинами. Думаю, однако, что не последнюю роль тут сыграло отношение к идеям Э.Деминга у нас и в Японии. Америке давно следовало бы взглянуть правде в глаза: организация производства, принятая в США и в странах Европы, уже не ведет к существенному росту производительности труда и качества продукции. Именно поэтому я создал общество имени Деминга и вижу свою главную задачу в пропаганде его идей.

Но ведь именно в Америке возник тейлоризм, положивший начало научной организации труда и производства. Правда, Ленин весьма сердито отзывался о тейлоризме, именуя его “научной системой выжимания пота”. Однако даже он призывал использовать разработки Тейлора, конечно, “на иной основе”. Не смогли ли бы вы, прежде чем говорить об идеях Деминга, коснуться судьбы тейлоризма?

Коснуться – да, ибо подробный анализ идей Тейлора занял бы слишком много места. Дело в том, что работы Тейлора охватывают очень широкий круг вопросов: организация и нормирование труда, управление производством, детальное исследование процессов металлообработки и многое другое.

Вспомним условия того времени. Инженер Фредерик Тейлор (1856–1915) начал свою деятельность на рубеже XIX и XX веков, когда современная промышленная революция

делала свои первые шаги. Конвейер, в том смысле, как мы его сейчас понимаем, был еще неизвестен. Рабочие процессы на промышленных предприятиях практически не планировались. Тейлор исходил из того, что производительность труда определяет благосостояние страны в целом. Производительность можно повысить, если люди станут работать разумнее, рациональнее. Тейлор не имел в виду утяжелить их работу. Наоборот, в экспериментах, проведенных на заводах Бетлхам Стил, он показал, что можно удвоить производство стали, используя для этого специальный технический прием и давая рабочим чаще отдыхать. Работая по его методу, рабочие действительно утомлялись значительно меньше.

Далее, Тейлор обосновал необходимость создания на производстве новой должности: инженера-технолога. Именно технолог должен решать, какие материалы следует использовать для изготовления той или иной детали, определять оптимальную скорость резания, режим работы станков и т.п. Взяв на себя функции такого технолога, Тейлор резко повысил эффективность работы токарных станков. Его идеи получили признание современников и именовались не без основания научной системой управления. Тейлоризм, добиваясь изменения условий на производстве, отнюдь не стремился к усилению эксплуатации рабочих. На предприятиях, где была введена научная система управления, рабочие зарабатывали больше, а работать стало легче. Интерпретация этой системы Лениным никакого отношения к идеям самого Тейлора не имеет. Тейлоризм принес немалые успехи западному обществу в 20-е годы, он поднял уровень жизни в индустриальных странах. Интерес к тейлоризму в Соединенных Штатах увял в 30-е годы, это было связано с наступлением Великой депрессии.

Теперь, оглядываясь назад, мы видим, что идеи Тейлора, при всех их достоинствах, были ограничены. Беда состояла в том, что он, как и вообще инженеры и руководители производства начала века, был убежден, что задача рабочего — выполнять распоряжения. Тейлор и его современники не ожидали от рабочих инициативы. По их разумению, новые принципы и конкретные указания должны были внедряться в нижние этажи производства только сверху. Подобный подход сохранился в американской промышленности и после того, как тейлоризм сошел со сцены. И у нас, и в Европе он, можно сказать, действует доныне. Против него в первую очередь и возражает Эдуард Деминг.

Не можете ли вы подробнее рассказать о Деминге? Как сложилась его творческая судьба? Признаны ли его идеи?

Доктор Деминг живет в Чикаго. Ему сейчас 87 лет. В этом почтенном возрасте он полностью сохранил четкость суждений и ясность мыслей. Особенно в той сфере, которая относится к его научным интересам. По характеру он человек прямой и нелицеприятный. Когда я впервые обратился к нему в качестве весьма преуспевающего должностного лица, убежденный в том, что неплохо разбираюсь в управлении производством, он недвусмысленно дал мне понять, что я профан. Откровенно говоря, я тогда на него обиделся. Но потом, изучая его работы и сравнивая их с трудами многих современных пророков в области управления, я оценил достоинство его идей. Сегодня я с гордостью могу сказать, что мы с Демингом — друзья. Слава у него всемирная, но, пожалуй, наибольшим авторитетом пользуется он у японцев. Руководители крупнейших корпораций этой страны постоянно звонят в Чикаго. Когда Деминг навещает Японию, ему воздают там поистине королевские почести.

Началось это вскоре после Второй мировой войны. Главнокомандующий американской армией на Дальнем Востоке Дуглас Макартур искал возможности скорее восстановить разрушенную японскую промышленность. Генералу попались на глаза работы Деминга. В Америке тогда их мало кто знал. Но Макартур оценил их значение и пригласил ученого прочесть курс лекций для руководителей японской индустрии. Японцы сразу улови-

ли, какое значение могут иметь эти рекомендации. Победное шествие Японии на мировом рынке — прямой результат применения идей Деминга в экономике страны.

Прежде чем вы приступите к изложению идей Деминга, расскажите, пожалуйста, что происходило в индустрии Соединенных Штатов за последние 50 лет, с тех пор как тейлоризм отошел в прошлое. Все эти годы Америка оставалась ведущей промышленной державой мира. Какими принципами руководствовались предприниматели?

На смену тейлоризму пришла нынешняя система так называемого целевого руководства (целевой менеджмент). При этой системе цели определяются на высшем уровне иерархии — скажем, президентом и вице-президентами корпорации. На следующем уровне (директор корпорации) вырабатывают подцели и т.д. Таким образом, решения о том, как следует организовать производство, поступают опять-таки только сверху вниз. Насколько я понимаю, в идеале по целевому методу должна была бы работать и советская промышленность. Ведь советский экономический комплекс можно рассматривать как единую сверхгигантскую корпорацию, управляемую свыше.

Но уже и при нашей степени централизации система дает сбои. Во-первых, нижние этажи промышленного механизма обычно плохо представляют себе все детали поступившего сверху проекта. Во-вторых, они вовсе не склонны беспрекословно выполнять чужие предначертания. Опыт показывает, что внизу есть свое понимание того, как наилучшим образом реализовать проект (это касается и промышленности, и сельского хозяйства, и торговли). Поэтому нижние этажи, как правило, скептически воспринимают команды сверху. В свою очередь, верхние этажи не склонны воспринимать даже самую разумную инициативу снизу. И это понятно. Когда все до малейшей детали уже спланировано и утверждено, принять даже самый добрый совет, идущий снизу, очень трудно. Переделка готового проекта всегда требует больших расходов и сил. Целевая система, хоть и в разных формах, господствует сейчас везде. Не только в СССР, но и в Америке, и даже в Западной Европе. Везде, кроме Японии.

Итак, что же предложил японцам Эдуард Деминг?

Прежде всего Деминг исходит из того, что современное промышленное производство сможет раскрыть все свои возможности лишь тогда, когда оно сумеет использовать творческие возможности людей — и в первую очередь тех, кто занят непосредственно на производстве. Только они доподлинно знают, как лучше решить задачу в каждом конкретном случае. По Демингу, взаимоотношения руководителей и рабочих должны строиться следующим образом. Рабочий функционирует в определенной системе. Задача руководителя — совершенствовать систему, но непременно в сотрудничестве с рабочим. Инженер-технолог занимается внедрением новой технологии. Рабочий не только непосредственно выполняет работу, но и следит за процессом, внося соответствующие коррективы. В системе, созданной Демингом, рабочий не только трудится, но и думает. Поэтому в процессе обучения рабочих учат не просто совершать определенные операции, но в известной степени решать общие проблемы производства.

Чтобы эффективно использовать идеи Деминга, надо перестроить все управление производством. Руководители должны научиться делить власть с рабочими, должны создать на производстве систему, свободную от иерархических барьеров. Нужно, чтобы в росте производительности труда были заинтересованы все.

Конъюнктура современного рынка такова, что предложение в любой области превышает спрос, товаров всегда больше чем достаточно. Чтобы покупатель предпочел изделие данного производителя, качество товара должно быть заведомо выше, чем у конкурентов. Это звучит банально. Но в том-то и беда, что американские производители думают об этой стороне дела все меньше, а японские — все больше. Результаты налицо. Японцы

усвоили и другой основной тезис Деминга: высококачественный товар производится там, где высоко качество каждой операции и высок уровень самой организации труда. Свои идеи Деминг сформулировал в четырнадцати пунктах. Остановлюсь на самых важных.

1. Все сотрудники фирмы (компании, предприятия, корпорации) составляют единое общество, команду единомышленников, преследующих общие интересы. Положение каждого сотрудника гарантировано. Он должен быть уверен, что не потеряет службу, а если дело дойдет до реорганизации, то будет продвинут лишь вверх по служебной лестнице.

2. Каждый сотрудник, от президента компании до уборщика цеха, осваивает простые приемы статистики, это позволяет ему — по единой стандартной форме — вести постоянный учет того, что он сделал, как выполнил операцию, каковы результаты. Таким образом, трудовая деятельность каждого члена "команды" выражается в одной, понятной всем форме. Все могут судить о качестве работы на верхних и нижних этапах. Ошибки и промахи ликвидируются общими усилиями. Такой порядок снимает напряжение между верхними и нижними этапами, между теми, кто создает проект, и теми, кто его осуществляет.

3. Любая рекомендация, идущая снизу, всячески поощряется наверху. Роль руководства сводится, в сущности, к организации потоков информации во всех направлениях. Обмен информацией между любыми звеньями системы неограничен.

Я мог бы изложить и другие пункты системы Деминга, но тут важно понять его главную мысль. Это — необходимость обеспечить высочайшее качество всех процессов, начиная с процесса управления. Добиться этого можно лишь объединенными усилиями всех сотрудников. Поэтому ученый рекомендует не бояться взаимного контроля на всех этапах, включая исследовательскую работу, дизайн, доставку продукта, продажу его, обслуживание потребителя. По убеждению Деминга, возникновение ситуаций, тормозящих работу фирмы (корпорации, предприятия), на 85 процентов зависит от несовершенства системы, а не от ошибок производителей.

Система управления, построенная на основе идей Деминга, порождает совершенно особые отношения внутри фирмы. При этом возможна и даже вполне естественна ситуация, когда, например, сотрудник или целое звено предприятия предложат сократить самих себя, закрыть за ненадобностью целый отдел. В Японии такие предложения совсем не редкость. Ясно, что люди, которые предлагают уволить себя, делают это потому, что уверены: экономия приведет к тому, что их собственное положение только улучшится.

Что ж, в теории это в самом деле выглядит привлекательно. Но каковы реальные результаты использования идей Деминга?

О достижениях японской экономики мы уже говорили. Не случайно ведущие японские фирмы, такие, как "Тойота", "Ниссан", "Ниппон кокан стил", "Мицубиси", "Кобацу трактор компани", "Кажима констракшн компани" удостоены премий Деминга. Эта весьма престижная премия присуждается тем, кто, следуя идеям ученого, достиг высоких доходов, победил на мировых рынках и обеспечил высокий уровень благосостояния своих сотрудников. В Соединенных Штатах тоже есть несколько компаний, делающих попытки изменить систему управления производством. Наибольшего успеха добилась компания Форда, между прочим, еще совсем недавно находившаяся в весьма плачевном положении. Несомненных успехов достигли фирмы "Корнинг гласс" и "Нашуа корпорейшн". Качество их товаров заметно выросло, увеличился и сбыт. Другие корпорации, начавшие использовать идеи Деминга, пока находятся лишь в начале долгого пути. Как бы то ни было, все больше предпринимателей в Америке понимают, что повышение качества продукции — необходимость. Не зря девиз фирмы Форда гласит: "Первое дело — качество!"

Давайте вернемся к взглядам Ленина, которые и поныне преобладают в Советском Союзе. Официальная точка зрения — да и не только официальная — сводится к тому, что от повышения производительности труда в капиталистических странах выигрывают лишь работодатели, рабочие же только теряют, ибо эксплуатация усиливается. Что вы об этом думаете?

Производственное предприятие можно рассматривать как систему, имеющую два выхода. Из одного общество получает продукцию и услуги, из другого — деньги, которые люди используют для приобретения товаров и услуг. Повышение производительности труда увеличивает оба потока. Изобилие товаров и услуг приводит к снижению цен и повышает благосостояние общества в целом. Одновременно растет зарплата рабочих — факт, который нелепо оспаривать. Средства, полученные от выручки продукции, делятся между рабочими, управляющими и держателями акций. Соотношение этих частей варьируется в широком диапазоне как в разных странах, так и в пределах одной страны. Но сама по себе тенденция бесспорна: оплата труда постоянно растет. И дело тут не только в "социальной справедливости". Предприятие, где рабочие чувствуют себя ущемленными, говорит Деминг, начинает работать хуже, фирма теряет конкурентоспособность. Это плохо и для администрации, и для работников. В конце концов предприятие, выпускающее продукцию низкого качества, прогорает, и рабочие остаются без работы. Как видите, рост производительности и повышение качества продукции имеют самое непосредственное отношение к материальному положению рабочего, не говоря уже о его социальном статусе.

Чем вы объясняете низкую производительность труда на советских предприятиях?

Думаю, основная причина в том, что в Советском Союзе до сих пор господствуют методы Тейлора, причем в худшем их варианте. И еще: советская система управления, подавляющая личную инициативу, не дает проявиться творческим способностям народа. Похоже, что сам Горбачев, судя по его последним выступлениям, это понимает. Что до меня, то я очень рад, что не мне предстоит реформировать советское общественное устройство.

И все-таки вы не отрицаете возможность применения идей Деминга в условиях социалистической экономики?

Чтобы принципы Деминга работали, нужен ряд условий. Во-первых, производство должно быть ориентировано на потребителя. В условиях свободной рыночной экономики это само собой разумеется. Второе условие — гибкость системы, ее способность к перестройке. Я, например, не раз убеждался, что частные предприятия несравненно восприимчивее к новым идеям, чем государственные чиновники. Я не раз наблюдал, как частные предприятия, сталкиваясь прямо-таки с катастрофическими трудностями, выходили из положения благодаря тому, что коренным образом меняли характер управления, стиль работы. Известны случаи, когда компании, терпящие бедствие, приобретали сами рабочие, становясь хозяевами предприятий. Как правило, им не удавалось исправить положение, потому что они не меняли систему управления производством. Решающий фактор — это именно разумная система управления людьми, а не государственное устройство — капиталистическое или коммунистическое. Другой вопрос, что в условиях свободной экономики менять курс несравненно легче. Хотя бы потому, что система управления не слишком централизована. Вообще, чем крупнее система, тем труднее она поддается перестройке. Форд, у которого четыреста тысяч работников, свою систему управления изменил. У фирмы "Дженерал моторс", где персонал вдвое больше, с переменами пока не получается. У правительства Соединенных Штатов более миллиона служащих, добиться кардинальных перемен в такой системе крайне трудно. Честно говоря,

я плохо себе представляю, с чего бы я начал, если бы мне пришлось менять методы управления в стране с населением около 300 миллионов...

Правда, я не знаком в деталях с тем, как функционирует социалистическая система хозяйства. Если руководители тамошних предприятий видят свою основную задачу в том, чтобы выполнять указания вышестоящих начальников и делать карьеру, если производители оторваны от потребителей, тогда принципы Деминга вряд ли сработают. Пожалуй, я сказал бы так: теоретически принципы Деминга могут применяться и при социализме. Но добиться желаемого результата будет несравненно труднее, чем в условиях западной демократии. ●

ОТ ДНЯ ПРЕЗИДЕНТА ДО ДНЯ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Перестройка в СССР на экранах американского телевидения

Нынешний редактор "Огонька" Виталий Коротич впервые побывал в США в конце 60-х годов и успешно "отписался" за свои поездки в публицистических книгах "Лицо ненависти" и "Не стреляйте в пианиста". Это обычные советские книжки об Америке, не хуже и не лучше других, даже порой не без некоторой лиричности, изобличающей в авторе не просто журналиста, но и поэта. Но, листая их, я наткнулась на фотографию, показавшую мне, при всей банальности запечатленного сюжета, странноватой: двое мужчин под зонтиком, на груди — плакаты. Подпись под картинкой: "Даже по официальной правительственной статистике свыше 10 миллионов американцев голодают и бедствуют. Честные американцы решительно протестуют против такого положения дел". Отсюда, соответственно, вытекало, что на фотографии — те самые честные американцы, которые протестуют. Между тем что-то мешало мне принять эту версию, и, взглядевшись в снимок, я поняла, что именно: на плакатах было написано крупными буквами: "АФТРА на забастовке против ЭнБиСи", а буквочки помельче, но все же достаточно четкие, расшифровывали эту абракадабру: "АФТРА — американская федерация артистов радио и телевидения, ЭнБиСи — Национальное радиовещание". Так что мужчины с холеными лицами, в прекрасно сшитых пальто, бастовали вовсе не в знак протеста против голода и бедствий десяти миллионов статистических американцев, но требовали от своего работодателя повышения зарплаты.

Жаль, что политический обозреватель американского телевидения Дэн Разер, который много лет спустя интервьюировал Виталия Коротича в Москве, не видел этой фотографии и не спросил, что означает столь странная подпись. Впрочем, интервью и без того получилось весьма интересным. Всего год занимая редакторский пост, Коротич сумел сделать из пресно-безликого дорожного чтива острый журнал, который мгновенно расхватывают в киосках. В "Огоньке" были напечатаны материалы о коррупции и о применении милицией недозволенных методов, из номера в номер идет "Антология русской поэзии", мелькают имена Зинаиды Гippiус, Мережковского и прочих преданных в свое время анафеме поэтов-эмигрантов. Как замечает американский журналист, "Коротич идет на риск каждый день, как другие идут на завтрак". На вопрос Дэна Разера: "Уж не с ума ли вы сошли?" Коротич отвечает с улыбкой: "Напротив, для меня это поворот к нормальной жизни, потому что это нормально — печатать Пастернака, это нормально — критиковать коррупцию". "А если вы проиграете?" — интересуется собеседник. Улыбка становится еще шире. "Если мы проиграем, значит, мы не готовы к этому, значит, моя философия — философия побежденного. Я все поставил на карту, для меня проиграть означает катастрофу".

Виталий Коротич — один из героев документального фильма о Советском Союзе, показанного 24 июня по американскому телевидению. Группа операторов и журналистов работала над ним в течение недели — отсюда название "Семь дней в мае". Материала отсняли на сто часов, — фильм, в его окончательном варианте, идет два часа и состоит

из двадцати двух отдельных сюжетов, сделанных разными журналистами в разных городах: Москве, Ленинграде, Таллине, Тбилиси, Волгограде. Перед зрителем проходят самые разные люди и судьбы. Вот парнишка лет двадцати, крупный деятель черного рынка. Он утверждает, что может купить и продать все что угодно — 'хотите мерседес? Пожалуйста'. Тбилисский милиционер мрачно констатирует, что наркомания через несколько лет может привести к катастрофе. Пианист-отказник Владимир Фельцман заявляет, что уедет из этой страны, как только получит визу. Писатель Анатолий Рыбаков демонстрирует пухлую рукопись романа "Дети Арбата", которым сейчас зачитывается "вся Москва". "Уехать? Никогда!" И горестно-недоумевающе глядит с экрана мальчонка, родители которого только что вернулись в СССР из Америки, куда эмигрировали восемь лет назад. "Филипп — очень сложный мальчик, — доверительно объясняет мама. — Мы его увезли, когда ему было четыре года, а теперь вот привезли его назад". Будешь тут сложным...

Многое на экране узнаваемо и привычно, кое-что — ново не только для коренных американцев, но даже для нас, эмигрантов со стажем. Мы видим море голов под люстрами Елисеевского магазина и полуголых исполнителей рока, многоцветное изобилие рынков и новейшую электронную аппаратуру (впрочем, не работающую) в больнице, роды в Тбилисском институте акушерства и гинекологии и памятники на Новодевичьем кладбище, матросиков, лихо отплясывающих перед американской камерой на палубе минного тральщика, и подвыпившего мужичка, который пытается зонтиком сбить вражеский микрофон. Впрочем, за исключением этой сцены, видимого противодействия американским журналистам никто не оказывал, напротив, Дэн Разер в беседах с советскими коллегами неизменно отмечает, что американцам позволяли делать съемки везде, где они хотели. Пустили даже на военный корабль, правда, предварительно покрасив его сверху донизу ("так, что краска прилипала к ботинкам", — замечает журналист) и подвергнув адмиральской инспекции. Военный корабль — минный тральщик, базирующийся в Ленинграде, — особого впечатления на благодарных американских телевизионщиков не произвел, более того, они не преминули уколоть: оборудование на корабле устаревшее и в другой стране было бы уже давно списано.

Больше всего изумила заокеанских гостей возможность взять интервью у Ельцина. И это действительно самый интересный эпизод фильма. "Хозяин Москвы", как называют его американцы, снят и в своем обширном кабинете, за огромным столом с батареей телефонных аппаратов (из них лишь один соединен с владельцем кабинета напрямую: на телефоне табличка с именем "Горбачев"), и среди народа — в кварталах московских новостроек, в ликующей толпе, в магазине, где он с пристрастием выясняет у продавца подробности снабжения столицы овощами и фруктами, допытывается у мясника, где же мясо... "Через несколько дней мы снова зашли в этот магазин, — комментирует Дайана Сойер, — мясо на прилавке было, но нам позволили заснять его только после того, как было принесено еще несколько подносов".

Пожалуй, в этом эпизоде особенно четко проявляются преимущества телевидения перед прочими средствами массовой информации. Когда не просто слышишь ответы, но видишь лицо говорящего, можно заметить многое. Вот Дайана Сойер задает вопрос об "интеллектуалах" — имея в виду творческую интеллигенцию: далеко ли зайдет гласность, смогут ли они теперь печатать все, что напишут? Ельцин отвечает не сразу, и короткая, не более сорока секунд пауза позволяет камере зафиксировать ряд волшебных изменений начальственного лица: оно мгновенно каменеет, а затем принимает полубрезгливое, полупрезрительное выражение. Вслух же Ельцин произносит: "Ну, они прошли первую стадию. Они все и всех раскритиковали. Теперь им надо идти дальше. Но если они думают, что им будет позволено печатать все, что придет им в голову, — то тут они ошибаются. Бред никому не нужен". Сказано кратко и выразительно, показано — еще более убедительно.

Как и Коротич, Ельцин, несмотря на помпезный кабинет и телефоны, не торопится создать у зрителя впечатление стабильности своего положения. Отчасти, наверное, ему помогают вопросы журналистки, которая, между прочим, осведомляется, есть ли в стране оппозиция. "Конечно, есть, — отвечает Ельцин. — Перестройка заставляет думать бы-

стрее, подходить к делу более творчески. А он лентяй, а ему это ни к чему. Вот такие и не хотят перестройки, хотя и не говорят об этом в открытую”.

Однако, хотя разговор об оппозиции заводится не впервые, никаких ее представителей мы на экране не видим. Напротив, все горячо выступают "за". Заводской рабочий признается, что с каждым годом работать все труднее: не физически, но потому, что трудно мириться с недостатками. Сотрудник МИД Геннадий Герасимов читает "захватывающе интересную книгу" — справочник по ракетам — и на вопрос: "Действительно ли американское посольство в Москве представляет собой сплошной гигантский микрофон?" с кокетливой улыбкой отвечает: "Может быть". Даже престаранные, с накрашенными ресницами и алыми губами певцы и музыканты на фестивале рок-музыки в Литве заявляют, что жаждут помочь Горбачеву, и под восторженный гул толпы исполняют песню о престарелом вожде, коллекционирующем автомобили и ордена. В числе ярых сторонников перестройки оказываются и знаменитые люберы, которых американский журналист называет первыми жертвами гласности, очевидно, имея в виду, что советская пресса неодобрительно отзывалась об этих идеологических хулиганах, устраивающих рейды в Москву для спасения родной земли от панков, "металлистов" и прочих носителей тлетворного влияния Запада. В борьбе с западниками не последнюю роль играет хорошо развитая мускулатура, которую люберы охотно и обстоятельно демонстрируют на заснятом журналистами конкурсе культуристов. Когда они чеканным шагом идут группой по Москве, вызывая в памяти одновременно образы рабочих парней из советских фильмов и членов гитлерюгенд, трудно признать в них жертв. Не менее энергичны и их высказывания. Белокурая Брунгильда из породы комсомольских вожаков с подкупающей искренностью вещает перед камерой: "Мы хотим освободить Москву от таких людей (подразумеваются все те же расхристанные мальчики и девочки в кожаных браслетах и жилетках, надетых на голое тело. — Е.Г.). Они совершенно никому не нужны". Американский корреспондент довольно неожиданно комментирует эпизод: "Как ни удивительно, но есть нечто общее между люберами и металлистами. И те, и другие дают Советскому Союзу урок свободы”.

Фильм "Семь дней в мае" кончается трогательной сценой, названной не слишком удачно: "Ищут свое прошлое". По дорожкам недавно открытого после многолетних ремонтных работ (?) Нововедичьего кладбища идут люди — молодые, старые, москвичи и приезжие. Мелькают памятники: Надежда Аллилуева, Гоголь, Чехов, Хрущев. Диктор замечает, что вон тот тоже хотел реформировать государство и "это стоило ему места в официальной советской истории и у Кремлевской стены". Толпится народ у другого памятника, милейшая старушка рассказывает словоохотливо, с удовольствием, как сказку — внуку: "Моего брата и сноху Сталин арестовал, а Хрущев реабилитировал. Мы спасибо ему за это должны сказать”.

Второй сквозной сюжет фильма, помимо перестройки, — это возникающая в разных вариантах тема конфронтации СССР и Америки. "Вы можете гарантировать мне, что завтра Соединенные Штаты не нападут на нас? — напористо спрашивает журналиста Фентона офицер военно-морского флота Пущин. — Если можете, я немедленно ухожу в отставку.” Но Фентон не берется решать судьбу бравого моряка, тем более, что офицерская мама утверждает, что очень довольна карьерой сына: он служит на флоте, "чтобы в любую минуту защитить нас”. "От кого?" — спрашивает журналист. Мама смущается, мнется; все же гости, как никак, но истина дороже, и с застенчивой улыбкой она произносит: "Ну, от кого же... Я не могу сказать точно, но я думаю, от вас все идет”. Совсем в другой версии возникает этот сюжет в эпизоде с Ельциным, когда Дайана Сойер напоминает "хозяину Москвы" знаменитую угрозу Хрущева Западу: "Мы вас похороним!" — "Сейчас так никто не говорит", — отмахивается Ельцин. Журналистка восторженно комментирует: "Вот это и делает его столь неотразимым: умные слова, новые слова”.

Ведущий фильма, популярнейший комментатор американского телевидения Дэн Разер гораздо сдержаннее в оценках. "Да, изменения происходят, — отмечает он под конец. — Но мы еще не знаем, что это значит для Запада: новый шанс или опасность”.

Спору нет, "Семь дней в мае" существенно отличается от семи дней в феврале, когда по телевидению показывали многосерийный фильм "Америка". Правда, можно предположить, что и состав зрителей этих двух работ, — а фильм Дэна Разера посмотрело

30 миллионов американцев, — во многом не совпадал, так как против "Америки" была организована мощнейшая антиреклама. Задолго до того, как это несчастное произведение, названное в советской прессе "самой большой ложью о Советском Союзе", появилось на экранах, группы возмущенных граждан по всей стране требовали отменить его показ.

Возмущение публики вызвала прежде всего сюжетная линия: Америка в конце XX столетия оккупирована советскими войсками, причем оккупация — не результат военного поражения, — войны никакой и не было, — но следствие падения морали в стране (название которой пишется теперь "Amerika" якобы на русский лад), небрежения идеалами свободы и равенства, провозглашенными некогда в Декларации независимости. Следует сказать, что фильм действительно слабый. Намерения создателей были серьезны и интересны, но жанровые рамки мелодрамы, в которые они втиснули свое детище, не дали им отступить от банальных канонов, и любая мало-мальски интересная мысль, мало-мальски нетривиальный образ проваливаются в трясину пошлости.

Появись такой фильм года три назад, в СССР бы, возможно, выругались, но особенно заниматься бы им не стали. Не то теперь, когда эра гласности среди прочего широко распахнула ворота и для активной контрпропаганды. Советское телевидение решило вступить в поединок с американским. Всю неделю по ночам, как только заканчивался показ "Америки", из Москвы шла прямая передача советских программ. В Москве в это время было уже утро, начиналось с гимнастики, потом шли мультики, концерты, какие-то дурацкие конкурсы в поисках талантов, соревнования по мытью полов и катанию на тройках. Показывали и "Международную панораму", где говорилось о фильме "Америка". Советский журналист вел репортаж из дома какого-то вашингтонского семейства, члены которого вяло отвечали на его наводящие вопросы, так что трудно было понять, как же все-таки люди относятся к фильму. Ведущему передачи Геннадию Герасимову повезло больше. Он поймал в Москве на мирном форуме исполнителя главной роли Криса Кристоферсона и задал ему коварный вопрос: как же это он, Крис, активный участник движения за разоружение, согласился сниматься в такой нехорошей картине? Крис ответил, что хотел было отказаться, но подумал, что хотя фильм и плох, но может привлечь внимание к советско-американским отношениям, Геннадий Герасимов доверительно, чуть ли не с подмигиванием обратился к телезрителям: дескать, мели, Емеля; мы-то знаем, почему ты согласился, гонорары на улице не валяются.

Последняя передача советского телевидения началась сразу после окончания "Америки". Героически гибнет руководитель сопротивления, над гробом, покрытым звездно-полосатым флагом, сын дает клятву быть таким, как отец. А в стороне ведет наблюдение за всей этой церемонией симпатичный полковник КГБ. И не успела отзвучать музыка, как Москва напомнила о себе: на экранах появилась известная советская гимнастка. Однако гимнастикой и концертами дело на сей раз не ограничилось: в Штатах было еще 22 февраля, а там, за Тихим океаном, уже занялась заря Дня Советской армии. Так что показ "Америки" символическим образом растянулся от Дня президента (дня рождения Джорджа Вашингтона) до праздника в честь Советской армии. Американского зрителя порадовали документальным фильмом об Иркутско-Пинской дивизии, рассказом о ее славном боевом прошлом и сегоднешних мирных буднях в братской Чехословакии, где дивизия выполняет свой интернациональный долг. Вот здесь-то, в кадрах о маневрах Иркутско-Пинской дивизии, все было взаправду: летели ракеты, ухали пушки, прочеркивали экран самолеты. И после бутафорских танков "Америки" поползли прямо на зрителя настоящие, тяжелые танки, в которых сидели не марсиане в шлемах, а русские мальчики с открытыми симпатичными лицами.

Елена Гессен

ТЕПЕРЬ ТАМ ТАК НОСЯТ...

Я приглашен на год в Институт Кеннана в Вашингтоне. Учреждение это своеобразное. Приглашение работать здесь получают писатели, историки, социологи, экономисты, кинематографисты, люди разных национальностей и рас. И хотя приехали мы для писания своих книг и проведения наших исследований, основное в жизни Института — это контакты, встречи, обмен информацией и мнениями. Разумеется, мы встречаемся и с американскими коллегами, и с гостями из СССР.

В прошлом это были, как правило, люди не слишком высокого ранга. Ныне интерес и внимание к американским "мозговым центрам" усилились, повысился и вес направляемых к нам советских представителей, а главное, изменилось их поведение. Теперь они стараются быть корректными и хотят показать, что способны объективно оценивать политическую и экономическую ситуацию Советского Союза. Наши беседы с ними перестали напоминать разговор глухих. С другой стороны, новый стиль вызвал понимание и у американцев. И хотя меня, человека, прожившего в СССР 44 года, эта наигранная искренность советских визитеров не слишком ослепляет, я должен признать, что американские ученые и общественные деятели теперь гораздо охотнее приходят на встречи с русскими и внимательнее прислушиваются к их речам.

О чем же говорят наши гости, поэты и члены ЦК КПСС, артисты и ученые, редакторы центральных газет, высокопоставленные юристы, именитые деятели кино и сотрудники московского Института США и Канады? Легко заметить, что и сегодня, несмотря на все новые веяния, эти люди не имеют собственного мнения, но более или менее добросовестно воспроизводят заученный сценарий. Суть сценария сводится к тому, что политика гласности и открытости, честного обнажения недостатков должна привести к благотворительным переменам в экономике страны, поднять материальный уровень населения, укрепить расшатавшиеся моральные устои общества. Однако преградой на пути к успеху является то печальное обстоятельство, что западные лидеры не верят в добрые намерения советского руководства и продолжают политику вооружений. В частности, создается опасная для СССР система космической обороны. Эти агрессивные тенденции Запада не дают советской стране перейти на мирные рельсы и использовать свои экономические ресурсы для внутренних нужд. Если бы США и страны Западной Европы уверовали в мирные намерения СССР, помогли советской индустрии новейшей техникой и технологией, планета обрела бы покой, народы Запада и Востока — благополучие и уверенность в завтрашнем дне.

Развивая эту хорошо знакомую концепцию, нынешние советские гости, в отличие от прошлых, готовы признать, что в их стране далеко не все идеально. Тем не менее, как разъяснил кинорежиссер С.Кулиш, следует четко отличать ситуацию до того от событий, происходящих после того. До того, то есть до пришествия Горбачева, некие бюрократы (кто именно?) нарушали законы страны, попирали права граждан. Теперь этому положен конец.

Новый стиль дается нелегко. Нет-нет да кто-нибудь и съедет на разъяренную колю, прибегнув к классическому аргументу "сам дурак". Сцену такого рода мы могли наблюдать на конференции, посвященной советско-американским отношениям за истекшие полвека. Несмотря на довольно резкие расхождения во взглядах, советская сторона первые два дня сохраняла благовоспитанность. Даже деятели Института США и Канады воздержались от привычных для них грубостей. На третий день речь зашла о нарушении в СССР прав человека и гражданина. И тут один из питомцев Георгия Арбатова не выдержал и перешел в контрнаступление. Оказывается, самый злостный нарушитель прав человека — это правительство США. Вот, например, что сделали с Пельтьером, борцом за права индейцев. Его просто-напросто посадили в тюрьму, да еще пожизненно, за взгляды, которые пришлось не по вкусу законам Белого Дома.

"Дело Пельтера", которое разбиралось в Штатах несколько лет назад, успело выветриться из памяти большинства присутствующих. Наступила заминка, и советский пропагандист обвел взглядом победителя пристыженных оппонентов. Но затем попросил слова один американский историк. Он изложил во всех подробностях историю осуждения Пельтера. Этого гуманиста приговорили к пожизненному тюремному заключению не за его правозащитную деятельность и не за его убеждения, а за то, что он расстрелял в упор безоружного человека, чиновника ФБР, отца большого семейства. Приговор за преднамеренное убийство вынес с у д. Ни правительство, ни вообще какие бы то ни было государственные органы не имели к этому отношения, так как вмешательство администрации в дела судебных инстанций запрещено Конституцией США.

Прошлой осенью в Институте состоялась конференция, посвященная советскому кино. Уже тогда прибывший в Вашингтон заместитель министра кинематографии В.Баскаков наилучшим образом продемонстрировал "новый стиль". Этот Баскаков в свое время прославился негласным приказом, запрещавшим показывать на экране женщин в ночных сорочках, а также мужчин за выпивкой. То была эпоха ныне забытой брежневской борьбы с алкоголизмом и распущенными нравами. Нынешнее выступление Баскакова, блестящее по языку и стилю, изобиловало критическими вольностями. Он согласился с американскими кинокритиками, что советские фильмы уныло однообразны: война и война вот уже 45 лет подряд; признал, что сценаристы и режиссеры преднамеренно игнорируют горькую правду о советской жизни. Он скорбел о бегстве из СССР Андрея Тарковского и Юрия Любимова, а также многих талантливых писателей. Но, сказал он, в советском кино и вообще в советской жизни все скоро переменится к лучшему. Указал, что молодые режиссеры уже получили возможность экспериментировать в искусстве при финансовой поддержке государства. Тут же нам были продемонстрированы первые плоды гласности — фильмы "Иди и смотри" Элема Климова и "Чучело" Ролана Быкова.

Про "Чучело" уже много говорено и писано, что же касается картины Климова, человека, который теперь возглавил Союз кинематографистов СССР, то она, конечно, была привезена в Вашингтон неслучайно. Нам показали полный грязи, мук и ужаса фильм о зверствах фашистов в Белоруссии в минувшей войне. Представляя фильм, автор сценария Алесь Адамович долго и монотонно говорил об опасности новой войны. Но судя по репликам, которые я слышал после просмотра, моим американским коллегам фильм показался бессмысленно гнетущим и в общем малоинтересным, хотя некоторые отметили неплохую работу оператора. Единственной "находкой" режиссера можно признать концовку картины, в которой мальчик-партизан стреляет в портреты Гитлера. Вслед за каждым выстрелом зритель видит давно знакомые ленты военной кинохроники. Фильм как будто сделан с самыми лучшими намерениями, и все же его пропагандистская направленность — то есть в конечном счете недобросовестность — очевидна. Публика вежливо, хоть и без энтузиазма, поаплодировала. Автору сценария был, между прочим, задан вопрос: "Не кажется ли вам, что в своем фильме вы упустили из виду одно важное событие, с которого и началось уничтожение белорусского и других народов Советского Союза?" — "Какое событие?" — "Поцелуй Молотова и Риббентропа". В былые времена полпред советской культуры врзал бы как следует невеже, который осмелился вспомнить о том, о чем вспоминать не полагается. Но теперь не то. Подумав секунду, не более, Адамович мирно ответил: "А может быть, и стоило показать..."

Есть в Институте Кеннана мероприятие, именуемое "русский стол". Во время второго завтрака выступает кто-нибудь из своих или из гостей. Одним из приезжих был кинорежиссер Савва Кулиш, создатель популярной ленты "Взлет", где в роли Циолковского снимался Евгений Евтушенко. Кулиш увлеченно рассказывал, как снимали фильм, какие замечательные работы делают его ученики, молодые режиссеры, как воодушевляет советских работников кино климат гласности и демократический стиль нового руководства Союза кинематографистов СССР. Я спросил: "Савва Михайлович, согласитесь с тем, что кинематографисты не могут, как поэты и писатели, работать в стол; приходится скрепя сердце соглашаться с цензурой, переделывать, затушевывать, вырезать целые куски. Так вот, не боитесь ли вы, что ваши ученики испытают в свой черед тот же психологический шок, какой испытали вы сами, если и у них полетят в корзину самые

лучшие, выстраданные кадры? Вы ведь, наверное, не забыли своих переживаний в совсем еще недавние времена?" Кулиш, похоже, был готов к подобным вопросам. Стараясь не смотреть в сторону А.Потемкина, атташе по вопросам культуры из советского посольства, он стал объяснять, что мы, американцы, неправильно представляем себе природу цензуры в СССР. Главлит — это просто-напросто представитель заказчика, каковым является государство. В Советском Союзе происходит примерно то же, что и на Западе: если заказчику, финансирующему фильм, не нравится, как используются его средства, если его не удовлетворяет качество работы, он заявляет об этом режиссеру. Переделки, таким образом, являются неизбежным элементом творчества.

Произнося этот монолог, режиссер избегал неприличных слов и выражений, таких, как "идейность", "идеологическая чистота", "социалистический реализм", "самое прогрессивное в мире искусство" и т.п. Нужно отдать должное психологам из отдела пропаганды ЦК КПСС, которые обрабатывали наших гостей перед полетом в Америку. Они рассудили, что в стране "желтого дьявола" будет удобнее представить политическую цензуру как акцию спонсора, заинтересованного в том, чтобы его средства расходовались соответственно его вкусам.

Однако я не стал углублять эту тему за "русским столом". По традиции Института Кеннана хозяева должны оставаться любезными, даже когда дорогие гости бессовестно лгут или хамят.

В декабре 1986 года наиболее яркой фигурой за нашим "русским столом" оказался профессор Ф.М.Бурлацкий, политический обозреватель "Литературной газеты", глава отдела философии Московской академии социальных наук и вице-президент Советской ассоциации политических наук. Перед выступлением в Институте Кеннана Бурлацкий раздал присутствующим копию отрывка из своей пьесы "Разговор начистоту", опубликованного в номере "Литгазеты" за 1 октября. Картинным было само появление этого жизнерадостного крепыша, заполнившего собою скромную комнату. Он по-своейски снял пиджак и попросил нас называть его просто Федор. В той же скромно-импонирующей манере он сообщил, что является автором десятка книг, шутливо пожурив нас за то, что мы их не читали. Одно из этих произведений, как выяснилось, было посвящено разоблачению Мао Цзедуна. Великий кормчий протянул ноги через десять дней после выхода книги Бурлацкого.

Стараясь поддержать тон, я заметил гостю, что некоторое количество книг написал каждый из нас, правда, без столь трагических последствий. Беседа приняла более серьезный характер, когда Бурлацкий заговорил об изменениях политического и социального климата в СССР. Эти перемены, сказал он, должны уже в ближайшее время вывести страну из технико-экономической отсталости. Движущей силой перемен он считает молодое и динамичное руководство во главе с Горбачевым. Слушая Бурлацкого, было, однако, трудно понять, какими именно методами руководители собираются преобразить свою отсталую экономику. Сохраняя в общем и целом систему административного диктата и вне рыночной экономики, партия — так получалось у Бурлацкого — надеется, тем не менее, осуществить "структурные реформы и просто реформы". Слушатели настойчиво, но тщетно пытались заставить лектора расшифровать эту загадочную формулу. В конце концов мне, воспитанному на недомолвках и туманных формулировках, как будто удалось домыслить то, чего не хотел или не мог досказать наш гость. Насколько я понял, реальных и далеко идущих структурных изменений в хозяйстве страны пока что никак не предвидится. Это дело далекого будущего. В ближайшее время, очевидно, будет развиваться лишь горизонтальная кооперация отраслей и производств. Для этого руководители предприятий получат право пользоваться оборудованием по своему усмотрению и даже продавать его в случае нужды. Однако ножницы между закупочными ценами (то есть ценами, по которым государство приобретает продукты и сырье у колхозов и разного рода кооперативов) и ценами, по которым государство продает товары и продукты питания населению, пока сохранятся. Бурлацкий сказал также, что административные решения, относящиеся к индустрии и экономике вообще, не будут в обозримом будущем опираться на методы математического моделирования, как это давно принято в передовых странах Запада. Мы напомнили ему, что видные советские экономисты уже разработали эффективные модели управления производством, в кото-

рых стоимость конечного продукта исчисляется из количества и качества природных ресурсов, рабочей силы, запасов энергии и т.д. Он ответил: новому руководству сейчас не до этого. У математического метода есть в СССР серьезные противники. "Кто?" — спросил я. Бурлацкий дипломатично отступил: "Не будем говорить о личностях". Вместо математического моделирования советская плановая экономика будет и впредь опираться на оценки чиновников-экспертов. Каждый грамотный экономист знает, что в конце XX века всерьез поднять экономику великой державы без методов математического планирования невозможно. Но Бурлацкий упорно повторял: "Не так важно, каким методом, главное поднять производительность труда..." Каким же образом? "Очень просто. Надо поддерживать интенсивным материальным поощрением наиболее активных тружеников, а с другой стороны, создать частный сектор в сфере услуг и мелкотоварного производства."

Самым интересным в нашей полторачасовой беседе с Федором Бурлацким был его ответ на вопрос: на какие социальные слои будет опираться Горбачев в своем стремлении преобразить экономику и социальную жизнь страны? По мнению нашего гостя, советский народ в массе своей хранит глубокое уважение к памяти Сталина, как победителя в войне, как вождя, раздвинувшего географические пределы советской системы и железной рукой давившего бюрократию. Но, с другой стороны, народ потерял веру в идеалы марксизма, погряз в коррупции, пьянстве и воровстве. "Как же можно строить новое, опираясь на инертную массу со столь низменными идеалами?" — спросил один из присутствующих. Ответ был примерно следующим. На каждом предприятии есть разные люди. Одна треть трудящихся активна, одна треть пассивна и безлика, и еще одна треть — это неисправимые лентяи, пьяницы и бездельники. Первые под влиянием гласности активизируют вторых, и вместе они станут той реальной народной силой, которая обеспечит успех реформам Горбачева. Не могу сказать, чтобы этот рецепт удовлетворил даже самых либеральных наших профессоров.

Мне остается добавить, что в последнее время попытки воздействовать на американскую общественность через Институт Кеннана участились. Среди прочих у нас побывали советский посол Дубинин, главный редактор "Правды" и член ЦК КПСС Афанасьев, еще несколько персон аналогичного ранга.

Они говорили примерно то же, что их предшественники. Но появление лиц из верхов советской иерархии обставлялось такими строгими правилами этикета, что не только поспорить, но даже поговорить с ними не удавалось. Не станешь ведь просить миллиардера Дэвида Рокфеллера, сидящего за столом рядом с Дубининым, поменяться с тобой местами. К редактору "Правды" я, правда, каким-то образом прорвался и заговорил о судьбе тогда еще сидевшей в лагере Ирины Ратушинской. Просил вмешаться в судьбу молодой поэтессы. Никакой реакции на это не последовало. "Мое дело — выпускать газету", — ответил Афанасьев. ●

ПО ТУ СТОРОНУ НОСТАЛЬГИИ

ГОНОРАР ЗА УБИЙСТВО

В прошлой, российской моей жизни писал я книги об ученых. Одним из героев был профессор А.Н.Рыжих, которому медицина советская среди прочего обязана введением и развитием у нас до того не существовавшей области хирургии — проктологии. Пациентов, нуждавшихся в лечении толстого кишечника и прямой кишки, в столице оказалось много, доктора Рыжих и его сотрудников, людей профессионально весьма умелых, знала "вся Москва". Последнее обстоятельство имеет прямое отношение к теме этой заметки.

В начале 70-х, когда я взялся за книгу "Хирург", Александра Наумовича уже не было в живых. По своему обыкновению, начиная работу, я опросил примерно три десятка его сотрудников, знакомых, соучеников. Не менее половины из них задали один и

тот же вопрос: "А о Самуиле Файне вы тоже будете писать?" Самуил Файн, доктор, профессор, наиболее яркий среди учеников школы проф. Рыжих, был ближайшим его сотрудником при создании специальной проктологической клиники. Умирая, Рыжих завещал Файну стать во главе этого их совместного детища. Министерство здравоохранения, однако, назначило директором своего человека, который принялся травить Файна и в конце концов побудил его покинуть страну. Министерский чиновник этот, кстати сказать, в конце концов полностью развалил клинику, изгнав из нее почти всех учеников проф. Рыжих. Разумеется, упоминать в книге имя Файна, еврея-эмигранта, покинувшего страну по израильской визе, мне никто бы не разрешил. Так и вышла эта книга в 1974-м с белым пятном. Да если бы только эта...

Вероятно, я никогда бы не вспомнил эпизод почти пятнадцатилетней давности, если бы не попались мне на глаза 8 и 9 книжки журнала "Дружба народов" за 1986 год с романом Юлиана Семенова "Межконтинентальный узел".

Листая роман, наткнулся я на поразивший меня пассаж, который хочу привести здесь полностью. Герой книги, западный журналист, в Женеве рассказывает коллеге следующую историю:

"Так вот, жил в России великолепный врач, один из лучших проктологов мира, профессор Файн. Жил он там, как говорят, хорошо, просто очень хорошо, причем по нашим (западным — *М.П.*) меркам, замечать себе. Но его не назначили директором института после смерти шефа, и профессор, обидевшись, уехал. В Оттаве его знали, он бывал там на конгрессах. Получил этаж в клинике, совершенно неслыханное дело — всех эмигрантов заставляют сдавать экзамены и требуют абсолютного знания языка! Вскоре о нем заговорили не только в Оттаве, но и в Штатах. И вот однажды из Нью-Йорка к нему прилетел какой-то финансовый воротила. Файн сделал ему блестящую операцию. Прощаясь с пациентом, он поинтересовался: "Кто вас до меня оперировал?" Тот ответил: "Профессор Ливенброк". Файн засмеялся: "Я бы этому самому Ливенброку руки отшиб. Он же мог сделать вас полным инвалидом, опоздай вы ко мне на неделю". Пациент не сказал ни слова, вручил ему чек, еще раз поинтересовался, когда сможет начать половую жизнь, и вернулся в Штаты. А там, опробовав себя, позвонил своему адвокату и предложил начать процесс против этого самого Ливенброка. "Пусть возместит нанесенный моему здоровью ущерб! Ему бы руки сломать за то, что он со мной сделал, и сказал это не кто-нибудь, а спаситель мой, Файн!"

Как только адвокат зашевелился, профессор Ливенброк — он не иммигрант, местный — обратился за помощью в раввинат; там нажали кнопки; в Оттаве появились статьи о том, что Файн занимается клеветой на своих коллег, ему неизвестно понятие врачебной этики и элементарного чувства корпоративности. Беднягу лишили его этажа в клинике — давление было весьма серьезным, исполновились все проктологи.

Файн попытался открыть свой госпиталь — куда там! Это же миллионное дело! Улетел в Европу; однако его и там д о с т а л и: когда устроился в боннскую клинику, появились статьи, инспирированные из Нью-Йорка, о неэтичном поведении профессора; погнали взащей и из Германии... Говорят он несколько дней ходил вокруг русского посольства, а потом вернулся в свой пансионат и повесился в туалете..."

Зная литературную манеру Юлиана Семенова, который постоянно вкрапливает в свои выдуманные шпионские романы подлинные факты и документы, я приуныл: очевидно, шатаясь по заграницам, сочинитель действительно узнал где-то о гибели профессора Файна. Иначе зачем ему было все это писать?... Вскоре случилось мне побывать в Канаде. В Торонто и Монреале я расспрашивал местных медиков, из числа недавних эмигрантов, о судьбе Файна. Никто об этой истории ничего не слышал. Позвонил я в Оттаву, редактору местной русской газеты. "Нет, никто такого события в нашем городе не помнит, — ответил тот. — Скорее всего ситуация выдумана писателем. Или перед нами случайное совпадение выдумки с реальностью". Какая там выдумка? В рассказанном эпизоде с подлинными обстоятельствами совпадает не только фамилия профессора, но и его сравнительно редкая в Советском Союзе медицинская специальность, а, главное, причина, побудившая Файна эмигрировать из СССР. Я продолжал расспрашивать знакомых. К счастью или нет, русская эмигрантская среда в Америке наредкость

звукопроницаема. Вскоре мне попался человек, лично знакомый с доктором Файном. Оказалось, хирург-проктолог жив и здоров, но искать его надо не в Канаде и Германии, а в США, точнее в городе Лос-Анджелесе.

Получив номер телефона, я позвонил в Калифорнию. "Да, да, — раздался в трубке мягкий, приятного звучания голос, — я тот самый Самуил Файн. Да, слышал, что Семенов меня повесил. Но, как говаривал еще Марк Твен: "слухи о моей смерти сильно преувеличены". Не знаю, чем уж я не угодил этому писателю. Когда-то в поликлинике Литфонда он был моим пациентом. Может быть, обезболивание тогда не сработало..." Я попросил доктора Файна написать мне о себе и вскоре в Нью-Йорк пришло его письмо. Биография впечатляющая. Аспирантуру проходил в Москве с 1955 по 1957 в Институте им. А.В.Вишневского, где директором тогда был Александр Александрович Вишневский. Там же Файн защитил в 1959-м кандидатскую диссертацию. А.Вишневский порекомендовал его в качестве сотрудника профессору А.Н.Рыжих. Файн занялся новой тогда еще у нас проктологией. Этой области посвятил докторскую диссертацию (1965). Заведовал в клинике у Рыжих отделением клинической онкологии. Вдвоем они оборудовали новое здание проктологической клиники в Москве, консультировали молодых проктологов Ленинграда, Риги и других городов. Рыжих умер в 1969 г. Смотреть на то, как назначенный из министерства чиновник разваливает клинику, стало невмочь: Файн покинул страну в 1973 г. Вот уже 14 лет живет в Лос-Анджелесе. Работает по своей специальности. Ведет прием в собственном кабинете, который открыл в престижном районе города — Сечури Сити. Оперирует в нескольких клиниках. Продолжает научную работу. Д-р Файн опубликовал 130 научных трудов, из них два десятка на Западе. Выпустил в 1983 г. по-английски книгу "Хирургическое лечение рака прямой кишки". Файн часто выезжает на научные конференции; читал доклады во Франции, Германии, Японии. В 1986 г. выступил на Всемирном онкологическом конгрессе в Будапеште. Коллеги знают его также как одного из авторов сшивающего аппарата для анастомоза кишок. Аппаратом этим сейчас широко пользуются в клиниках Америки и Европы, западной, разумеется. "Живу хорошо..." — пишет доктор Файн.

Есть в его письме еще одна деталь, которую вспоминает он с явным удовлетворением. Собираясь покинуть Советский Союз, зашел Файн к прежнему своему учителю А.А.Вишневскому. Герой соцтруда, увешанный несчетным числом всевозможных наград, директор Института хирургии, Вишневский, узнав о предстоящей эмиграции ученика, сказал: "Правильно делаешь. Пошли ты их на три буквы. С такими руками, как твои, ты нигде не пропадешь." Доктор Файн, как видим, в эмиграции действительно не пропал. Но, разумеется, его огорчила фальшивка, сочиненная бывшим пациентом, членом Союза писателей СССР Юлианом Семеновым. В письме ко мне доктор Файн пытается понять, зачем именно романисту понадобилось использовать его имя. Чтобы ответить на вопрос "зачем?", попробуем проследить за литературной карьерой автора романа "Межконтинентальный узел".

Мне вспоминается, что всякий раз, когда в компании писателей речь заходила о Юлиане Семенове, коллеги загадочно улыбались и как-то зябко поводили плечами. У людей сколько-нибудь серьезных личность эта вызывала, мягко выражаясь, сомнение. Семенов, впрочем, ничего не скрывал, он делал карьеру стремительно, откровенно цинично и с блеском. С "органами" связался, надо полагать, очень рано, мальчишкой, когда, закончив Институт востоковедения, получил направление в Афганистан. Отношения с КГБ крепили из года в год. И не только по служебной линии. Женился Семенов на дочери Сергея Михалкова. В серьезном исследовательском труде Джона Баррона "КГБ. Секретная работа советских агентов" (Нью-Йорк, 1974 г.) тесть Юлиана Семенова С.Михалков и теща его, детская писательница Наталья Кончаловская, именуются несомненными агентами госбезопасности. Впрочем, московские литераторы это и без Баррона знали. Так или иначе, удачная женитьба распахнула перед Ю.Семеновым двери издательства и всякие иные двери.

Как писатель Юлиан Семенов — дитя послесталинской оттепели. Его первый роман "Дипломатический агент" (1959) родился на волне хрущевской дозволенности. Принято считать, что такие вот послабления сверху, дарующие российской литературе глоток

свежего воздуха после многолетнего удушья, несут писателю и читателю только благо. Это не всегда так. Во временно приоткрытую властями дверь проскальзывают не только "Мастер и Маргарита", стихи Гумилева и "Доктор Живаго", но и множество прихлебательского литературного мусора. Послаблением пользуются прежде всего те, кто в обстановке литературной весны ищут возможности выгодно спекулировать на "новых" темах и сюжетах. Среди прочего, хрущевская оттепель благословила жанр "полицейского романа". Не принятое при Сталине прославление героев милиции и угрозыска было разрешено в середине 50-х. И вот уже треть века жанр этот неплохо кормит, к примеру, Аркадия Адамова ("Дело пестрых", далее везде). Другой продукт послесталинской оттепели — Валентин Пикуль. Этот воспользовался порой дозволенности, чтобы одарить читателя кучей псевдоисторических романов с откровенно шовинистическим душком. До начала 60-х такие исторические игры оставались под запретом. Не смели писатели сталинской эпохи касаться и такой деликатной области, как внутренняя механика советского шпионажа. Юлиан Семенов уловил тот миг, когда стало возможно не только воспевать отдельных рыцарей Дзержинского ("Дипломатический агент"), но и создать литературный жанр, смысл которого — объявление советского шпиона героем эпохи, а КГБ — прибежищем благородства, мужества и чести. Способность улавливать подходящие моменты для очередного шага по карьерной лестнице — талант далеко не всем отпущенный...

Пользуясь полным доверием своих шефов, Семенов объехал весь мир. Особенно охотно избирает он горячие точки планеты, где советские агенты ведут подготовку к очередной операции. Его собеседниками были Хо Ши Мин и Альенде, а уж европейским его вояжам и беседам просто нет числа. Ведь главная тема его книг — злодеяния западных спецслужб. Советский Джеймс Бонд? Бери выше! В одной из своих книг ("Лицом к лицу") он объявляет себя не агентом 007, а агентом 001. С этим согласны и многие западные органы печати. В апреле 1987 г. американский журнал "People" писал, что Юлиан Семенов "работает на КГБ".

Бездарным его не назовешь. Начитан. Реалии того мира, который описывает, очевидно, знает. Но, главное, хитер и, как и многие преуспевающие ныне советские писатели, хочет заработать свой миллион, но одновременно и не потерять окончательно уважения людей порядочных. Поэтому в книгах своих крайнего лизоблюдства не допускает и пошлых лозунговых конструкций избегает. При всем том Юлиан всегда на службе и никогда не забывает с чьей помощью объездил он мир, завел в Крыму шикарное поместье и сменил ЗИМ на более достойную его положения машину "Вольво". "Убийство" профессора Файна в романе "Континентальный узел" — одна из служебных акций писателя-агента. Вся жизнь его (и не только литературная) полна таких акций. В 1975 г., когда мир зачитывался "Архипелагом" Солженицына, Юлиан Семенов приехал в Соединенные Штаты, чтобы убедить американских журналистов в том, что КГБ отнюдь не такая уж скверная организация, как некоторые о ней пишут.

Сейчас, насколько можно судить по его творчеству, Семенов брошен на эмигрантскую тему. В романе "Аукцион" (1985) героями его оказались бывшие советские граждане, работающие на радио "Свобода" в Мюнхене и Париже. Описывает он этих "отщепенцев" довольно корректно, подчеркивая, разумеется, что манипулирует эмигрантской публикой американская разведка. Проблема эмиграции особенно беспокоит сейчас Москву в связи с тем, что по причинам внешнеполитическим Горбачев увеличил в последнее время выпуск отказников-евреев. Эта акция вызвала ажиотаж среди еврейских активистов и российских интеллектуалов. КГБ сочло, вероятно, необходимым ажиотаж сей притушить. Параллельно с ростом эмиграции в советской прессе начали публиковать рассказы резмигрантов о тяготах и бедах западной жизни; были сделаны также попытки переташить в Советский Союз несколько видных эмигрантов, добыты были выгодные для советской пропаганды интервью с писателем Э.Севелой и художником М.Шемякиным. Исполнил партию в этом концерте и Юлиан Семенов. Сообщив на страницах журнала "Дружба народов" о несчастной судьбе и безвременной гибели на Западе профессора Файна, человека в Москве хорошо известного и уважаемого, он еще раз поддержал тезис советской пропаганды о том, что эмиграция — зло, а эмигрантов из СССР за пределами Родины не ждет ничего хорошего.

Писатель и его шефы несомненно достигли желаемого результата. После выхода "Дружбы народов" один советский эмигрант в Америке сообщил своему брату в Москву, что лечится у доктора Файна. "Какой Файн? Проктолог? Но ведь он покончил с собой. Мы читали..." Так в Лос-Анджелесе стало известно о романе Юлиана Семенова. А вскоре по адресу семьи медика-"самоубийцы" стали приходить письма с соболезнованием. Его советские пациенты были глубоко опечалены ситуацией, о которой прочитали в романе. Боюсь, что даже сейчас, после опровержения моего, не все поверят, что эпизод из сочинения Ю.Семенова — просто ложь. В отечестве нашем к партийному печатному слову привыкли относиться почтительно...

Письмо ко мне доктор Самуил Файн заканчивает следующими словами: "Сделав меня своим героем, Семенов попытался показать, что эмигранты из СССР, даже владея хорошей профессией, не способны устроить свою жизнь в Америке. Реальные факты его, разумеется, не интересуют. Перед нами, пользуясь словами Ленина, "очень своевременная книжка". Она написана и опубликована в журнале с большим тиражом в тот самый момент, когда вопрос о эмиграции евреев (и не только евреев) из СССР сдвинулся наконец с мертвой точки. В своей заметке, опубликованной в первом номере журнала "Страна и мир" за нынешний год, Вы писали, что не знаете, где именно находится Главный штаб нынешней либерализации: на Старой ли площади в здании ЦК КПСС или на площади Дзержинского во дворце КГБ. Боюсь, что штабов таких все-таки два, но действуют они достаточно согласованно." ●

Марк Поповский

Эрл Х. УИЛЬЯМС
(Северная Каролина, США)

КРИЗИС ГЕТТО

В одно прекрасное весеннее утро в негритянском районе большого американского города родился мальчик. Его появление на свет не доставило радости матери; зная, что ожидает ее дитя в будущем, она залилась слезами... Спустя четырнадцать лет, в дождливый осенний вечер, ее сын был убит неграми-бандитами.

Такой геноцидный цикл "жизнь-смерть" тысячекратно протекает из года в год в городских негритянских кварталах.

Но куда же девался тот, кто дал жизнь этому мальчику? Где его отец, который мог бы и должен был бы направить его по правильному жизненному пути и тем самым спасти ему жизнь? Почему в негритянских "гетто" так много семей без мужчин?..

Я сам — негр. Окончил высшее учебное заведение и занимаюсь научными исследованиями по вычислительной технике. Моя жена — преподаватель университета в Северной Каролине. У нас трое детей. Мы живем в одном из крупнейших городов США, и мне почти ежедневно приходится сталкиваться с результатами распада традиционного семейного уклада. Я вижу, как разрушаются целые социальные слои.

Справедливости ради надо сказать, что далеко не все черные — преступники или бедняки. Очень многие преуспевают профессионально, среди негров немало деловых людей, причем именно в этой среде наблюдаются самые стойкие семьи. Но, в отличие от черных — представителей среднего и высшего среднего классов, жители бедных негритянских районов больше всего страдают от безотцовщины и распада семей.

Проблемы негритянских семей в городском черном гетто являются частью такой же проблемы всего общества в целом. Стоит ли удивляться большому проценту матерей-одиночек среди негритянского населения, если по статистике в США в целом 50% браков заканчиваются разводами? Можно ли удивляться все возрастающему количеству внебрачных детей в негритянских районах, если в стране господствует принцип вседозволенности?

Почему нас возмущает преступность в негритянских кварталах, когда она цветет пышным цветом и среди "белых воротничков", обитателей фешенебельных районов? Различия только в "качестве" преступлений. В негритянских гетто они гораздо опаснее и чаще заканчиваются кровопролитием.

Почему? Не потому ли, что жизнь целых поколений исковеркана тем, что дети выросли без отцов, без руководителей и наставников? Отцы убегают от своих жен и детей.

Корни этой проблемы надо искать в прошлом негритянского народа. Черные семьи не всегда были нищими и пороковыми. Когда-то, даже в самые тяжкие для негров времена — во времена рабства, — у них было сильно развито чувство ответственности за своих близких. Если даже кто-либо из членов семьи был продан другому владельцу, родственные, сердечные и законные связи с ним не порывались. И если невольник, рискуя жизнью, бежал от хозяина — а это бывало нередко, — то главным образом для того, чтобы попытаться вызволить из рабства семью.

После отмены рабства, даже в условиях крайней дискриминации и сопутствующего ей унижения, негритянские семьи оставались сплоченными, и родственные связи в них даже укреплялись. В трудные времена, наступившие после Гражданской войны (1861—1865), негр-мужчина всегда глубоко ощущал себя главой семьи и трудился до изнеможения, чтобы прокормить домохозяев. Нередко сыновья работали бок-о-бок с отцами, что способствовало укреплению их взаимоотношений. Работа была нелегкой: негры были заняты преимущественно в сельском хозяйстве и на неквалифицированных работах. Тяжелый труд главы семейства обеспечивал ему — добытчику-кормильцу и защитнику — уважение всех членов семьи. И это отношение, в свой черед, укрепляло его самоуважение. Мужчина-негр чувствовал себя опорой семьи, мужем и отцом. Проповедники традиционной "негритянской церкви" также поддерживали у своих прихожан ощущение устойчивости, неизменности мира и справедливости общественного строя. "Нужно только быть терпеливым и безропотно переносить все тяготы, и все будет постепенно улучшаться", — учили негров проповедники.

После Первой мировой войны многие черные семьи стали перебираться из южных штатов в "страну обетованную", в крупные североамериканские города, где возможности заработка были несравненно больше... так, во всяком случае им казалось. Твердая вера в лучшее будущее и добросовестное выполнение тяжелой работы перевешивали недостаток квалификации и помогали преодолевать предрассудки, с которыми неграм постоянно приходилось сталкиваться. У чернокожих потомков рабов была только одна цель — улучшить материальные условия семьи. И мало-помалу они добивались своего.

В период миграции на север негритянские семьи оставались такими же сплоченными и богобоязненными, как в эпоху рабства. Согласно результатам обследования, проведенного в Нью-Йорке в 1925 г., из каждых шести негритянских детей пятеро жили в семье с отцом и матерью. Чувство ответственности перед семьей, уважение к главе семьи, готовность к тяжелому труду и религиозность способствовали устойчивой и обеспеченной жизни негров в больших городах севера США.

К 1948 г. занятость мужчин-негров достигла своего пика и превысила занятость белых. Появились даже, правда, поначалу еще малочисленный, процветающий средний класс высокообразованных негров. Но даже неквалифицированные рабочие все еще могли найти достаточно хорошо оплачиваемые должности и прокормить свои семьи.

Однако в начале 1950-х годов число работающих негров, особенно мужчин, стало уменьшаться, что пагубно отразилось на их положении в семье. В настоящее время работу имеют всего 54% негров-мужчин рабочего возраста. Но еще более тревожен тот факт, что одновременно, с 1960 г. мужская популяция в возрасте свыше 18 лет увеличилась вдвое.

Что же произошло с неграми — главами семей, с этими людьми, у которых было так сильно развито чувство ответственности перед семьей? Эти религиозные, но необразованные работники не смогли противостоять бурному техническому прогрессу, происходившему во всех сферах деловой жизни Америки.

В прежней сельскохозяйственной и промышленной Америке выполнение тяжелой неквалифицированной работы помогало им "держаться на плаву". Но в 1960—1970 гг. в обществе, где "мужественность" определялась способностью "делать деньги", они себя потеряли. Большинство их так и не сумело понять, что для выживания в технически развитом обществе, в условиях жестокой конкуренции, их мускульная сила и добросовестность потеряли свою ценность.

Все это и послужило предпосылкой для зарождения новой морали — вседозволенности. Благом стало считаться то, что доставляет человеку радость. Какую и каким обра-

зом — не имеет значения. Начиная с конца 1960-х гг., негритянская молодежь, не получившая требуемой квалификации и утратившая былые нравственные качества, которые прежде внушались ей главой семьи, ныне потерявшим свой авторитет, оказалась за бортом общества. И она создала свою особую субкультуру, свою собственную мораль, основанную на принципе: "Не тронь меня, а то будет плохо!"

Традиционная роль мужчины, как отца и главы семейства, кончилась. И вместе с этим кончилось и ощущение ответственности за детей и обязательств перед женой. Устойчивому браку мужчины предпочитают случайные связи, не накладывающие никаких обязательств. Бросив тяжкий труд, они стали заниматься более легким и прибыльным делом — продажей наркотиков, сводничеством, грабежами.

Так в негритянских районах больших городов США зародился особый стиль жизни. В условиях этой субкультуры рождались и умирали целые поколения, не знавшие своих отцов. Мужчины производили детей, которые, выросши, следовали по тому же порочному кругу. В результате этого нового стиля жизни основной причиной смерти среди негров-мужчин стал теперь не рак и не сердечно-сосудистые заболевания, как у остального населения, а насилие. Каждый негр имеет 29 шансов из 100 умереть от руки своего же единоплеменника.

Немалый процент потенциальных отцов не в состоянии выполнять свои обязанности по отношению к детям потому, что большую часть жизни они проводят в тюрьмах, а если они на свободе, то чаще всего опьянены алкоголем или одурманены наркотиками.

Вот почему среди негритянских семей так много детей без отцов.

Говорят, что "дети — наше будущее". Это прекрасно понимали невольники, освобожденные в 1863 г., и они всячески стремились к тому, чтобы их дети стали действительно свободными людьми. А теперь, в наш просвещенный век, их потомки оказались рабами невежества, нищеты и преступности.

Проблему освобождения негритянских детей от этих оков нужно разрешать, начиная с пеленок. Поскольку они обычно живут с матерью-одиночкой, нужно, прежде всего, научить мать воспитывать своих детей. Надо убедить черных матерей, большинство которых существуют на государственное пособие "вэлфер" (welfare), привыкли к этой даровой подачке и удовлетворяются ею, что жить таким образом — не такое уж благо; что, приложив некоторые усилия, женщины могут подняться над уровнем гетто. Повышение образовательного уровня матерей придаст им чувство самоуважения и усилит уважение детей. Когда негритянки поймут, что их жизнь, наполненная трудом, может быть лучше и полнее, чем на вэлфере, они будут стремиться выбраться из негритянского гетто с его нищетой, наркоманией и преступностью. А это облегчит их детям путь к нормальному существованию и образованию.

А что мы наблюдаем сейчас? Негритянские малыши даже не понимают, что в школе нужно сидеть спокойно и слушать учителей, а старшие ребята норовят поскорее удрать из класса, чтобы болтаться на улице. Поэтому основная задача преподавателей в школах негритянских районов — это не только обучение грамоте и арифметике, но и внушение ученикам понимания того, что радости жизни состоят не только в воровстве и поножовщине, и что жизнь на улицах — прямая дорога к смерти.

С детьми старшего возраста нужно неукоснительно проводить сексуальное воспитание, потому что, согласно данным статистики, большинство несовершеннолетних матерей-одиночек — черные девочки-школьницы из негритянских районов. Когда-то всеми этими проблемами занималась церковь, но в настоящее время ее влияние значительно ослабло. ●

ВСЕ НЕ ТАК ПРОСТО...

У меня нет сомнения в искренности автора статьи. Описывая тяжелое положение, в котором находятся сегодня многие негритянские семьи Америки, негр-ученый Э.Х.Уильямс приводит убедительные доводы в пользу своего тезиса, что именно массовая безотцовщина в негритянских семьях создает обстановку, когда дети не получают должного воспитания и образования, становятся беспризорниками и в конечном счете преступниками. Безотцовщина действительно вещь серьезная. Миллионы детей послевоенной России знают это по-своему собственному горькому опыту.

Есть, однако, немало фактов, говорящих о том, что крушение негритянских семей вызвано вовсе не теми причинами, о которых пишет Э.Х.Уильямс. Технологическая революция 60-х гг. почему-то не застала врасплох миллионы людей разных национальностей, проживающих на территории

Соединенных Штатов. Нашли свое место в изменяющемся мире и пришельцы из Азии, и многие южноамериканцы, у которых в начале их эмиграции не было не только специального образования, но и английского языка. Как это ни покажется странным, многие социологи в качестве роковой для негров причины их неудач в социальном соревновании называют "вэлфер" – государственную помощь неимущим.

Такая помощь с давних пор оказывалась в Америке вдовам, инвалидам и престарелым. Она никогда не считалась чем-то имеющим отношение к политике. Политический характер вэлферу впервые придал президент Дж.Ф.Кеннеди, который значительно расширил государственную помощь неимущим, предоставив ее очень многим категориям "бедных".

Преемник Кеннеди президент Линдон Джонсон утвердил законопроект о вэлфере, который вошел в силу в 1964 г. В 1965 г. денежная помощь неимущим была дополнена "фудстемпами" (food-stamps) – продовольственными талонами, составляющими одну треть их денежного содержания. Фудстемпы – это вовсе не карточки, как можно подумать, судя по некоторым публикациям в советской печати. Это своего рода деньги, на которые, однако, можно купить только продукты питания. На фудстемпы семья получателей вэлфера могла по ценам начала 60-х гг. полностью обеспечить себя питанием. Вслед за тем государство обеспечило неимущих граждан бесплатной медицинской помощью. Была введена так называемая 8-я программа, в соответствии с которой государство оплачивало три четверти квартирной платы неимущих.

В новом "кеннедиевском" варианте вэлфер, которым до того пользовались лишь немногие, как правило, белые – старики и калеки, вдруг превратился в широкую программу помощи черному населению. Число нахлебников программы государственной социальной помощи начало стремительно расти прежде всего за счет негров. В 1957 г. вэлфершиков было чуть больше двух миллионов, в 1967 их стало уже 5 миллионов, в 1970 – 8,5 миллиона. К концу 1982 г. число это достигло 11 миллионов человек! При этом резко изменился состав получателей помощи. К 1975 г. большую часть получателей помощи составили матери-одиночки, в том числе много черных несовершеннолетних девочек.

Возникло парадоксальное положение – именно получение материальной помощи от государства способствовало появлению среди негритянского населения иждивенческих настроений, упадку нравственности, развитию безответственного отношения к семье. Мужчины стали чаще уходить от жен и детей, молодежь, пристрастившаяся к наркотикам, стала покидать школу, не достигнув и восьмого класса. А некоторые женщины вообще превратили деторождение в доходный промысел: как только старший ребенок подрастает настолько, что мать может снять с вэлфера, она тотчас беременеет вновь, причем как правило от разных и неизвестных отцов. Затем из тех же самых побуждений – ради получения вэлфера – принимают рождать и ее дочери... И так из поколения в поколение.

Хотя негры составляют немногим больше 10% населения США, доля негров – заключенных превышает 50%. Рассадником преступности являются негритянские кварталы больших городов страны. Там обитают миллионы никогда не работавших людей. У многих из них и родители тоже никогда не работали. Вэлфер годами обеспечивал им достаток, а все, что сверх того, они сами себе добывали, действуя ножом и пистолетом.

По данным полиции, в негритянских кварталах американских городов преступность в 24 раза выше, чем в других городских районах. Главной причиной преступности, как утверждают социологи, является массовая наркомания. Большую часть нападений и убийств черные совершают в состоянии наркотического дурмана. Да и деньги им нужны главным образом на покупку наркотиков, все остальное у них есть. Социологи четко связывают преступность в негритянских кварталах с вэлфером. На вэлфере пребывает на сегодня пять миллионов негров. Они и составляют сегодня наиболее опасную в социальном плане часть населения страны. Ни для кого уже не секрет, что государственная помощь "бедным", задуманная как благодеяние в либеральном понимании этого слова, стала губительной для черного населения. Вэлфер задержал приобщение черных американцев к общей культуре, породил у них иждивенческие настроения и, в конце концов, ограничил их существование тем самым "черным гетто", где, как справедливо говорит Эрл Х.Уильямс, только и остается заниматься, что наркоманией и преступлениями.

Сейчас американское правительство обеспокоено тем, как, с одной стороны, сократить разбухший бюджет вэлфера, а с другой – не лишить средств к существованию тех, кто действительно в помощи нуждается. К мерам такого рода относится, в частности, организация так называемых Business school, учебных заведений, где лица, получающие вэлфер, могли бы приобрести профессию. Учащиеся этих школ, рассчитанных на полтора года обучения, получают деньги не только на обучение, но и на проезд в городском транспорте. Окончивший Business school получает диплом, соответствующий диплому об окончании средней школы, и документ о приобретенной профессии. Те же, кто бросает учение, лишаются вэлфера. Кроме Business school, правительство организует для молодежи, получающей вэлфер, курсы полового просвещения, где среди прочего обучают применению противозачаточных средств. Есть и другие государственные программы, цель которых – побудить негров освоить полезные профессии и стать тружениками. Однако найти радикальный выход из положения, разорвать порочный круг, порождающий философию социальных нахлебников, нелегко. ●

Игорь ЕФИМОВ (Нью-Джерси, США)

СТИХИ КАК ОТДЫХ ОТ ФИЛОСОФИИ

Поэзия Владимира Соловьева

I

Племянник знаменитого философа, Сергей Михайлович Соловьев, написавший его биографию ("Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева", Брюссель, 1977), говорит во введении к ней:

"Он никогда не мог пристать ни к одному из "двух враждебных станом", ни к советской культуре, ни к церковному аскетизму, ни к западникам, ни к славянофилам, ни к представителям свободной мистики, ни к носителям церковного авторитета. Между тем стремление к действию, к влиянию на общество, к проведению своих идеалов в жизнь побуждало его заключать временные сделки с тем или другим лагерем и даже, как он сам выражался, "вести дипломатию".

Естественно, что со смертью Соловьева начался ожесточенный спор за его наследие и, как говорит Андрей Белый, "разнообразные, бессмысленные касты причли его к своим". Те касты, которые при жизни философа в один голос кричали ему: "Ты — не наш!", теперь с не меньшим ожесточением закричали: "Он — наш и только наш!"

Действительно, философские, исторические и религиозные взгляды Владимира Соловьева заметно менялись на протяжении его жизни. В юности он был славянофилом и защитил в 1874 году магистерскую диссертацию "Кризис западной философии (против позитивистов)", которая имела огромный успех, о которой восторженно писали Страхов, Суворин и другие авторы консервативного лагеря. В зрелые же годы Соловьев все больше склоняется к западным и либеральным идеям, тайно принимает католичество. После защиты докторской диссертации ("Критика отвлеченных начал") он поступает в 1880 году на государственную службу и начинает преподавательскую карьеру в Петербургском университете. Но в марте 1881 г., во время публичной лекции он заявил во всеуслышание, что во имя христианской правды Александр Третий должен помиловать убийц своего отца. (Вспомним, что с таким же призывом в личном письме обратился к царю и Лев Толстой.) Разразился скандал, в результате которого Соловьеву пришлось подать в отставку. В дальнейшем его отношения с официальным миром империи становятся крайне напряженными. Цензура запрещает его статьи и лекции. Для опубликования огромного труда "История и будущность теократии" ему пришлось отправиться в Загреб. Две другие книги он публикует по-французски в Париже, предвосхищая традиции русского Тамиздата.

Примечательно отношение к Соловьеву такого последовательного архиконсерватора, как Константин Леонтьев. Идеи Соловьева о слиянии русского царства с папским Римом, католичества с православием манили "византийца" Леонтьева, и за них он готов был простить философу даже его либерализм. Но когда в 1891 году Соловьев выступил с лекцией "Об упадке средневекового миросозерцания", где критиковал представление о вере в религиозные догматы как о единственном пути спасения, Леонтьев был так возмущен, что в письмах называл его "сатаной". Соловьев же уходил от "византизма" все дальше и в 1894 году писал в стихотворении "Панмонголизм":

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И все твердят льстецы России:
Ты — третий Рим, ты — третий Рим.¹

Оставаясь всю жизнь верующим христианином, Соловьев так и не ощутил себя накрепко привязанным к какой-то одной из ветвей христианства. Он уклонялся и в мистицизм, и в спиритуализм, и в теософию, интересовался иудаизмом. Его теоретическая и практическая защита еврейства вызывала рукоплескания одних и гневное возмущение других. В шуточном стихотворении 1894 года, посвященном "гг. Страхову, Розанову, Тихомирову и К^о", Соловьев так описывает свою эволюцию:

Я был ревнитель правоверия,
И съела бы меня свинья,
Но на границе лицемерия
Поворотил оглобли я...

Стал либерал такого сорта я,
Таким широким стал мой взгляд,
Что снять ответственность и с черта я
Ей-богу, был бы очень рад.

Напрасный труд — искать в энциклопедиях кратко сформулированную философскую концепцию русского мыслителя. Соловьев-философ все время в движении, все время в поиске, все время в страстном диалоге с мыслителями прошлого и настоящего. Его философия неотделима от его творческого пути и может быть реконструирована только как история бесконечных исканий идеального синтеза противоречивых концепций и жизненных реалий.

Не то в поэзии.

При чтении сборника стихов Соловьева (поэтическое наследие его невелико: около 200 стихотворений, включая переводы) очень скоро ухо начинает улавливать за строками некий эмоциональный рефрен, устойчивую мелодию, возникающую с разными вариациями снова и снова. Так же устойчивы и поэтические пристрастия Соловьева. В русской поэзии ему дороже всего Жуковский, Тютчев, Фет, Майков, Полонский. Пушкина он любит искренне, но не может задавить в себе моралиста, когда пишет о нем. Лермонтова объявляет гениально одаренным, но подчинившим себя голосу низменных страстей, прежде всего гордыне, — и не исполнившим своего высокого предназначения. Но не менее чужда ему дидактичность Некрасова, о котором он пишет так:

Восторг души расчетливым обманом
И речью рабскою — живой язык богов,
Святыню муз — шумящим балаганом
Он заменил и обманул глупцов.

О чем же с такой настойчивостью и постоянством поет нам соловьевская муза? Так как в нашем изменчивом мире корни и истоки всякого постоянства следует искать в сфере трансцендентальной, попробуем проследить, как связан поэтический мир Соловьева с его мистическим опытом.

¹

Стихи В.С.Соловьева цитируются по изданию: Владимир Соловьев, "Стихотворения и шуточные пьесы". Ленинград, 1974.

II

Поэма Соловьева "Три свидания" стоит особняком в его творчестве. Во-первых, за исключением пьес, она является его самым длинным поэтическим произведением. Во-вторых, она абсолютно конкретна в части описания людей, событий, обстановки, хотя повествует о встречах поэта с миром потусторонним. В-третьих, возвышенность ее тона гармонично сочетается с иронией — редкий случай для поэта, в сборниках которого шуточные стихи обычно печатаются отдельно.

Написанная за два года до смерти (1898 г.), поэма снабжена примечанием:

"Осенний вечер и глухой лес внушили мне воспроизвести в шутивных стихах самое значительное из того, что до сих пор случилось со мною в жизни. Два дня воспоминания и созвучия неудержимо поднимались в моем сознании, и на третий день была готова маленькая автобиография, которая понравилась некоторым поэтам и некоторым дамам."

"Самым значительным" в своей жизни Соловьев считал три эпизода, три встречи с неведомым, когда его внутреннему взору явился прекрасный женский образ, завладевший его воображением на долгие годы. Первый раз это случилось, когда поэту было всего девять лет и он был влюблен по-детски в девочку-ровесницу.

Страстей поток, — бесследно вдруг иссяк он.
Лазурь кругом, лазурь в душе моей.

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылась в туман.

И детская любовь чужой мне стала,
Душа моя — к житейскому слепам...
И немка-бонна грустно повторяла:
"Володинька — ах! слишком он глупа!"

Второе "свидание" состоялось много лет спустя, когда автор — теперь уже ученый магистр — занимался в библиотеке Британского музея.

И вот однажды — к осени то было —
Я ей сказал: "О божества расцвет!
Ты здесь, я чувю, — что же не явила
Себя глазам моим ты с детских лет?"

И только я помыслил это слово,
Вдруг золотой лазурью все полно,
И предо мной она сияет снова —
Одно ее лицо — оно одно.

Третья встреча происходит в Египте, в пустыне, куда поэт-философ отправляется, повинувшись невинному зову.

...И я уснул; когда ж проснулся чутко, —
Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами полными лазурного огня,

Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Что есть, что было, что грядет веки —
Все обнял тут один недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.

Все видел я, и все одно лишь было —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, —
Передо мной, во мне — одна лишь ты.

Если мы поверим прямому заявлению поэта в примечании к поэме и будем считать "Три свидания" произведением действительно автобиографическим, очень многое прояснится для нас и в других его стихах. Столь частое в них обращение к женщине в большинстве случаев не имеет в виду конкретную возлюбленную, а как правило Ее: Софию-премудрость, "Деву радужных ворот", Любовь, мировую гармонию.

Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи —
Кто-то здесь... Мы вдвоем.
Прямо в душу глядят лучезарные очи
Темной ночью и днем.

Тает лед, расплываются хмурые тучи,
Расцветают цветы...
И в прозрачной тиши неподвижных созвучий
Отражаешься ты.

Видимо, впечатление, произведенное этим образом, было таким ярким, сильным и радостным, что Соловьев на всю жизнь поверил ему гораздо больше, чем картинам реальной жизни, — "к земным делам душа опять слепа". Он не закрывает глаза на страдания, скорбь и грязь жизни, но дух его как бы получает прибежище, куда он может в любой момент укрыться от невзгод земного бытия. В стихах он пытается научить и свою земную возлюбленную подниматься над скорбью повседневности:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Порой Соловьев ведет себя в поэзии, как провидец на захваченном бурей корабле, которому открыта — единственному — тайна будущего спасения. И он пытается поведать эту тайну другим пассажирам, мечущимся в панике, охваченным предсмертным ужасом.

Когда узнаешь ты блаженство примиренья,
Когда твой ум поймет,
Что только в призраке ребяческого мненья
И ложь, и зло живет, —

Тогда наступит час — последний час творенья...
 Твой свет одним лучом
 Рассеет целый мир туманного виденья
 В тяжелом сне земном...

Предчувствие будущего всечеловеческого единства, примирения, гармонии подчиняет себе внутреннюю структуру большинства стихотворений. Как правило, они начинаются описанием смуты, бури, разлада — в природе или в человеческой душе, — а кончаются обещанием светлого дня, радостного утра, блаженства и покоя. Примеры таких концовок можно приводить во множестве.

Голос вещий не обманет.
 Верь, проходит тень, —
 Не скорби же: скоро встанет
 Новый вечный день.

Мощным потоком все думы людские обнимет,
 Цепь золотую сомкнет и небо с землей сочетает.

Чтоб смутных снов тяжелые виденья
 Бежали все от солнечных лучей,
 Чтоб на всемирный праздник возрожденья
 Явилась ты всех чище и светлей.

Монотонность такого построения нарушается в тех стихах, которые посвящены реальным возлюбленным. Дважды в своей жизни Соловьев был страстно влюблен. Примечательно, что обеих женщин звали Софья (София). С Софьей Петровной Хитрово Соловьев познакомился в 1877 году. Она была женой дипломата, много времени проводившего за границей. Имение Хитрово, деревня Пустынька, располагалась на берегу реки Тосна (под Петербургом), и Соловьев гостил там очень часто. Там же провел он и последний месяц жизни. В одном стихотворении 1881 года Соловьев так описывает предмет своей любви:

О, как в тебе лазури чистой много
 И черных, черных туч!
 Как ясно над тобой сияет отблеск Бога,
 Как злой огонь в тебе томителен и жгуч...

Были моменты, когда Соловьев помышлял о браке, в кругу родных называл Софью Петровну своей невестой. Хотя планам этим не суждено было сбыться, глубокое чувство связывало обоих до конца дней. К Новому 1894 году он шлет ей послание:

Власть ли роковая, или немощь наша Лишь бы только время, сокрушив неволю,
 В злую страсть одела светлую любовь, — Не взяло и силы любящих сердец,
 Будем благодарны, миновала чаша, Лишь бы только призрак несвершенной доли
 Страсть перегорела, мы свободны вновь. Не гляделся в душу, как живой мертвец.

Увлечение Софьей Михайловной Мартиновой было не таким длительным (всего год), но более пылким.

Три дня тебя не видел, ангел милый, —	Один я наверху стоял,
Три вечности томленья впереди!	Был с Богом неба и земли...
Вселенная мне кажется могилой,	О, как любовь все изменила.
И гаснет жизнь в измученной груди...	Я жду, во прахе недвижим,
Я был велик. Толпа земная	Чтоб чья-то ножка раздавила
Кишела где-то там в пыли,	Меня с величием моим.

Поэт позволяет себе даже не свойственную ему фривольность, например, в стихотворении "По случаю падения из саней вдвоем":

...Теперь, разделивши паденье,
Любовь разделить нам осталось.

От грязи тебя уберег я,
Простершись меж ней и тобою:
Так, верь мне, от всяческой злобы
Тебя я, мой ангел, покрою.

(Естественней в этом контексте было бы: укрою.)

Но и в стихах к земным возлюбленным тема близкого избавления от страданий, причиняемых бушеванием страстей, возникает снова и снова. Стихотворение к С.Хитрово, которое цитировалось выше ("О, как в тебе лазури чистой много..."), кончается строчками:

...Огонь стихий враждебных утолит,
И весь свой блеск небесный свод откроет
И всю красу земли недвижно озарит.

Или в более раннем стихотворении:

Зачем тебе любовь и ласки, Коль свой огонь в груди горит И целый мир волшебной сказки С душой так внятно говорит;	Когда в синюющем тумане Житейский путь перед тобой, А цель достигнута заране, Победа предваряет бой...
--	---

Профессор Юрий Щеглов назвал свою статью о поэзии Ахматовой "Поэтика обезболивания" (см. *А.Жолковский, Ю.Щеглов*. Мир автора и структура текста. Статьи о русской литературе. Тенафлай, 1986). Статью о поэзии Владимира Соловьева можно было бы назвать "Поэтика примирения". Тема грядущей гармонии, окончания людских раздоров, радостного слияния с высшим началом — вот настойчивый мотив, который пронизывает всю поэзию Соловьева.

Хоть мы навек незримыми цепями Прикованы к нездешним берегам, Но и в цепях должны свершить мы сами Тот круг, что боги очертили нам.	Все, что на волю высшую согласно, Своею волей чуждую творит, И под личиной вещества бесстрастной Везде огонь божественный горит.
--	---

III

Сборники стихотворений Вл.Соловьева трижды выходили при его жизни и шесть раз посмертно. Как поэт (хотя и не только в этом качестве) Соловьев оказал заметное влияние на символистов. Прекрасная Дама Блока — родная сестра Девы радужных ворот Соловьева. Критик З.Г.Минц пишет во вступительной статье к сборнику, выпущенному "Библиотекой поэта" в 1974 году: "...Влияния Соловьева наиболее отчетливо проявились в культе Прекрасной Дамы (Блок), в мистицизме "Золота в лазури" (А.Белый), в эсхатологии и мистико-схоластических выкладках Д.С.Мережковского, в символистской поэзии Вяч.Иванова, в запоздалом воспевании "небесной возлюбленной" у В.Пяста."

И тем не менее правомочен вопрос: заметил бы кто-нибудь Соловьева-поэта, не будь Соловьева-философа? Жива ли его поэзия и поныне, как жива поэзия любимых им Жуковского, Тютчева, Майкова, Фета, или она существует в русской литературе лишь как своеобразная реликвия?

Возможно, что если и жива, то лишь для немногих. Возможно, эмоциональный диапазон поэзии Соловьева остается таким узким, что считанные читатели сегодня могут искренне увлечься его стихами. Соловьев-поэт, с его настойчивым обещанием скорого избавления, порой напоминает счастливица с помилованием в кармане, который бродит среди других заключенных, среди нас, терзаемых то страхом, то тоской, ждущих Суда, приговора, казни, — бродит и не понимает, почему мы не верим ему, когда он говорит нам, что все кончится хорошо. Он не хочет признавать, что это лишь для него "цель достигнута заранее" и "победа предваряет бой". Мы не верим его оптимистическим обещаниям и обращаем свой слух к тем поэтам, из души которых земная неволя исторгает песни боли, тоски и надежды, столь созвучные нашей боли, нашей тоске.

Другое дело — читатель, любящий философию, способный с волнением переживать драмы абстрактного мышления. Для него поэзия Соловьева — яркий иллюминатор, позволяющий заглянуть во внутренний мир философа и проследить одну из самых драматичных коллизий — столкновение его представлений о Добре с представлениями о Красоте.

Не так уж много мыслителей поднялось до осознания глубинного антагонизма между этими двумя устремлениями человеческой души. Первым в их ряду можно назвать Платона:

"Кто же без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он, благодаря одному лишь искусству, станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых" ("Федр").

Но осознав все опасности, которые таит в себе неистовство Красоты для упорядоченности Добра, Платон решает изгнать художников из своего идеального государства. "Такие и подобные этим сказания — пусть не сердятся на нас Гомер и другие поэты — мы вычеркнем, не потому чтобы они не были поэтическими и приятными для слуха толпы, а потому, что чем более в них поэзии, тем менее позволительно их слушать детям и взрослым" ("Государство").

Во времена Соловьева антагонизм между этическим и эстетическим началом острее всего проявился в творчестве Льва Толстого и Фридриха Ницше. Толстой, стремившийся к победе Добра на земле, заявил, что лишь искусство, поучающее добру, имеет право на существование, а следовательно, Шекспир, со всеми его "неистовствами", — очень плохой писатель. Напротив, Ницше, дерзко разрушавший представления о едином для всех людей — без различия рангов — Добре, ставил эстетическое начало выше этического. "Жизнь стоит того, чтобы ее прожить, говорит Искусство — прекраснейший искуситель", — пишет он в "Рождении трагедии из духа музыки".

Опасную искусительную силу Красоты очень хорошо ощущал и Соловьев. Но для него, как и для Толстого, и сомнения не возникало, на чью сторону стать: конечно же, на сторону Добра. Вернее будет сказать, что для него такого выбора не существовало, ибо Красота и Добро представлялись ему гармонически слитыми. Никогда бы он не признал, что неистовство, эгоизм страстей, горделивая и мучительная погруженность в себя — есть неизбежная цена, которую художник платит за возможность творить. Подобное заявление показалось бы ему данью ницшеанской моде, а все проявления ницшеанства вызывали в нем возмущение. В статье о Лермонтове (1899) он писал:

"Как черты зародыша понятны только благодаря тому определившемуся и развитому виду, какой он получил в организме взрослом, так и окончательное значение тех главных порывов, которые владели поэзией Лермонтова, — отчасти еще в смешанном состоянии с иными формами, — стало для нас вполне прозрачным с тех пор, как они приняли в уме Ницше отчетливо раздельный образ... Презрение к человеку, присвоение себе *заранее* какого-то исключительного сверхчеловеческого значения — себе, или как одному я, или *Я и К^о*, — и требование, чтобы это присвоенное, но ничем еще не оправданное величие было признано другими, стало нормою действительности."

С другой стороны, Соловьев не только признавал гениальность Лермонтова, но и поддавался чарам его поэзии. Это видно хотя бы из множества скрытых и явных лермонтовских цитат, рассыпанных в стихах Соловьева: "Таков закон: все лучшее в тумане, А близкое иль больно, иль смешно". "...Очами, полными лазурного огня". "По небу полуночи лодка плывет".

Если Пушкин, по мнению Соловьева, поддался преступной гордыне только в истории с дуэлью ("Судьба Пушкина", 1897), то Лермонтов находится в плену гордыни всю свою короткую жизнь, а потому подлежит осуждению решительному. "Лермонтов ушел с бременем неисполненного долга — развить тот задаток великолепный и божественный, который он получил даром. Он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперед и вверх к истинному сверхчеловечеству, — но этого мы от него не получили."

Как Толстой точно знал, что должно делать настоящее искусство, — учить добру, — так знает и Соловьев: "двигать нас к истинному сверхчеловечеству". А если не движет, то должно быть отвергнуто нами точно так же, как было отвергнуто Платоном. "Облекая в красоту формы ложные мысли и чувства, он (Лермонтов) делал и делает еще их привлекательными для неопытных, и если хоть один из малых сих вовлечен им на ложный путь, то сознание этого, теперь уже невольного и ясного для него греха должно тяжелым камнем лежать на душе его."

Но только ли возмущенная добродетель говорит здесь устами Соловьева? Нет ли здесь еще и ревности послушного сына при виде нежности Отца к сыну блудному? За что ему такая отцовская любовь, такие дары, такой талант?

И еще одна библейская аналогия: слова осуждения, обращаемые Соловьевым к Лермонтову, напоминают чем-то речи друзей Иова, уговаривающих страдальца не роптать на Бога. Друзья точно знают, что Господь всеблаг и что роптать на него — самый страшный грех. Иов же упорствует и смущает их слух страшными богохульствами:

"Если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня; если я невинен, то Он признает меня виновным. Невиновен я; не хочу знать души моей, презираю жизнь мою... Он губит и непорочного, и виновного. Если этого поражает бичом вдруг, то пытке невинных посмеивается. Земля отдана в руки нечестивых; лица судей ее Он закрывает. Если не Он, то кто же?" (Иов, 9, 19—24).

Вспомним, что книга Иова начинается спором между сатаной и Богом: сохранит ли Иов свою веру и любовь к Богу, если несчастья обрушатся на него? Сатана утверждает, что не сохранит, и оказывается прав. И тем не менее в конце Господь является Иову, говорит с ним, а на друзей его гневается и прощает их только, когда Иов за них помолится. Загадочный смысл этой библейской истории лучше всех понял и истолковал Серен Кьеркегор:

"Если человек полагает, что несчастье поразило его за грехи, то это может быть с его стороны очень красиво, правдиво и смиренно, но может быть обусловлено и тем, что он в глубине души инстинктивно смотрит на Бога, как на тирана..."

Иов твердо стоял на своем, отстаивал свою правоту перед Богом. И делал это с благородным прямодушием, достойным человека, который знает цену себе как человеку, знает, что хотя человек и брренное создание, но в смысле внутренней свободы представляет нечто великое, обладает самосознанием, которого не может отнять у него сам Господь Бог, давший ему это самосознание. При всем упорстве Иова ясно видны его любовь и доверие к Богу." ("Повторение", рукописный перевод.)

Вот этой-то уверенности в ценности с в о е й личности, своего свободного Я нигде не найдем мы у Соловьева. Еще в раннем стихотворении 1875 года он говорит:

Деспот угрюмый, холодное "я",
Гибель почую, дрожит,
Издаেকে лишь завидел тебя,
Стихнул, бледнеет, бежит.
Пусть он погибнет, надменный беглец...

Пути Господни неисповедимы, и мы вряд ли узнаем, на чьей стороне высшая правда, чей голос будет услышан скорее: раба Божьего Михаила или раба Божьего Владимира. Но мы невольно спрашиваем себя: разве мог бы кто-то, действительно погруженный в пучину эгоизма и гордыни, кто-то предавший свой дар, обратиться к Богу так по-сыновьи, с такой пронзительной благодарностью-мольбой:

За все, за все Тебя благодарю я:	За жар души, растрченный в пустыне,
За тайные мучения страстей,	За все, чем я обманут в жизни был...
За горечь слез, отраву поцелуя,	Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
За месть врагов и клевету друзей;	Недолго я еще благодарил.

IV

Мы видим, что поэзия Владимира Соловьева двояко соотносится с его философским творчеством: с одной стороны, она служит как бы расшифровывающим эпиграфом к нему; с другой — обозначает границы, за которые он не желал или не смел заходить. Неповторимость Соловьева заключается в том, что в поэзии он был сосредоточен на одной центральной идее, как настоящий философ, а в философии охватывал все сферы человеческого духа и бытия, как подлинный поэт.

Нет никакого сомнения, что Соловьев верил в Бога как христианин и поклонялся Красоте в природе и в искусстве. Но похоже, что превыше и Христа, и Красоты было для него Добро. Добру он поклонялся, может быть, с языческой страстью, ему же посвятил свой главный труд — "Оправдание добра". И он даже умышленно отказывался допустить, что в человеческой жизни могло возникнуть трагическое противоречие между Верой, Добром и Красотой. Все десять томов его писаний посвящены, в сущности, одной теме: доказательству того, что раздоры, убийства и зверства мировой истории происходят исключительно из-за человеческих пороков и заблуждений и никакой необходимости в них нет. Долг мыслителя заставляет его подкрепить этот главный постулат множеством аргументов, свидетельств, примеров, и с этой тяжелой поклажей на плечах Соловьев-философ неутомимо движется по горам и ущельям морали, веры, науки, политики, истории, поднимается на плоскогорья и спускается в пещеры, так что мы порой теряем направление его пути. И лишь в поэзии он сбрасывает свой груз и, как птица, по прямой, долетает до вершины, сияющей перед его внутренним взором — вершины всечеловеческого единства, мира, гармонии.

И пусть мы порой отказываемся — или не можем — следовать за ним в этом полете, пусть наше сердце сильнее волнует другие поэты, те, которые знают не только о сияющей вершине, но и о безднах и чудовищах, подстерегающих нас, бескрылых, на пути. Все же в жизни каждого из нас, наверное, бывают моменты, когда нам отраднее будет слышать голос поэта, радостно, монотонно и убежденно говорившего только об одной, открывшейся ему в мистическом озарении тайне: о н е и з б е ж н о с т и и з б а в л е н и я.

Да! С нами Бог, — не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь, — среди суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!

“ТЕПЕРЬ МЕНЯ ТАМ НЕТ...”

**ИОСИФ БРОДСКИЙ —
НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ 1987 ГОДА**

Накануне отправки журнала в печать пришло известие из Стокгольма о том, что Нобелевская премия по литературе за этот год присуждена крупнейшему из ныне живущих русских поэтов — Иосифу Александровичу Бродскому.

Когда мир расколот — трещина проходит через сердце поэта. Эти часто цитируемые слова Гейне, прожившего почти полжизни в эмиграции, как нельзя лучше подходят к Иосифу Бродскому и даже приобретают новый смысл. Пять нобелевских лауреатов насчитывает литература русского языка. Трое из них — Бунин, Солженицын, Бродский — изгнанники, четвертый, Пастернак, — внутренний изгнанник, погубленный советской карательной машиной и “общественностью”. Эта общественность, эта лживая государственно-патриотическая словесность и поныне твердит об

“отщепенцах”, не догадываясь, что если мир сохранит о ней память, то лишь потому, что она всегда, не ведая исключений, гнала и травила лучших, честнейших и одареннейших писателей. Где я, там русская культура, там свободная русская речь, там величие одинокого и ни перед кем не пресмыкающегося искусства. Вот еще одна, слегка переиначенная нами цитата, которую хочется вспомнить сегодня, в день нашего общего праздника.

Иосиф Бродский получил самое высокое признание, какого может при жизни удостоиться писатель. Это признание пришло к нему не из отечества. Бродскому 47 лет. Он родился и жил в Ленинграде, городе Пушкина, Блока, Ахматовой, городе Бродского. “Несчастье обитать в Петербурге...” — написано у Достоевского. Лишь несколько стихотворений Бродского было опубликовано в СССР. В феврале 1964 года он был предан суду за “тунеядство”. Стенограмма постыдного процесса, сделанная Фридой Вигдоровой, была опубликована на Западе. Бродский отправился в ссылку, получив пять лет принудительного труда — своего рода поэтический венец, врученный государством под аплодисменты публики. Лишь благодаря самоотверженному заступничеству Анны Ахматовой, Корнея Чуковского, Константина Паустовского и Самуила Маршака он сумел вернуться через полтора года, но в отместку был изгнан из страны.

Горечь охватывает, когда вспоминаешь об этом. Горечь — и радость при мысли о том, что судьба уберегла поэта от новых преследований, от душевной немоты и страдальческого угасания на родине, какое постигло столько его предшественников и современников.

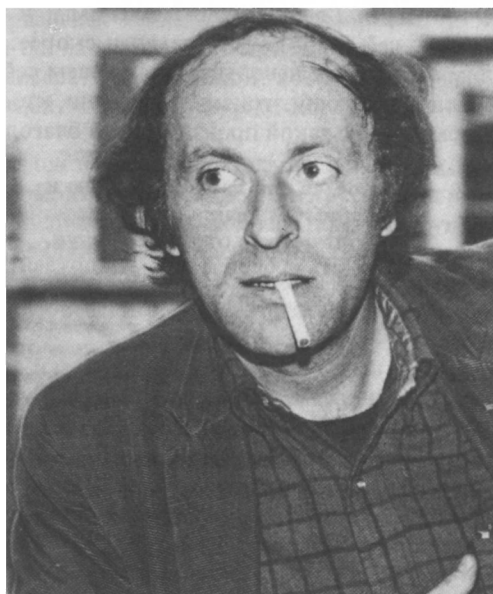
Изменилось ли что-нибудь с тех пор? Как знать! Еще несколько недель назад на вопрос английской журналистки Салли Лэйрд: не пора ли, наконец, и в России напечатать стихи Бродского? — один из литературных генералов, главный редактор журнала “Москва” отвечал: “Бродский — не поэт. К тому же он нерусский”.

Конечно, испытываешь горечь, вспоминая об этом. Но не будем обольщаться: дело не в генерале и даже не в генеральном секретаре. Дело во всей этой системе. Испытываешь горечь, но и радость — при мысли о том, что судьба уберегла поэта от новых преследований, от унижений, от душевной немоты и страдальческого угасания на родине, какое постигло столько его предшественников и современников.

Теперь меня там нет. Об этом думать странно.
Но было бы чудней изображать барана,
Дрожать, но раздражать на склоне дней тирана...

Мне нечего сказать ни греку, ни варягу.
Зане не знаю я, в какую землю лягу.
Скрипи, скрипи, перо! переводы бумагу.

(“Пятая годовщина”, 1977)

Исайя БЕРЛИН

ТОЛЬКО ПРОШЛОЕ ЧТО-ТО ЗНАЧИТ

Встречи с Анной Ахматовой

Во втором томе "Записок об Анне Ахматовой" Л.К.Чуковской (Париж, YMCA-Press, 1980) имеется следующий пассаж:

"А.А. полагала, была убеждена: главная причина, вызвавшая катастрофу 1946 года, — это ее дружба с оксфордским профессором, историком литературы, специалистом по Толстому, Тургеневу, Герцену сэром Исайей Берлином, посетившим Советский Союз в 1945 г. Той же дружбе, которая, по ее мнению, разгневала Сталина, она приписывала и несчастье с Левой. Вот почему, когда ее друг осенью 1956 г. снова приехал в Россию, она отказалась с ним встретиться:

Таинственной невестречи
Пустынны торжества...

Тому же лицу посвящены два ахматовских цикла: "Cinque", созданный Ахматовой в 40-х годах, и "Шиповник цветет" ("Сожженная тетрадь"), написанный именно об этой "невестрече". Ему же адресованы и некоторые строфы "Поэмы" ("Гость из будущего"); о нем же сказано в посвящении "Третьем и последнем":

Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый век... —

и к нему же обращены строки в "Эпилоге": "За тебя я заплатила чистоганом..." Заслужила — Постановление, заплатила — Постановлением" (стр. 171).

К этим словам можно добавить, что И.Берлин известен более всего как историк и автор получивших широкое распространение книг по политологии и философии истории. Среди них: "The Hedgehog and the Fox" ("Лиса и дикобраз", 1953), "Historical Inevitability" ("Неизбежность истории", 1954), "Four Essays on Liberty" ("Четыре этюда о свободе", 1969). Сэр Исайя Берлин родился в 1909 г. в Риге; получил образование в Великобритании. Очерк "Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах", откуда заимствованы публикуемые ниже фрагменты об Анне Ахматовой, включен в сборник мемуарных статей Берлина "Personal Impressions" ("Личные впечатления", 1981). Русский перевод Б.Парамонова.

Летом 1945 года, временно работая в британском посольстве в Вашингтоне, я узнал о том, что мне придется на несколько месяцев отправиться в Москву в наше посольство, где не хватало людей; я говорил по-русски, кое-что знал о различных — официальных и неофициальных — аспектах американско-советских отношений, поэтому меня сочли подходящей кандидатурой до тех пор, пока не подыщут более полезного человека.

Я не был в России с 1919 года, когда наша семья (мне тогда было десять лет) покинула страну, а Москву я вообще никогда не видел. Приехал я в начале осени. Работа была несложной: чтение, обобщение и комментирование советской прессы. Здешние газеты, в отличие от западных, постоянно повторяли одно и то же; периодика была однотонной и легко предсказуемой; в ней с трудом можно было отделить факты от пропаганды. У меня оставалось много свободного времени. Я ходил по музеям, рассматривал исторические места и здания, посещал театры, пропадал в букинистических магазинах, просто бродил по улицам. Мне посчастливилось познакомиться с несколькими выдающимися русскими писателями.

Я никогда не вел дневника и прекрасно понимаю, что память — во всяком случае, моя память — отнюдь не всегда является надежным свидетельством о фактах и событиях, не говоря уже о беседах, которые я иногда привожу. Могу только сказать, что я записал факты именно так, как я их помню. Если существуют документы или другие свидетельства, в свете которых эти воспоминания можно дополнить или исправить, я буду рад познакомиться с ними.

Еще до того, как я приехал, британские дипломаты, имевшие опыт работы и жизни в Москве, предупреждали меня, что с советскими гражданами завести знакомство весьма трудно. Мне говорили, что для встреч с иностранцами на официальных дипломатических приемах существуют заранее и тщательно отобранные лица из высших бюрократических кругов, что они избегают реальных контактов с иностранцами и лишь повторяют в разговорах то, что соответствует партийным установкам. Иногда на такие приемы допускают актеров и балерин, считая их, очевидно, наименее восприимчивыми к идеологической заразе и неспособными проговориться. Короче говоря, мне внушили следующее: страх советских граждан перед иностранцами, не говоря уже о языковом барьере, обрекает западного человека в Москве на культурную изоляцию; иностранцы живут, словно дикие звери в зоопарке, переходя из клетки в клетку, но отгороженные от окружающего мира.

Это оказалось правдой — и все же не до такой степени, как я ожидал. Во время своего непродолжительного пребывания в СССР я встречался не только с хорошо подобранными группами балерин и литературных бюрократов, присутствовавших на всех приемах, но и с подлинно талантливыми писателями, музыкантами и режиссерами. Более того, среди них было два гениальных поэта.

Я прослышал, что в Ленинграде редкие книги стоят намного дешевле, чем в Москве: ужасающая смертность во время блокады, возможность обменивать книги на еду заполнили закрома букинистов грудами сокровищ, в основном принадлежащих старой интеллигенции... Не без труда я выхлопотал разрешение съездить в Ленинград — город, где прошли четыре года моего детства. После обычных проволочек мне, наконец, предоставили возможность остановиться на два дня в гостинице "Астория", и вместе с представителем британского консульства мисс Брендой Трипп, умной и приятной женщиной, я вышел пасмурным ноябрьским утром на площадь перед Московским вокзалом.

Детские воспоминания нахлынули на меня; я был невыразимо тронут видом улиц, домов, памятников, набережных, рынков, — даже неожиданно знакомой ломаной дверной ручкой лавочки, где когда-то чинили самовары, в нижнем этаже нашего старого дома... Город был заметно поврежден, но и тогда, в сорок пятом, оставался неописуемо прекрасным (его полностью восстановили, когда я увидел его снова одиннадцать лет спустя). Я направился к цели моего путешествия — Книжной лавке писателей на Невском проспекте. Там было — и сейчас, думаю, есть — два отдела: один для обычной публики, где покупателей отделял от книг прилавок, другой, во внутреннем помещении, со свободным доступом к полкам, для привилегированных посетителей — писателей и журналистов. Мисс Трипп и мне, как иностранцам, разрешили войти в это святилище. Проглядывая книги, я разговорился с одним из посетителей, листавшим сборник стихов. Он оказался известным критиком и литературоведом; мы толковали о недавних событиях, он описал мне муки блокады и героизм ленинградцев, рассказывал, что многие умерли от холода и голода, выжили в основном молодые. Я спросил его о судьбе ленинградских писателей. Он упомянул Ахматову... Анна Ахматова была для меня фигурой из далекого прошлого; Морис Боура, который перевел некоторые ее стихотворения, говорил мне, что о ней не слышно со времен Первой мировой войны. "Разве Ахма-

това еще жива?" — спросил я. "Анна Андреевна? Разумеется, — возразил мой собеседник. — Она живет недалеко отсюда, на Фонтанке, в Фонтанном Доме; хотите повидаться с ней?"

Это было, как если бы меня пригласили на свидание с мисс Кристиной Россетти.¹ "Подождите минутку, — пробормотал мой знакомый, — я сейчас позвоню ей." Вернувшись, он сообщил, что Ахматова примет нас в три часа.

Я вернулся в магазин в назначенное время; литературный критик ждал меня. Мы пересекли Аничков мост и повернули налево. Фонтанный Дом, бывший дворец Шереметьевых, — импозантное здание в стиле позднего барокко. Дом стоит посреди просторного двора, напоминающего дворы оксфордских и кембриджских колледжей. По крутой темной лестнице мы поднялись на верхний этаж. Нас провели в комнату Ахматовой. Обстановка была скучной: по-видимому, во время войны мебель украли, либо она была продана. В комнате стоял маленький стол, три или четыре стула, комод, диван; над холодным камином висел рисунок Модильяни. Навстречу нам поднялась величавая седоволосая дама, в белой шали, брошенной на плечи.

Анна Андреевна Ахматова была в самом деле несравненно величественна: неторопливые жесты, благородная голова, красивые, строгие черты лица с выражением какой-то необъятной печали. Я склонился перед ней в поклоне, — это казалось уместным, ибо выглядела она и двигалась, как трагическая королева, — и, поблагодарив за приглашение, сказал, что на Западе будут рады знать, что она в добром здравии, потому что столько лет о ней ничего не было слышно. "Но обо мне была статья в "Dublin Review", сказала Ахматова, — и еще, мне говорили, в Болонье написали о моих стихах диссертацию". С ней была знакомая, ученого вида дама. Несколько минут шла вежливая беседа. Хозяйка спрашивала о бедах Англии во время войны; я отвечал как мог.

Вдруг я услышал, что кто-то как будто зовет меня. Ясно слышалось: "Исайя!" Я подошел к окну и увидел внизу Рандольфа Черчилля. Он стоял посреди широкого двора, похожий на подвыпившего студента, — и выкрикивал мое имя. Ошеломленный, я пробормотал извинения и бросился вниз по лестнице с единственной целью не дать ему войти в комнату. Мой компаньон, литературный критик, побежал за мной. Рандольф бурно приветствовал нас. "Господин N, — сказал я автоматически, — знакомы ли вы с господином Черчиллем?" Критик остолбенел, на лице его изобразился ужас, и в мгновение ока он исчез. Я никогда его больше не встречал, но его статьи печатались в СССР, из чего я заключаю, что наше знакомство и этот эпизод не повредили ему. Не знаю, следили ли за мной агенты тайной полиции, но за Рандольфом Черчиллем — наверняка. Именно этот случай послужил источником фантастических слухов, ходивших по Ленинграду, о том, что прибыла иностранная делегация уговаривать Анну Ахматову уехать из России, что отец Рандольфа сэр Уинстон Черчилль, давний поклонник ее поэзии, посылал специальный самолет за Ахматовой и т.п.

Я не видел Рандольфа со времен нашей студенческой жизни в Оксфорде. Стараясь побыстрее увести его из Фонтанного Дома, я спросил, что все это значит. Он объяснил, что приехал из Москвы, где был аккредитован как журналист, по делам в Ленинград. Явившись в "Асторию", он первым делом раздобыл бочонок икры, который надо было поставить в холодильник, но для этого требовалось знание русского языка. В конце концов мисс Трипп помогла ему с икрой. При этом она упомянула обо мне и, к несчастью, проговорила о моем визите в Шереметьевский дворец. Не зная точно, где меня можно найти, Рандольф прибег к способу, хорошо служившему ему еще в Оксфорде, "и вот, как видите..." — добавил он с обезоруживающей улыбкой. Наконец, я отделался от него, узнал в Книжной лавке писателей телефон Ахматовой и, позвонив, кое-как объяс-

¹ Английская поэтесса (1830–1894), отпрыск знаменитой литературной семьи, самым известным представителем которой был глава школы прерафаэлитов Данте Габриэль Россетти. — *Ред.*

нил свое исчезновение. Могу ли я еще раз зайти к ней? "Я жду вас в девять вечера", — ответила она.

Ее компаньонка, которую я, вернувшись, все еще застал, оказалась ученицей ее второго мужа, ассириолога Шилейко; ученая дама засыпала меня вопросами об английских университетах. Ахматова явно не интересовалась этим разговором и по большей части молчала. Незадолго до полуночи дама-ассириолог удалилась, и тогда Ахматова стала меня расспрашивать о старых друзьях, эмигрантах, с которыми я мог быть знаком. Действительно, я знал некоторых. Мы говорили о композиторе Артуре Лурье, он был ее близким другом, переложил несколько ее стихотворений на музыку; о поэте Георгии Адамовиче; о художнике Борисе Анрепе. С Анрепом, правда, я никогда не встречался, но немного о нем знал; это он декорировал вестибюль Национальной галереи в Лондоне портретами знаменитых людей: Бертрана Рассела, Вирджинии Вулф, Греты Гарбо, Лидии Лопуховой и других. (Позже он добавил к ним мозаичный портрет Ахматовой, назвав его "Сострадание".) Потом она спросила о Саломее Гальперн, урожденной Андрониковой, которую хорошо знала в Петербурге перед Первой мировой войной, знаменитой красавице, вдохновлявшей многих русских поэтов и художников того времени, и о Вере Стравинской, жене композитора, мне тогда незнакомой. Она рассказывала о том, как бывала в Париже, опять-таки незадолго до Первой мировой войны, о своей дружбе с Модильяни, чей рисунок висел над камином в ее комнате, — другие подаренные им рисунки погибли в блокаду. Разговор перескакивал с одной темы на другую; теперь она вспоминала о детстве на черноморском побережье, языческой земле, как она назвала ее, где чувствуешь себя ближе к древней, полугреческой, полуварварской, глупо-нерусской культуре. Упомянула о своем первом муже Николае Степановиче Гумилеве, оказавшем на нее огромное влияние. Гумилева раздражало, что оба они, и муж, и жена, были поэтами, и порой он весьма резко отзывался о ее стихах. Однажды она встречала его на вокзале, когда он вернулся из Абиссинии. Он казался мрачным; первый вопрос его был: "Стихи писала?" — "Да." — "Прочти". Она прочла. "Да, это хорошо", — сказал он, перестав хмуриться, и они пошли домой. Ахматова была убеждена, что Гумилев не участвовал в заговоре, послужившем причиной расстрела. Ко времени ареста и гибели Гумилева в августе 1921 года они были уже давно разведены и не виделись несколько лет. Когда она рассказывала об обстоятельствах его смерти, ее глаза наполнились слезами.

Помолчав, Анна Андреевна спросила, не хочу ли я послушать ее стихи; но перед тем как начать, она хотела бы прочесть кое-что из "Дон Жуана", — это имеет отношение к дальнейшему. Будь я даже знатоком поэзии, я не смог бы сказать, какие места из Байрона она выбрала: она читала по-английски, но в ее произношении можно было понять разве что несколько слов. Закрыв глаза, она читала наизусть; я поднялся и отошел к окну, чтобы скрыть смущение. Может быть, подумал я, так мы читаем сейчас греческих и римских классиков; но и нас волнуют их слова, которые, произнеси мы их в присутствии авторов или их современников, были бы им совершенно непонятны. Потом Ахматова читала из "Anno Domini", "Белой стаи", "Тростника". "Такие же стихи, но много лучше моих, стали причиной смерти лучшего поэта нашего времени, любимого мною и любившего меня"; не знаю, кого она имела в виду, Гумилева или, может быть, Мандельштама, — слезы стояли у нее в глазах, она не могла продолжать. В тот вечер она прочла и не законченную еще "Поэму без героя". Не стану пытаться описывать ее голос. Даже тогда я понимал, что слушаю гения. Ахматова не скрывала, что поэма задумана как своего рода поминки по ее жизни и поэтической судьбе, по ушедшему Петербургу, по друзьям, которые проходят перед глазами как бы в карнавальной шествии; некое

поэтическое *nunc dimittis*¹ перед неизбежным концом, которого ждать уже недолго. Это таинственная и глубоко проникновенная работа. Груды ученых комментариев вырастут вокруг нее — и, может быть, погребут ее под собой.

Из прочитанного Ахматовой я должен упомянуть "Реквием". В одном месте она остановилась и заговорила о тридцать седьмом — тридцать восьмом годах, когда и муж, и сын ее были арестованы и отправлены в лагеря, об очередях женщин, ожидавших день за днем, месяц за месяцем известий о своих мужьях, братьях, сыновьях, о казнях миллионов невинных. Ахматова читала "Реквием" спокойным, невыразительным голосом, иногда прерывая себя: "Нет, я не могу, это нехорошо, вы живете в человеческом обществе, а мы разделены на людей и... — Помолчав, она добавила: — Да и сейчас..."

В другой раз я увидел Анну Ахматову, когда уже возвращался домой в Англию; мой путь лежал через Ленинград и Хельсинки. Я пришел попрощаться с ней, это было 5 января 1946 года. Она подарила мне свой сборник, с новым стихотворением, вписанным от руки на форзаце; впоследствии оно стало вторым в цикле "Cinque". Я понял, что оно было подсказано нашей первой встречей (позднее стихотворение было переработано). Существуют и другие намеки на тот вечер, в "Cinque" и в других произведениях.

Они были понятны мне уже в первом чтении; но посетивший Оксфорд после смерти Ахматовой академик В.М.Жирмунский, близкий друг Анны Андреевны и один из редакторов посмертного советского издания ее стихов, прошелся со мной по текстам и подтвердил мои догадки точными ссылками. Обсуждая с Жирмунским свои тексты, Ахматова говорила ему, между прочим, и о трех посвящениях к "Поэме без героя". Не без некоторого смущения Жирмунский сообщил, что последнее из этих посвящений адресовано мне. О существовании этого третьего посвящения известно любителям поэзии в России, но в печатном издании поэмы оно отсутствует.² Я достаточно хорошо понимаю причину этого. Жирмунский был исключительно добросовестным ученым, честным и мужественным человеком, не раз пострадавшим за свою принципиальность; его мучила совесть за то, что он нарушил авторскую волю Ахматовой касательно этого посвящения, но политические условия вынудили редактора снять третье посвящение к "Поэме без героя". Я пытался уверить его, что это не так страшно: хотя поэзия Ахматовой в высокой степени автобиографична и знание обстоятельств ее жизни важнее для понимания ее стихов, чем у многих других поэтов, факты едва ли будут забыты; во всех странах с жесткой цензурой устная традиция сберегает такие сведения. Конечно, предание может их исказить, образы легендами, но если Жирмунский хочет, чтобы истина была известна по крайней мере избранному кругу читателей, он может составить соответствующий документ и передать его на хранение мне или другому лицу на Западе, с тем чтобы опубликовать его, как только это станет возможным. Не знаю, последовал ли Жирмунский этому совету.

Впечатление, которое произвел мой визит, было вызвано, как мне кажется, случайным обстоятельством: насколько мне известно, я был одним из очень немногих западных людей, чуть ли не вторым, встреченным Анной Ахматовой со времен Первой мировой войны. (До меня она виделась только с одним человеком, который не был советским гражданином, — графом Юзефом Чапским, известным польским критиком, с которым она познакомилась в эвакуации в Ташкенте.) Я был человек из другого мира, но я говорил на ее языке и мог принести новости из этого мира, от которого ее отлучили. Ее острый ум, ирония и критицизм не исключали драматического, порой пророческого

¹ "ныне отпускаеши" (лат.).

² Оно опубликовано в томе стихотворений и поэм А.А.Ахматовой, изданном в большой серии Библиотеки поэта (1977). — *Ред.*

отношения к действительности; кажется, она увидела во мне посланца судьбы, быть может даже рокового вестника о конце мира. Трагическое предвидение будущего, возможно, было одной из причин нового творческого взлета.

Я не виделся с Ахматовой, когда приезжал в Советский Союз второй раз, в 1956 году. Борис Пастернак говорил мне, что Анна Андреевна хотела бы со мной повидаться, — она в Москве, — но боится за сына, повторно арестованного вскоре после нашей встречи и лишь недавно выпущенного из тюрьмы, и поэтому воздерживается от свиданий с иностранцами. Она связывала, по крайней мере частично, развязанную против нее кампанию травли именно с моим визитом в сорок пятом году. Сам Пастернак сомневался в том, что мое посещение повредило ей. Он сказал ей, что виделся в Москве со мной и моей женой. Ахматова просила, чтобы я позвонил ей.

“Где вы остановились?” — “В британском посольстве”, — сказал я. “Ни в коем случае, — сказал Пастернак, — не звоните ей оттуда”.

В тот же день я зашел на улице в будку автомата, набрал номер и услышал ее голос.

“Да, Борис говорил мне... Я не могу увидеться с вами — по причинам, вам хорошо понятным... Давно вы женаты?” — “Не очень”. — “Но все-таки... когда вы женились?” — “В феврале этого года.” — “Она англичанка или, может быть, американка?” — “Нет, — сказал я, — полурусская, полуфранцуженка”.

После некоторого молчания она сказала: “Жаль, что мы не увидимся. Пастернак говорит, ваша жена очаровательна. — Снова молчание. — Вы видели сборник корейских поэтов в моем переводе? Можете себе представить, как я знаю корейский, да и не я отбирала стихотворения... Я пошлю вам книгу”.

Наш разговор на этом не закончился. Она коротко дала мне понять, каково приходится заклеяемому, отверженному писателю. По ее словам, Чехов в “Палате № 6” довольно точно описал ее нынешнее положение, да и участь многих других. Потом она сказала: “Пастернак, может быть, лучше объяснит вам, почему я не могу встретиться с вами... У него тоже были нелегкие времена, но с моими их не сравнить. Кто знает, может быть, мы еще повстречаемся в этой жизни. Вы позвоните мне еще раз?” Я обещал, но когда сделал это, мне сказали, что она уже уехала из Москвы. Звонить в Ленинград Пастернак отсоветовал.

Мы встретились; это было в Оксфорде, в 1965 году. Ахматова рассказала, что с ней произошло. Она говорила, что навлекла на себя личный гнев Сталина. Она, мало печатаемый, аполитичный автор, которого оставили в живых только потому, что ей удалось прожить незаметно первые послереволюционные годы, остаться в стороне от идейных баталий, чаще всего завершавшихся катастрофой, — она, Ахматова, совершила тяжкий грех, встретившись без разрешения с западным гостем, вдобавок состоящим на службе у капиталистического правительства. Передавали, что вождь сказал: “Значит, наша монашенка принимает в своей келье иностранных шпионов?” — и добавил нечто непристойное. В день, когда я уезжал из Ленинграда, 6 января 1946 г., у ворот Фонтанного Дома поставили соглядатя, в комнате, по ее словам, был установлен микрофон. Хотя официальная опала (знаменитый доклад Жданова) последовала лишь несколько месяцев спустя, Ахматова считала, что источником бед послужил именно мой приход. Больше того, она утверждала, что мы оба — она и я — самим фактом нашей встречи подали повод к началу холодной войны, пожалуй даже изменили течение истории. Она говорила это всерьез; то, что именно таково было ее убеждение, подтверждает Аманда Хейт, автор книги “Anna Akhmatova, a Poetic Pilgrimage”, вышедшей в Оксфорде в 1976 г. Я не решился ей возражать...

Она рассказывала о своей поездке в Италию, где ей была вручена литературная премия Таормина. По возвращении ее посетили чины госбезопасности, интересовавшиеся ее впечатлениями: столкнулась ли она с антисоветскими настроениями среди писателей,

встречалась ли с русскими эмигрантами? Ахматова ответила, что Рим показался ей городом, где до сих пор идет война язычества с христианством. "Какая война? — спросили ее. — Говорилось ли что-нибудь в связи с этим о Соединенных Штатах?" Что она могла им сказать?.. Она была русской и возвратилась бы в Россию, чем бы ей это ни грозило.

Наш разговор вернулся к литературе. Она сказала, что страдания всех этих лет в России вызвали к жизни поэзию необычайной глубины и красоты; но вот уже по крайней мере тридцать лет большая и лучшая часть созданного не публикуется. О современных советских поэтах она предпочитает не говорить. Один из именитых собратьев тоже находился в Англии в это время и прислал ей поздравительную телеграмму; она прочла ее и бросила в корзину. "Все они — мелкие бандиты... Маяковский пагубно повлиял на них." По ее словам, Маяковский был, конечно, очень крупной фигурой, но не великим поэтом, а великим литературным новатором, террористом, швырявшим бомбы в старые постройки, его темперамент превосходил его талант; он — разрушитель, хотя то, что он разрушал, заслуживало гибели. Маяковский кричал, драл глотку, для него это было естественным, он не мог иначе; а его подражатели, — тут она назвала несколько имен маститых стихотворцев, — сделали из его манеры жанр; в них нет ни искры поэзии, все сожрала риторика; но русская аудитория привыкла к выкрикам этих чтецов-декламаторов.

Единственный живущий поэт старшего поколения, о ком моя собеседница говорила с одобрением, была Мария Петровых. К молодым она отнеслась гораздо снисходительней. Лучшим среди них был Иосиф Бродский, которого она считала своим воспитанником: истинный и благороднейший поэт, со всем, что неизбежно сопутствует официальному непризнанию. Называла она и другие имена; самое появление новых высокоодаренных лириков свидетельствовало, по ее мнению, о неиссякаемых творческих потенциях России. "Они затмят нас всех. Пастернак, я, Мандельштам, Цветаева — все мы завершение долгой эпохи, начавшейся еще в прошлом веке. Мои товарищи и я думали, что говорим языком двадцатого века. Но эти новые поэты начинают совершенно иной период. Сейчас им заткнули рот. Дайте срок — они изумят мир." Пророческая нота снова зазвенела в ее голосе.

Нет, Маяковскому она ничем не обязана, хоть он и был трубным гласом своего времени и роковым примером для современников. Зато очень многому она научилась у Иннокентия Анненского, поэта, далекого от сумятицы литературной жизни, почти обойденного авангардными журналами. Анненского мало читали при его жизни, да и вообще нынешнее поколение куда более чутко к настоящей поэзии, чем тогдашнее: кому в 1910 году было дело до Блока, Белого, Вячеслава Иванова? Или до нее и других акмеистов? А сегодня молодые знают их наизусть. Она до сих пор получает письма от юных читателей, часто от недалеких, экзальтированных девочек, но самое количество этих писем о чем-то говорит. Пастернак таких писем получал еще больше, и ценил их больше. Встречался ли я с его подругой Ольгой Ивинской? Я сказал: нет. Ахматова находила равно несносными обеих: и жену Зинаиду Николаевну, и возлюбленную, но сам Борис Леонидович — великий поэт, каждая фраза, им написанная, говорит его неповторимым голосом, будь то стихи или проза. Блок и Пастернак — богоподобные поэты; ни Валери, ни Элиот не могут идти в сравнение с ними; Бодлер, Шелли, Леопарди — вот компания, которая им подходит. Великие поэты неспособны понимать других; так и Пастернак подчас превозносил малозначительных авторов, открывал воображаемые таланты, подбадривал всякого рода мелкоту. У него, продолжала Ахматова, были самые фантастические представления об истории, он, например, приписывал некоторым незаметным, находящимся где-то на заднем плане лицам таинственно-значительную роль, — таков Евграф в "Докторе Живаго" (при этом она горячо отвергала предположение, что эта загадочная фигура могла попросту находиться в некоторой близости к Сталину). Никого из тех, кого он готов был расхваливать, — ни Багрицкого, ни Асеева, ни даже Марию Петровых, Пастернак на самом деле не читал; он не читал и Мандельштама, которо-

му не симпатизировал как человеку, но это не помешало ему вступить за Осипа, когда тот попал в беду. А ее он читал? Конечно нет, улыбулась Ахматова. Пастернак изрек чудесные слова об ее поэзии, но в сущности это говорилось о самом себе. "Может быть, все великие поэты таковы". Конечно, его интересовали Шекспир, Гете, французские символисты, Рильке, может быть, Пруст, — "но никто из нас".

Я спросил Ахматову, не собирается ли она сопроводить "Поэму без героя" каким-нибудь комментарием: ведь сложный подтекст поэмы непонятен людям, не знающим той жизни. Она ответила, что когда уйдут те, кто помнит описанный ею мир, поэма умрет вместе с ними, вместе со всей той эпохой. Поэма написана не для вечности и даже не для потомства: только прошлое по-настоящему что-то значит, детство и юность, которые поэт хочет воссоздать и оживить. Пророчества, оды, обращенные к будущему, даже пушкинское "Послание к Чаадаеву" были для Ахматовой скорее риторической декламацией, одной из тех поэтических поз, которые она не выносила.

Среди прочего я услышал от нее рассказ о Корнее Чуковском: она встречалась с ним во время войны, в эвакуации. Ее отношение к Чуковскому многие годы было двойственным: уважая в нем исключительно одаренного литератора, восхищаясь его честностью и независимостью, Ахматова не принимала его вкусов и суждений, ее отталкивала его любовь к русской народнической беллетристике, к тенденциозной литературе XIX века, особенно так называемой гражданской поэзии. Определенную роль сыграло и язвительно-ироническое отношение Чуковского к стихам самой Ахматовой в двадцатые годы. По дороге в Ташкент они как будто сблизились, Чуковский отнесся к ней с подчеркнутым дружелюбием, и она готова была по-царски простить ему все его грехи, но однажды он воскликнул: "Ах, Анна Андреевна, какое это было время — двадцатые! Какая изумительная эпоха, какой расцвет русской культуры: Горький, Маяковский, молодой Алеша Толстой... в эти годы стоило жить!" Помилование тут же было отменено. Ахматова смотрела на эту "изумительную эпоху" с глубоким отвращением.

Анна Андреевна говорила о своей жизни отчужденно, словно речь шла о ком-то постороннем, но сквозь эту мнимую бесстрастность просвечивали убеждения и оценки, оспаривать которые в ее присутствии было рискованно. В ее рассказах о людях острое проникновение в моральную сердцевину характеров и ситуаций (она не щадила даже своих друзей) сочеталось с догматической непримиримостью, с безапелляционностью выводов относительно намерений и мотивов — особенно когда поступки людей касались ее, Ахматовой. Многое казалось мне неубедительным, подчас даже причудливо-ирреальным, быть может, отчасти потому, что я плохо понимал иррациональный характер сталинской эпохи; ведь даже сейчас трудно решить, чему можно и чему нельзя верить, когда слышишь рассказы о тогдашней жизни в СССР. На своих догматических предпосылках Ахматова, как мне казалось, строила теории и гипотезы, которые в ее устах звучали как непререкаемая истина; примером таких *idées fixes* было ее твердое убеждение в том, что наша встреча в первый год после войны имела серьезные и даже роковые исторические последствия. Она верила, что Сталин распорядился отравить ее, но потом отменил свой приказ; она считала совершенно обоснованным страх умирающего в заключении Мандельштама, что ему дают отравленную пищу; верила сплетне, будто поэт Георгий Иванов (которого она упрекала за лживые мемуары) был какое-то время платным осведомителем царской охранки; что таким же правительственным агентом был Некрасов; что Иннокентий Анненский был затравлен врагами. Разумеется, ей недоставало фактов, ее убежденность была скорее интуитивной — и все же, все же ее суждения не были вполне фантастическими: как бы к ним ни относиться, они были частью единой и общей концепции ее собственной судьбы и судьбы России...

Ахматова жила в страшное время и несла бремя своей судьбы с подлинным героизмом. Она не произносила — ни публично, ни в разговорах со мной — филиппик против советского режима; но вся ее жизнь была тем, что Герцен однажды сказал о русской литературе в целом: сплошным, непрестанным обвинением российской действительности. Но не эта ли действительность породила святую русскую литературу? ●

Владимир ВОЙНОВИЧ

ВИКТОР ПЛАТОНОВИЧ НЕКРАСОВ

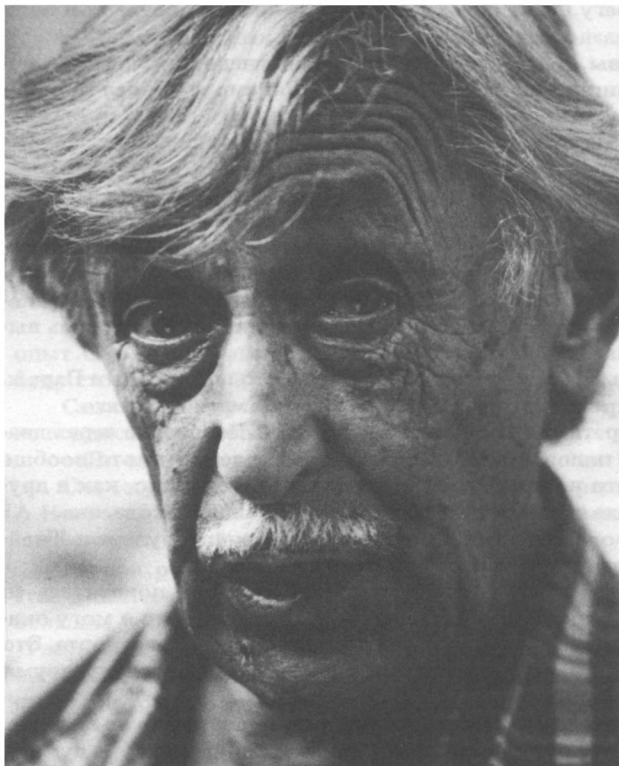

Фото М.Лемхина

Русскую литературу постигло большое горе: 3 сентября в Париже умер Виктор Некрасов, один из талантливейших современных писателей, отвергнутых неблагодарным отечеством.

В.П.Некрасов родился в Киеве в 1911 г., в предвоенные годы окончил архитектурный институт и театральную школу. Воевал, был участником Сталинградской битвы. В 1946 году Некрасов опубликовал свой первый роман "В окопах Сталинграда", выдержавший свыше 120 изданий на 30 языках. Затем последовал период длительного молчания. После смерти Сталина появились повести "В родном городе" (1954) и "Кира Георгиевна" (1961), путевые записки "По обе стороны океана" (1962), вызвавшие неудовольствие Хрущева, "Месяц во Франции" (1965). В 1972 г. Некрасов был исключен из партии (членом которой стал на фронте в 1944 г.), в начале 1974 г. работники КГБ похитили у него во время обыска все рукописи; в сентябре того же года писатель был вынужден эмигрировать. На Западе вышло еще несколько его книг, в том числе "Записки зеваки", "Маленькая печальная повесть", "Саперлипопет".

Виктор Платонович Некрасов был человеком и писателем удивительным и ни на кого не похожим. Его повесть "В окопах Сталинграда" в свое время была сразу и широко, официально и неофициально признана как самая сильная и правдивая книга о войне. Она и следовавшие за ней рассказы оказались не только большим литературным событием сами по себе, но повлияли — и значительно — на развитие всей советской военной прозы, а через нее и вообще на советскую литературу. Сам же Некрасов, будучи человеком исключительной честности, смелости и благородства, оказывал влияние на нравственный климат в литературной среде и за ее пределами; он был из тех, при ком стыдно врать, лицемерить, хвастаться, задаваться и вообще вести себя противоестественно. Я думаю, что о Некрасове еще много будет написано и по западную, и по восточную сторону разделяющей мир Берлинской стены, которую он ненавидел. Потому что теперь, после его смерти, он будет проходить как бы по другой графе у себя на родине, теперь его можно посмертно реабилитировать и даже поторговаться насчет перенесения его праха с парижского кладбища Сент-Женевьев и захоронения, допустим, в Бабьем Яру. Возможно, книги его будут вновь издаваться и даже изучаться в школах, как это было когда-то. Может, и я когда-нибудь напишу о книгах Некрасова и его общественной деятельности, но сейчас ограничусь отрывочными воспоминаниями о Некрасове — не писателе и не деятеле, а просто о человеке и друге.

Смерть пришла к нему в 76 лет. Срок немалый даже для нашего времени, когда средняя продолжительность жизни значительно возросла. Но он собирался жить дольше. Вот мое свидетельство.

В Париж он улетел 13 лет тому назад из Киева. А перед тем приезжал прощаться в Москву. В один из последних вечеров мы встретились в доме у общих наших друзей на Беговой улице, а потом шли пешком ко мне к метро Аэропорт по усаженной тополями средней части Ленинградского проспекта. По дороге Вика сказал:

— Володенька, я знаю, мы с тобой еще встретимся. Лет через двадцать ты приедешь в Париж, и мы будем гулять по берегу Сены, по всяким улочкам и закоулочкам. Я буду знать их уже хорошо.

Не скажу, чтобы мы были трезвы. И должно быть, по причине недостаточной трезвости меня потянуло на мелкое хулиганство. Напротив метро Динамо я увидел посреди дорожки мятую газету, поднес к ней зажигалку, и бумага вспыхнула.

Мы прошли еще сотню метров. Из-за дерева вышел милиционер.

— Что это вы там подожгли? — спросил он строго.

Я не успел ничего придумать.

— Это была дрянь, блевотина, — сказал Вика и всем своим видом изобразил отвращение к той пакости, которую мы вынуждены были предать огню. Объяснение показалось мне несколько странным, а милиционеру убедительным. Может быть, потому что поджигатели были хотя и разного возраста, но оба убелены сединами. Милиционер поблагодарил нас за заботу о чистоте города, а мы скромно ответили, что всего лишь выполнили свой гражданский долг. И пошли дальше.

— Через двадцать лет, Володенька, — продолжал Некрасов, — ты приедешь в Париж. Я буду еще жив. У меня здоровье крепкое и гены хорошие. Моя мама жила долго.

Мы оба еще не знали, что встретимся в Мюнхене и потом в Париже не через двадцать, а всего лишь через шесть с половиной лет, но представить себе, что это вообще может случиться, я тогда еще просто не мог. Это было так же невообразимо, как и другая поездка, которую мне предлагала совершить Викина мама Зинаида Николаевна.

— Володя, — наставляла меня она лет эдак 20 тому назад, — когда будете в Швейцарии, знайте, что из Женевы в Лозанну лучше всего ездить на велосипеде.

Вся большая компания, в присутствии которой это было сказано, покатила со смеху. Ни мне, ни кому другому не хватило воображения представить, что я могу оказаться в Швейцарии, да еще передвигаться там на столь домашнем виде транспорта. Это было так же немислимо, как предложение прокатиться на велосипеде между двумя марсианскими городами.

Пройдут годы, я покину пределы отечества, и каждый раз, проезжая то на машине, то на поезде через Лозанну в Женеву, буду вспоминать Зинаиду Николаевну и думать, что для велосипеда расстояние, пожалуй, все-таки слишком велико.

Вика был старше меня на 21 год, поэтому его мама и моя бабушка по матери были примерно одного возраста: обеим было под девяносто. При этом они были очень друг на друга похожи, хотя происходили из совершенно разных сословий. Зинаида Николаевна была дворянских кровей, с заграничным образованием, а моя эта бабушка — из очень простой еврейской семьи (моя русская бабушка, тоже, кстати, дожившая до 96 лет, была иного происхождения). С возрастом Зинаиду Николаевну и мою бабушку одолев склероз, проявления которого были весьма схожи. Например, моя бабушка, когда я после долгого отсутствия появлялся с чемоданом, спрашивала меня, расплатился ли я с извозчиком. Зинаида Николаевна, засидевшись в гостях, беспокоилась в том же духе:

— Вика, как ты собираешься вызвать извозчика?

— Очень просто, мамочка, — отвечал Вика. — Я позвоню ему на конюшню, и он придет.

Но их воспоминания молодости расходились по причине очень разного прошлого. Зинаида Николаевна много раз и с большим энтузиазмом рассказывала, как на студенческом балу не то в Женеве, не то в Лозанне студенты решили подшутить над студентками и насыпали им перцу в шиньон. А потом сами с этими студентками танцевали и сами же чихали и плакали. А моя бабушка воспоминаниям предавалась редко. Она, напротив, любила всех выслушивать. А выслушав, заключала, прихлопывая в ладоши:

— Так-сяк, сказал бедняк. — А потом, подумав, добавляла: — Гоп, чук-баранчук, зеленая гычка, люблять мэнэ панычи, що я нэвэлычка.

Мне очень хотелось старух как-нибудь свести вместе, что однажды и удалось. На взятый напрокат машине я привез Некрасова и его маму из Ялты в Керчь, где жили мои родители. Старухи сошлись вместе, и Зинаида Николаевна объяснила моей бабушке наиболее удобный способ передвижения из Женевы в Лозанну и с удовольствием рассказала историю с наперченными шиньонами. Бабушка моя тоже с удовольствием все это выслушала и сказала задумчиво:

— Так-сяк, сказал бедняк. — А потом, помолчав, продолжала, прихлопывая: — Гоп, чук-баранчук, — зеленая гычка..

Познакомился я с Некрасовым в 1962 году в редакции "Нового мира". Он был знаменитый, а я начинающий. Меня представил ему мой редактор и затем наш общий друг Игорь Александрович Сац. А потом Некрасов написал рекомендацию в Союз писателей, которая показала мне лестной и странной. В рекомендации было обращено внимание на мое трудовое прошлое и выражалась уверенность, что пребывание в Союзе писателей такого человека "особенно — цитирую по памяти, — имеющего практический опыт, будет очень полезно".

— Что это значит? — спросил я Саца. — Как может быть полезен мой практический опыт Союзу писателей? Может быть, Некрасов думает, что я в Союзе писателей заодно буду столярничать?

Сац слегка смутился, но потом сказал, что содержание рекомендации не важно, важна подпись Некрасова.

— Но зачем же он пишет про практический опыт?

Сац смутился еще больше и признался, что рекомендацию писал не Некрасов, а он. А Некрасов сделать этого не мог, потому что единственной моей к тому времени повести не читал, а мой практический опыт был тоже ему неведом.

Второй раз мы познакомились, выпили (а как же!) и подружились в доме творчества в Малеевке в марте 1963 года. У нас у обоих в жизни произошли к этому моменту большие события. Я напечатал в "Новом мире" свои рассказы "Хочу быть честным" и "Расстояние в полкилометра", а Некрасов стал героем дня после ругани, обрушенной на него Хрущевым. На этот раз он мои рассказы прочел, хвалил, и я был польщен и счастлив. Потому что Некрасов был одним из двух-трех писателей старшего поколения, кого я читал и любил.

Между прочим, вот реакция народа на высочайший гнев. Из Малеевки Некрасов поехал в другой дом творчества — в Ялту. А его друг Григорий Поженян, временно переквалифицировавшись в кинорежиссера, явился в Ялту снимать фильм и жил в прибрежной гостинице. Как-то в этой гостинице Некрасов и Поженян сидели и, понятно, пили. Около двух часов ночи Некрасов потянулся к телефону вызывать такси.

— Вика, — сказал ему Поженян, — не беспокойся, я тебя отвезу.

Вышли на улицу. Ни одной машины. Наконец, появился милиционер на мотоцикле с коляской. Поженян поднял руку. Милиционер остановился.

— Слушай, друг, — сказал Поженян. — Добрось пьяного человека до дома.

От такой наглости милиционер просто опешил.

— Да ты что это говоришь! Да я вас сейчас обоих в вытрезвитель доброшу.

— Дурак! — сказал Поженян с упреком. — Кого в вытрезвитель? Ты знаешь, кто это такой? Это писатель Виктор Некрасов.

Милиционер подумал.

— Некрасов? "В окопах Сталинграда"? — Он посмотрел недоверчиво. — Это вас Хрущев ругал? Садитесь.

Он откинул клеенчатый полог коляски, и Некрасов был доставлен к дверям дома творчества с царскими почестями.

Другая история, похожая, произошла задолго до описанной.

В киевской пивной Некрасов повздорил с каким-то выпивохой. Вернее, тот с ним повздорил. И сказал так:

— Эх, дал бы я тебе сейчас, если бы ты не был похож на моего любимого писателя.

Несмотря на напряженность ситуации, Виктор Платонович поинтересовался, кто же этот любимый. И услышал свою собственную фамилию.

— Ну и чем дело кончилось, — говорил Вика, — ты понимаешь. Ба-альшой пьянкой.

Кажется, он никогда и ни в чем не выглядел слишком серьезно. Ходил всегда в пальто нараспашку, ворот рубахи расстегнут, в галстук я его никогда не видел и не могу себе представить. На серьезные вопросы отвечал несерьезно. На вопрос литературной анкеты "как вы пишете?" ответил: лежа. А вообще, говорил он часто, я не писатель и писать не люблю. Я ему иногда верил, видя, как охотно уклоняется он от писания, как с готовностью шатается по улицам, несется на край города, на край страны, на край света. Советский Союз он изъездил вдоль и поперек, а потом, когда стало возможно, без усталости носился по всему миру: Америка, Австралия, Япония. Когда ж при такой жизни писать? А вот писал же, и теперь, если все написанное им издать, получится солидное собрание сочинений.

Ненавидел все запреты. На мой вопрос, как ему удастся не толстеть, сказал: "Держу диету. Побольше жиров, побольше углеводов и побольше холестерина. Обожаю свежие булочки с маслом. И алкоголь в неумеренном количестве тоже очень рекомендую". Он ненавидел всякие надписи вроде "не курить", "не входить", "ногами не становиться". Как только их видел, так немедленно закуривал, входил и становился ногами.

Я думаю, что его жизнь никак не могла сложиться иначе. Потому что он жил в обществе, где были свои, очень определенные правила поведения, которые он нарушал постоянно. Мне рассказывали наши общие друзья, что при первом знакомстве еще в сталинские времена он сразу наговорил такого, что они отнеслись к нему с большим подозрением. А все потому, что вел себя необычно. О советской власти высказывался в любом обществе в такой форме, что слушатели иногда цепенели от страха. Совершенно не умел и не хотел пользоваться принятым в писательской среде языком намеков, особенно по телефону. Хотя иногда пытался.

О свержении Хрущева он узнал в Киеве раньше, чем его друзья в Москве. Он позвонил им по телефону и, памятуя, что говорить надо шифром, сказал, что прогнали лысого. Друзья продолжать разговор опасались, но очень уж было любопытно.

— А кто вместо него? — спросили они осторожно.

— А вместо него двое, — сказал Вика. — Первый Бровман (так на нашем языке именовался бровастый Брежнев), а второй... второй... — Вика подумал, — а второй Косыгин.

Перед моей первой и единственной туристической поездкой на Запад, в Чехословакию, я позвонил Вике в Киев.

— Володенька, — закричал он в трубку. — В Праге обязательно зайдя к Антончику. Ты знаешь, Антончик это такой парень, такой парень, советскую власть ненавидит так же, как мы.

Признаться, я думал, что после такой рекомендации меня, по крайней мере, снимут с поезда. Обошлось.

Он никогда не пыжился и не думал, что сейчас своим словом научит все человечество, как надо жить. В отношениях со всеми был ровен и демократичен, не в политическом и не в общественном смысле, а просто в человеческом. Он любил, когда его называли по имени-отчеству. Все его товарищи, которые были гораздо моложе, и даже дети называли его Викой. Но вот начальству это не позволялось, и когда министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева назвала его Викой, он тут же ее оборвал:

— Если вы не будете ко мне обращаться по имени-отчеству, я буду называть вас Катей.

Вика любил рассказывать и показывать, как министр опешила, смутилась, покраснела и пролепетала:

— Ну что ж, мне это будет только приятно.

Некрасов много пил, но для него это было не просто пьянство, а собутыльничество, момент общения, открытия души с друзьями близкими или случайными, которые на время пьянки становились как будто близкими. Эти пьянки были частью его жизни, причем частью ему весьма дорогой. Так же, как и Твардовскому, который пьяниц считал лучшей частью человечества, но с горечью признавал, что (цитирую) "даже среди пьющих попадаются плохие люди". Когда в Советском Союзе началась борьба с алкоголизмом, Некрасов уже с Запада откликнулся на нее вдохновенным гимном пьянству с друзьями или с одним другом. Это не просто пьянство, говорил он, а разговор, пусть невнятный, но сокровенный. Разговор, продолжающийся ночь напролет. Когда бутылка постепенно пустеет, комната темна от табачного дыма, а размокшие окурки плавают в тарелке с обсосанными селедочными хвостами. А для полноты ритуала надо, чтобы водки обязательно не хватило. Чтобы потом бежать куда-нибудь в ночь к таксистам, к полусонным ресторанным швейцарам. Чтобы втридорога купить очередную бутылку и опять туда, в ту же задымленную комнату, к тому же столу, к той же тарелке с размокшими окурками.

Может быть, я говорю слишком много о том, как он пил, но мне без этого обойтись трудно, потому что трезвым я его почти никогда не видел. В этом нет ничего оскорбительного для его памяти (и он сам, я уверен, не оскорбился бы), потому что видел я его в часы общений со мной и с другими, общений, которые без "ста грамм" были просто непредставимы. А когда он работал, я его, понятно, не видел. А сам он об этом, если и говорил, то только в том духе, что он человек ленивый и вообще не писатель, пишет неизвестно для чего, время от времени. Кто видел его жизнь со стороны, мог бы и поверить. То пьет, то опохмеляется, то встречает кого-то, то провожает, то путешествует, ложится к утру, встает к полудню, читает от корки до корки "Правду" и "Фигаро", шатается по книжным развалам, пивнушкам, картинным галереям, улочкам и переулочкам. А теперь, когда он помер, я стал считать, сколько он книг написал, и сам себе не поверил.

В отличие от анекдотического чукчи он был не только писатель, но и читатель, и читатель настоящий, благодарный (хотя утверждал, что ничего не читает). Раньше его любимой книгой были "Три мушкетера", потом рассказы Шукшина, с которыми он, по его словам, не расставался. Он всегда радовался появлению новых имен, радовался, когда открывал для себя новое, интересное, близкое. В России, я знаю, так было с Вячеславом Кондратьевым, здесь — с Сергеем Довлатовым. В последние годы предпочитал читать мемуары. С восторгом говорил о мемуарах Петра Григоренко и Евгении Гинзбург. Причем всегда начинал одинаково: "Ты знаешь, я толстых книг не читаю, но эту прочел и..." И сообщал о физиологическом конфузе, якобы с ним случившемся в результате испытанного восторга. Романы, впрочем, тоже читал: "Ты знаешь, я прочел Гроссмана и..." Конечно, опять случилось с ним то же самое. "Вот про меня говорят, Некрасов, правда о войне, правда о Сталинграде. Володенька, вот она правда о Сталинграде! И надо же! Я же с ним встречался, но я не знал, какой это писатель!"

Когда я с ним говорил последний раз по телефону (недели за две до его смерти), он сказал, как бы самому себе удивляясь: "Как ты думаешь, что я сейчас перечитываю? "Одноэтажную Америку"! И ты знаешь, что случилось?" Я, конечно, знал, что случилось.

Были времена, когда общаться с Некрасовым было лестно и "престижно". Тогда он окружен был тучей друзей. Когда настали трудные времена, многие из них стали шараться от него, как от чумы. А он, к моему удивлению, оказался всепрощенцем. Он даже порывался выпить с двумя кагебешниками, устроившими у него в киевской квартире обыск. Они умилили его своей вежливостью, тем, что не разрешая ему выйти из дому, прогуливали его собачку, и к тому же оба оказались тезками (Витями). А друзьям, которые шарахались, легко все простил, и изю всех мест, где бывал, звонил по телефону, слал открытки с диковинными видами, не упускал случая передать в Москву, в Киев, в Ленинград кому-нибудь что-нибудь, а когда друзья в процессе "перестройки" стали появляться в Париже, бежал сломя голову к ним на встречу.

Теперь в Советском Союзе сделаны первые шаги к его реабилитации. Сделаны, конечно, как всегда, слишком поздно. Но все-таки перед самой смертью он прочел о себе в "Московских новостях" добрые слова Вячеслава Кондратьева. И уже не прочел некролог, подписанный, кроме Кондратьева, Булатом Окуджавой, Владимиром Лакшиным и Григорием Баклановым. Некролог этот, с одной стороны, вызвал большое неудовольствие Егора Лигачева, но и с другой стороны, некоторых (например, меня) тоже полностью не удовлетворил. В некрологе сказано достаточно много: "Автор повести "В окопах Сталинграда", офицер саперного батальона, он стоял у истоков правдивого и честного слова в нашей литературе о войне..."

Но тут же и ложка дегтя, словно в песню Окуджавы вставили куплет из Долматовского: "...его отъезд за границу и некоторые выступления там в первые годы его эмиграции отдалили его от нас..."

Я не с луны свалился, и советские правила игры мне известны. Я знаю, что без таких оговорок имя Некрасова в советской газете никак не могло появиться. Скрепя сердце, я готов согласиться, что такой некролог лучше, чем никакой. Но поскольку за пределами советской юрисдикции у нас нет никаких причин исказить истину, я напомню, что за границу он был выпихнут насильно. Выпихнут за то, что выступал против произвола и совершал поступки, на которые и сейчас ни один из членов Союза писателей, включая самых отчаянных правдолюбцев и защитников природы, не способен. Признанный русский писатель, он в 1966 году организовал митинг памяти погибших в Бабьем Яру евреев, выступил в защиту Синявского и Даниэля, Сахарова и Солженицына, писал резкие письма по поводу психиатрических репрессий профессору Снегневскому (и тот, судя по одному из жалких ответов, чувствовал себя неудобно), вступался за многих, многих людей, именитых и безымянных.

В некрологе добавлена и вторая ложка дегтя, что, конечно, все хорошее написано Некрасовым между 1946 и 1974 годами, то есть на родине, а уж потом (иначе ведь и не бывает!) ничего интересного он не написал. С сожалением замечаю, что некоторым нашим коллегам (а не только казенным пропагандистам) очень уж хочется утвердиться в нехитром убеждении, что за границей писатель неизбежно кончается. Это вранье, опровергнутое жизнью неоднократно. Хотя бывает по-всякому. Шолохов, например, всю жизнь к родимым ковылям припадал, а после "Тихого Дона" (предположим, он его не украл), за сорок с лишним лет, не выдал из себя ни одной живой строки. У Фадеева или Федина вся главные достижения (их достоинства советской критикой тоже сильно преувеличены) остались в ранней молодости, а потом — постепенный или непостепенный спуск под гору. Ну, а вот, скажем, Куприн вернулся на родину, и что он там написал?

Я тоже считаю "В окопах Сталинграда" самой значительной книгой Некрасова, но это не мешает мне любить и другие его книги, повести, рассказы и путевые очерки, написанные по обе стороны Стены. И "В родном городе", и "Саперлипопет", и "Киру Георгиевну", и "Маленькую печальную повесть", и "Записки зеваки", начатые на родине и продолженные в эмиграции. Здесь он издал много книг, но вошло в них тоже не все им написанное. У него есть по крайней мере два первоклассных рассказа, которые по непонятным мне причинам он до самой смерти не напечатал. А еще один жанр, и вовсе в книгах не уместившийся, это его беседы, с которыми он регулярно выступал по радио "Свобода". Эти беседы "обо всем", вольные, безыскусные, полные юмора или горечи, или того и другого, всегда отличались таким обаянием, что не зря знакомые мне москвичи послушали их выезжали за город, где не так досаждают глушилки.

Нет, писатель Виктор Некрасов не кончился в 1974 году. Он писал до самой смерти и во всех своих книгах оставался самим собой, талантливым, правдивым и честным. А еще он был верным другом, задушевным собеседником, добрым человеком, был одним из тех редчайших людей, кого принято называть совестью народа.

ТУНЕЯДЕЦ КАРЛСОН И КОСМОПОЛИТ ЧЕБУРАШКА

Возьмите героя шведской писательницы Астрид Линдгрен — Карлсона. Дети буквально влюблены в него. Но чему может научить этот герой? Он ведь ничего не делает. Этот герой может научить разве что тунейдству... У нас во многих книгах четко прослеживаются идеи космополитизма. Как часто мы встречаем героев без роду и племени. Вспомните хотя бы Чебурашку.

"Книжное обозрение", № 40,
2 октября 1987 г.

"ЖИВУТ И ИСЧЕЗАЮТ ЧЕЛОВЕКИ..."

В России сеют и сажают.

А.Шевелев, член СП
(Литературная Россия, начало 1970-х.)

В Ленинграде вышла по видимости скучная, на самом же деле интересная и поучительная книга: справочник о "писателях-фронтовиках". В книге 296 биобиблиографических статей о таком же количестве литераторов. Статьям предпослан дежурный фрагмент из речи Горбачева. Кажется, однако, что не эти приевшиеся слова о "разящих строках" и "ярких образах" советской военной литературы приличествуют книге, а скорбный стих предшественника нынешнего лидера, покойного поэта-генсака Юрия Андропова, вынесенный нами в название, да жизнерадостный стих другого советского поэта, Анатолия Шевелева, — в качестве комментария. Это впечатлительное усиливает второй эпиграф к справочнику, из Вс.Вишневского: "Мы должны золотом по мрамору выбить их имена..." Увы, теней этим не напишешь, а разумное и доброе не увековечишь. "Удовлетворить постоянно возникающую потребность в сведениях о жизни и творчестве того или иного писателя" (так В.Бахтин определил назначение своего справочника) могут и должны энциклопедии и народное предание. Когда они молчат, возникает вопрос: а был ли писатель? Неудивительно, что мы не знаем, например, И.И.Демьянова (р. 1914), который всерьез, без тени улыбки, *четыре* (из 20) строк своей автобиографии отводит такому вот фронтовому шедевр:

Транспорта роль

на войне велика:

Транспорт от тыла до фронта —

рука!

некогда украшавшему военные дороги страны.

Все три слова в названии справочника В.Бахтина нуждаются в оговорках. Вполне понятно, что писатели для В.Бахтина — это члены Союза писателей (СП). Однако исторически в составе СП оказались не только прямые искусители муз, но и люди смежных с литературой профессий: ученые (историки литературы, филологи, лингвисты), затем журналисты и радиожурналисты, сценаристы, редакторы, драматурги-кукольники, переводчики, песенники, эстрадные куплетисты, авторы частушек и записок, очеркисты-популяризаторы, библиографы и собиратели фольклора (среди них — и сам В.Бахтин, прямо написавший в своей автобиографии: "Писателем, автором стихов и прозы, не стал"), газетные репортеры, литературные поденщики, всяческие историки заводской и фронтовой славы, соавторы-прилипалы, чиновники от литературы и т.п. В этой группе — не менее 140 имен. Если к ним добавить еще неудачников, дилетантов и тех, кто просто не успел оставить сколько-нибудь заметного следа в литературе¹, то из внушительной цифры в 296 писателей остается лишь около 50 имен, хоть что-то говорящих заинтересованному и нечуждому литературе читателю. Из них только 13 отмечены некоторым подобием славы. Это Ф.Абрамов, О.Берггольц, Ю.Герман, Д.Гранин, М.Дудин, В.Пикуль, Р.Погодин, А.Прокофьев, В.Рожественский, В.Саянов, Н.Сладков, Л.Успенский, В.Шефнер. Так обстоят у В.Бахтина дела со словом *писатель*.

Попытка выделить литераторов-ленинградцев оказалась еще менее успешной. Лишь те, кто к моменту завершения справочника состоял на учете в ленинградском отделении (ЛО) СП, или умер, будучи на учете в ЛО СП, или же был принят в состав ЛО СП посмертно, — признаны В.Бахтиным писателями-ленинградцами. Отбро-

Ленинградские писатели-фронтовики. 1941—1945. Автобиографии, биографии, книги. Автор-составитель Владимир Бахтин. Советский писатель, Л. 1985.

1

Здесь отметим Л.Савельева, согласно справочнику — погибшего, а в действительности пропавшего без вести на фронте в 1941 году. Сохранилась легенда о его необычайной литературной одаренности.

шены члены СП, жившие и писавшие в этом городе, участвовавшие (тоже — по принятой составителем классификации) в его защите и так или иначе связавшие с Ленинградом свою судьбу, но впоследствии переехавшие: Н.Тихонов, В.Вишневский, В.Лифшиц, Н.Чуковский и многие другие. Наоборот, учтен Б.Кауров (1924–1970), только последние шесть лет живший в Ленинграде, Г.Суворов (1919–1944) погибший на ленинградском фронте и принятый в ЛО СП посмертно, и т.д. Лишь 7 из 296 родились в Ленинграде. Но даже присоединяя к ним тех, кто родился в Петербурге, Петрограде и пригородах (Царском Селе, Павловске, Гатчине), мы и тут не наберем 24% уроженцев “брошенной столицы”. Ленинградцем признан В.Пикуль, хотя составитель и указывает, что он постоянно живет в Риге.¹ Вообще, самый принцип географической классификации писателей кажется ложным и очень советским. Он тотчас напоминает и о пресловутой прописке, и о том, что перемна места жительства для наших соотечественников, включая писателей, слишком часто означает либо служебное повышение, либо катастрофу.

Наконец, и слово *фронтовики* в названии справочника требует пояснений. Биобиблиографический материал разбит В.Бахтиным на два отдела: *На линии огня*, где представлены 250 членов ЛО СП (224 автобиографии и 26 биографических справок), служившие в армии в качестве солдат, офицеров и военных корреспондентов, и *В городе-фронте*, где собраны 46 справок о членах ЛО СП, умерших или погибших в осажденном Ленинграде, а также при (или вскоре после) эвакуации из него. К первому разделу добавлена статья об О.Берггольце, чье участие в защите города составитель приравнивает к солдатскому подвигу, и автобиография Г.Трифоновна (р.1916), инвалида, побывавшего “в расположении фронтов” в составе выездной редакции *Комсомольской правды*. Блокадники, уцелевшие “в городе-фронте”, фронтовиками не признаны. Натяжка очевидна, но в целом, с авторскими оговорками, эту схему можно признать приемлемой, — если только вообще принять, что писателей допустимо каким бы то ни было образом группировать поименно их воли.

Если верить справочнику, никто из “ленинградских писателей-фронтовиков” не был узником ГУЛага. Между тем хорошо известно, что это не так. Будь факт заключения отмечен хотя бы в нескольких случаях, умолчание не выглядело бы столь нарочитым, не заставляло бы доискиваться. По нашим подсчетам, из 220 учтенных В.Бахтиным и переживших войну членов СП от 50 до 90 (то есть от 23% до 41%) представлены статьи, в которых сделана попытка уклониться от

описания послевоенных лет, чаще всего в интервале между 1948 и 1958 годами. Составитель не восполняет лакуны в автобиографиях, библиографии (впрочем, на полноту не претендующие) показывают те же периоды молчания у тех же авторов. Издательская деятельность многих оживляется в 1956–59 годы, то есть в период реабилитаций и возвращений из лагерей. Конечно, во множестве случаев это означает лишь то, что пандемический страх прошел, свобод прибаловилось и началась хрущевская оттепель. Например, из справочника нельзя почерпнуть никаких сведений об А.Гитовиче в период с 1948 по 1965, — но он не сидел, а был лишь загнан в угол. Затеянное в конце 1940-х А.Прокофьевым уничтожение группы Гитовича почему-то не вполне удалось: Гитович и В.Шефнер покаяться и уцелели, В.Лифшиц спасся, переехав в Москву, А.Чивилихина вообще не тронули (он повесился в 1957, о чем В.Бахтин тоже не сообщает). Быть может, наша оценка числа погибших и завышена, но читатель поставлен перед необходимостью предполагать худшее. (Вопроса о посаженных и погибших в лагерях перед войной мы вообще не поднимаем.)

Все же из разглядывания дат можно вынести некоторые правдоподобные сведения или хотя бы поставить вопросы. Очеркист и редактор Г.Э.Сорокин, очевидно, погиб в заключении: дата и место его смерти — 1954, Коми АССР. (С ним связана и другая любопытная деталь: весьма вероятно, что, подобно С.Я.Маршаку, он начинал как сионист; его первая публикация в 1925 — сборник стихов *Галилея*.) Тридцать семь авторов написали свои автобиографии в период с апреля по начало июня 1952 года, что трудно признать случайным, ибо общий разброс дат под автобиографиями огромен и охватывает почти столетия, с 1938 по 1985 год. (Заметим еще, что далеко не все автобиографии датированы; весьма вероятно, что автобиографии А.Гитовича и критика Е.С.Добина были написаны тогда же.) В группе 37-и почти все обладают биографической ущербностью: это либо евреи, либо старые большевики и интеллигенты. Напомним, что 1952 год — год расстрела Антифашистского комитета еврейской общественности, пик борьбы с безродными космополитами. По-видимому, готовилось дело, и вся эта группа предназначалась к посадке.

Кого и за что сажали? Всех, за все. Например, прозаик, драматург и историк Д.Н.Аль (Альшиц, р. 1919) был посажен как сионист (вместе с известнейшим историком русской литературы И.З.Серманом), однако есть указания, что не последнюю роль в его судьбе и деле сыграло то обстоятельство, что в своей кандидатской дис-

¹ С В.Пикулем связана и другая странность: единственный во всем справочнике он категорически заявляет о себе: “Псевдонима не имею”. Между тем можно почти с уверенностью сказать, что Егор Иванов (Негромкий выстрел. Роман-хроника. М., 1977) — это псевдоним Пикуля. По-видимому, не случайна и стилистическая общность (простирающаяся до текстуальных повторов) Пикуля с Валерием Ганичевым (Росс непобедимый. Историческое повествование... Журнал *Молодая гвардия* № 12, 1983). (Это наблюдение принадлежит С.Дудакову.)

сертации (в 1947!) он установил факт фальсификации летописей Иваном Грозным (или, по приказу царя, дьяком Шелкановым) – в целях оправдания репрессий против бояр. Оскорбление национальных святынь не фигурировало в деле, но, кажется, подразумевалось. Однако в своей автобиографии Аль пишет: "С 1 января 1948-го по 1 января 1983 г. [я] работал в Публичной библиотеке...", пишет с полным правом историка, ценящего точность: после реабилитации его восстановили на работе и зачли ему тюремный срок как трудовой стаж. Другой пример: М.Г.Воскобойников, специалист по эвенкийской письменности, перевел с русского на эвенкийский слова *пионерский галстук* как *пионерский ошейник* (слова галстук нет у эвенков), испугался и сам на себя донес.¹ Его похвалили и отпустили, но потом все-таки посадили.

Установить, сколько из "писателей-фронтовиков" замешано в доносите́льстве, почти невозможно. Известно, что предательство и сотрудничество с *органами* процветало. Известно, в каком страхе жил с 1930-х и до своего смертного часа от всех и от всего отрекшийся поэт Всеволод Рождественский. Известно, что Г.И.Мирошниченко, почетный гражданин Азова (за исторические романы об этом городе), автор *Юнармии* и *Сынов прославленной России*, в бытность свою секретарем партийной организации ЛО СП санкционировал аресты писателей. Известен мне и один контрпример: после ареста в 1938 году Н.Заболоцкого А.Гитович, буквально рискуя жизнью, написал в КГБ бумагу, где клялся в полной невиновности своего старшего товарища. Замечательно, что факт этот стал достоянием гласности лишь после освобождения Заболоцкого: Гитович не признался в своей смелости даже самым близким людям.

В предисловии к справочнику составитель пишет: "Из уважения к скончавшимся или павшим на войне товарищам написанное ими не редактировалось, не исправлялось..." Значит, автобиографии тех, кто был жив к моменту выхода справочника, редактировались, исправлялись. Следов редакторских вторжений мы не обнаружим, зато имеется несколько выразительных обмолвок самих "писателей-фронтовиков". Например, Н.А.Внуков пишет: "в 1948 г. [я] приехал в Ленинград, поступил на физмат университета, но в 1949 г. махнул в Магадан, где окончил курсы картографов-топографов..." П.Г.Кобраков: "В поисках родителей в 1949 г. я оказался на Южном Сахалине – они туда переехали..."

А.И.Вересов: "Я еще не знал, что впереди более десяти лет работы над ними" (почти сложившимися книгами). Конечно, так можно заподозрить и напраслину. Например, А.А.Аквиллов сообщает о себе: "С 1948 по 1958 г. [я] работал на новостройках Крайнего Севера". Поэт действительно был в лагерях, но не заключенным, а охранником. Читатель, приученный к советским эвфемизмам, ошибется, но не по своей вине.

Иначе В.Бахтин обходится с автобиографиями покойных. В том же предисловии, несколько противореча себе, он пишет: "В целях экономии места некоторые тексты сокращены – убраны второстепенные анкетные данные". Символ [...] повторен в 147 автобиографиях чуть менее 400 раз, а в некоторых из них (И.Я.Айзеншток, К.И.Высоковского) он использован более десяти раз. Иногда в квадратные скобки заключены слова *после войны*, и можно только гадать, что содержал выброшенный фрагмент. Сокращения преобладают в старых биографиях, потому что в 1950–1960-х было принято упоминать о репрессиях и реабилитациях, а в 1970–1980-х это сделалось неприличным.

Неудобными, "второстепенными" оказались в послевоенные годы и анкетные данные о национальной принадлежности "ленинградских писателей-фронтовиков". До войны этих сведений не стыдились, да и многие из старых автобиографий были написаны как служебные, предназначенные для отделов кадров учреждений; в них просто полагалось указывать национальность. Теперь соответствующие места текстов пестрят отточиями. Автобиографии последних лет отточий не содержат: они написаны специально для книги В.Бахтина, в свободной писательской манере, – следовательно, очень осторожно и расчетливо, с учетом требований дня. Требования эти (по некоторым признакам, составителю неприятные) являются в целом русификаторскими, в частности же выражаются в настойчивом подчеркивании еврейского участия в революции (то есть в национальной катастрофе), и замалчивании – в войне.² Подразумеваемая национальность ленинградских писателей, особенно воевавших и погибших, – русские.

Можно допустить, что тайный пафос составителя, предстоящего в книге интернационалистом старого закала, разочарованного современностью, заключался в том, чтобы документально противостоять этим националистическим требованиям. Не называя евреев евреями, а русских

¹ Сын эвенковед, Андрей Воскобойников, тоже ленинградский писатель, доносил уже не на себя, а на товарищей по перу. В 1974 по его доносу был на 6 лет осужден Михаил Хейфец – за непечатанное, оставшееся в рукописи и даже незавершенное предисловие к машинописному собранию стихов И.Бродского.

² Первому много способствовали книги А.Солженицына; второе (замалчивание) началось едва ли не сразу после войны и прочно вошло в традицию: см. А.Адамович, Д.Гранин. Главы из блокадной книги. *Новый мир*, № 12, 1977. Л.Друскин так комментирует эту публикацию: "Свидетельствуют рабочие, интеллигенты, врачи, учителя, служащие Эрмитажа – и все они русские. Как будто в блокированном городе совсем не было евреев" (*Спасенная книга*. Воспоминания ленинградского поэта. 1984, стр. 224).

русскими¹, В.Бахтин сохраняет все же достаточно косвенных, но недвусмысленных указаний, позволяющих частично восстановить картину. Он понимал, что внимательные читатели у него найдутся.

Но можно предположить и другое: составителю хотелось, чтобы евреев в его списке было все-таки не так много. Это чувство становится понятным, когда выясняется, что доля евреев среди "ленинградских писателей-фронтовиков", по самой осторожной и скорее заниженной оценке, равна 31% (32 по первому и 26–28% по второму отделу книги), а доля евреев среди погибших во всяком случае превосходит 30% (30–37% по первому отделу) – при 5,1% евреев в Ленинграде по переписи 1959 года. Уже самый первый из погибших на фронте членов ЛО СП носил выразительную фамилию Канторович. Разумеется, здесь не учтены те, чьи еврейские корни известны, но кто с меньшим правом мог бы считать, считал или считает себя русским: Ю.Герман, Н.Грудникова, В.Бахтин и др.

(Эти подсчеты не имеют, конечно, в виду противопоставить русскому национализму – еврейский. Советская интернационалистическая платформа – как она была первоначально заявлена *на словах* и без сталинской поправки о первом среди равных – вполне приемлема для рецензента: ее он и восстанавливает.)

Приняв, с необходимыми оговорками, эти цифры, отметим тот факт, что очень многие евреи из числа "писателей-фронтовиков" предпочитают не помнить (или не напоминать другим) о своем еврействе: им нужно как-то жить в обществе, где поднимает голову средневековая легенда о жидомасонском заговоре против человечества. Составитель, вопреки своему обещанию, не раскрывает псевдонимов ныне живущих авторов-евреев, – вероятно, в полном соответствии с их пожеланиями. Что же касается слова *еврей*, то оно встречается в книге трижды, но лишь в одной из 296 статей употреблено в связи с членом СП, о котором в ней идет речь: в автобиографии составителя, Владимира Соломоновича Бахтина. В.Бахтин, тем самым как бы берет огонь на себя, однако делает он это в высшей степени расчетливо и эластично, в одной фразе сообщающей о своих родителях: "В 1918 году поженились сын бедного еврея и дочь действительного статского советника". В этой формулировке, помимо очевидного мужества, есть и точное следование духу времени: дворянское происхождение в современной России не только не опасно, но и способно хоть отчасти искупить неустрашимую примесь еврейской крови. Есть тут и ловкая подкачка: ничуть не солгав, В.Бахтин подводит читателя к мысли, что еврейской крови в нем (составителе) четверть, а не половина.

На нежелательном краю национального спектра книги вместе с евреями оказался и крымский татарин Риза Халид (имя, ставшее псевдонимом; по документам он – Роман Михайлович Халитов, о чем В.Бахтин тоже не сообщает). Как и евреи, он крайне сдержан: в его автобиографии не найти ни малейших следов национальной специфики (даже родная деревня называется Богатырь). Но спасибо составителю: уступая профессиональной педантичности, он добавляет к библиографии Р.Халида названия девяти (!) стихотворных книг, изданных автором "на родном крымско-татарском языке".

Умолчания, не связанные прямо с двумя рассмотренными темами, тоже дали бы немало анекдотов, по большей части трагических. Приведем один из них: поразительную историю литературоведа Цезаря Самойловича Вольпе. Он не "погиб при попытке переправиться через Ладожское озеро"² в сентябре 1941, а был взят в плен, назвался майором Быковым и до 1944 года сотрудничал в печатном органе власовцев, пока, наконец, не был признан евреем и уничтожен.

Большинство недостатков книги В.Бахтина, как мы видели, обусловлены внешними обстоятельствами. В справочнике не случайно отсутствует именной указатель и какая бы то ни было статистика. Однако пренебрежение к числам идет у В.Бахтина дальше требований места и времени. Говоря о членах СП (о людях), он считает их приблизительно, чаще десятками: "около 150 писателей", "около 40 человек", "почти 250 участников" и т.п. Называя точные цифры – он ошибается (или снова не договаривается). По его уверению, "27 писателей Ленинграда пали на фронтах Отечественной войны", – между тем в первом отделе книги – 30 статей о не доживших до победы. Правда, двое из них умерли в плену, еще двое – от простудных заболеваний (всего в госпиталях умерло пятеро), еще двое были приняты в ЛО СП посмертно, а о смерти одного вообще нет никаких данных, – но все же цифра 27 нуждается по меньшей мере в пояснениях. Вообще справочник оставляет без ответа множество им же обнаруженных вопросов.

Достоинство книги – необычная даже для советских справочных изданий тщательность. В.Бахтин неформально отнесся к выполнению решения секретаря СП СССР, предписавшего издание подобных книг всем отделением СП; он вложил в это неблагодарное задание не только громадный труд и любовь к деталям, но и душу, и страсть. Отношение В.Бахтина к советской литературе серьезно до комического, суждения и оценки устарели, язык посредственен, – но книга его далеко не бесполезна. Она обладает всеми достоинствами документа, притом не одной, а

¹ Вообще национальность прямо указана в книге лишь дважды: один из членов СП – "по происхождению курд", другой – "по национальности караим", то есть все-таки не еврей.

² Эта формулировка – типичный пример техники замалчивания, принятой составителем: здесь нет слова *эвакуация*, следовательно "писатель-фронтовик" Вольпе попросту бежал из Ленинграда.

нескольких эпох, и, как всякий документ, нуждается лишь в комментарии. Она служит нашей памяти – стало быть, и совести, и нравственной работе, и будущему. Конечно, не в меньшей мере всему этому могла бы послужить и книга о ленинградских инженерах или аптекарях, воевавших на фронтах и работавших в блокированном городе, – но таково уж отношение в СССР к слову *писатель*, что выпущена книга о членах ЛОСП, а не о членах профсоюза фармацевтов, чей труд уж точно был необходим всем. И таковы условия отбора в привилегированный клан, именуемый Союзом писателей, что рассказ о "воинском и творческом" "коллективном подвиге ленинградских писателей", из которых – "единственный случай в истории"! – был даже поначалу сформирован целый писательский взвод, – фактически же рассказ о всенародной трагедии,

а не о подвиге, – приобретает у В.Бахтина по временам оттенок трагикомический. Не он один – но и он тоже – виновен в непонимании простой истины, высказанной в Европе около двух тысяч лет назад: посредственность, не лишняя, а порою и полезная, и необходимая всюду, не может быть терпима в литературе. Здесь ее уделом неминуемо становится насмешка.

Что же касается писательского патриотизма, то, по мнению рецензента, новое время учит не связывать это чувство государственными границами и интересами. Объект его приложения для писателя – родная культура, в первую очередь – родной язык. Поэтому подавляющее большинство "ленинградских писателей-фронтовиков" предстает в книге В.Бахтина еще и посредственными патриотами. ●

Юрий Колкер (Иерусалим)

"ПОКА НЕ ТРЕБУЕТ ПОЭТА..."

Книга известного советского литературоведа Эммы Григорьевны Герштейн – первая после воспоминаний Надежды Яковлевны Мандельштам большая работа мемуарного характера, где собственные воспоминания автора дополнены новыми документами из архива друга Мандельштама – Сергея Рудакова, погибшего на войне.

Случилось так, что вышедшая в 1970 г. в Нью-Йорке книга воспоминаний Надежды Мандельштам, а затем ее "Вторая книга", ставшие бестселлерами и переведенные на многие языки, надолго стали почти единственным источником биографических сведений об Осипе Мандельштаме для широкого круга читателей. Многие факты биографии поэта, любимые им люди и книги, его образ жизни, его личность выпукло и ярко обрисованы талантливым пером Надежды Яковлевны. Можно, пожалуй, говорить и о том, что обаяние ее мемуаров надолго зафиксировало в сознании не только рядового читателя, но и специалистов образ гонимого, благородного, нищего поэта, из последних сил сопротивлявшегося давлению сталинского государства и в конце концов раздавленного его пятой. Это тоже своего рода "хрестоматийный глянec", и преодолеть его нелегко. Но книга Эммы Герштейн, выполняющая эту задачу, свидетельствует и о другом. Появление большой чисто биографической работы о Мандельштаме означает, что сейчас – хотя этого или нет официальные организации, определяющие литературную политику, – Мандельштам становится, вслед за Ахматовой и Пастернаком, классиком советской литературы. Неважно, что воспоминания Герштейн вышли за границы, важно, что в самом Советском Союзе осуществляется серьезная и кропотливая работа

по разысканию и изданию забытых и неизвестных текстов Мандельштама, по составлению его биографической летописи. Воспоминания московских друзей поэта биологов Бориса Кузина и Якова Рогинского, воронежского друга Мандельштама Натальи Штемпель, уже известные специалистам, пока еще ждут публикации. Книга Герштейн – часть этой нешуточной работы по воссозданию истинного облика поэта.

Около десяти лет автор был близким человеком в доме Мандельштамов, свидетелем творческих подъемов и творческого бессилия поэта, свидетелем гонений и наблюдателем его подчас суетной деятельности. В мемуарах Надежды Яковлевны о долгой дружбе с Эммой Герштейн сказано мимоходом. Вероятно, она была этим задета. Но уязвленность – еще не повод для книги. Э.Герштейн стремится в первую очередь восстановить репутацию других связанных с Мандельштамом людей, в том числе тех – их было немало, – о которых Н.Я. отозвалась неслестно, показать их подлинную роль в жизни и творчестве поэта, опираясь не только на собственные воспоминания, но и на свидетельства самого Мандельштама. Другая задача – стереть глянec, который волюн или невольно был наведен вдовой поэта.

Между великим поэтом и человеком – значительная дистанция. Это покоробит одних читателей, другие, быть может, отнесутся к этому философски, но важно документированное, достоверное обоснование данного факта. Менее всего мемуаристка стремится к сенсационности. Но любовь к Мандельштаму-человеку и преклонение перед его гением не могут заставить ее закрыть глаза на сложность и противоречивость его натуры.

Неправда, читаем мы у Герштейн, что Мандельштам был совершенно беспомощным и непри-

способленным человеком, — он боролся за себя, и притом не всегда прибегая к похвальным средствам. Неправда, что он был чужд своему времени, что этически он всегда и во всем оставался бескомпромиссным дореволюционным идеалистом. "Я человек эпохи Московщины", — сказал он о себе. Мандельштам жил в этом времени и по его законам, но поэзия его существовала в другом измерении, и потому его не принимали и третировали его современники-рапповцы и "попутчики", не воспринимало новое поколение читателей, воспитанное на революционных романтиках и Демьяне Бедном.

Эмма Герштейн много пишет о неустроенности поэта, о его метаниях в поисках пристанища, заработка, признания. Но одновременно, стремясь к материальной и социальной стабильности, Мандельштам жил под знаком выхода из литературы.

"Он не хотел быть писателем. Он не считал себя писателем. Он ненавидел письменный стол. Он небрежно обращался с ненужными книгами: перегибал, рвал, употреблял, как говорится, "на обертку селедки".

На домашнем языке это называлось "растоптать Москву". За то, что она [Москва] считала Мандельштама "бывшим" поэтом, за то, что проза его не была реалистической, а статьи были непонятны. И еще за то, что конфликт с Горнфельдом лишил Мандельштама налаживающейся было переводческой работы.

— Мы откроем лавочку, — увлеченно мечтал Осип Эмильевич. — Наденька будет сидеть за кассой... Продавать товар будет Аня.

— А вы что будете делать, Осип Эмильевич?

— А там всегда есть мужчина. Разве вы не замечали? В задней комнате. Иногда он стоит в дверях, иногда подходит к кассирше, говорит ей что-то... Вот я буду этим мужчиной.

Но вскоре опять — красноречивые обличительные тирады, беганье из комнаты в комнату, в коридор к телефону: хлопотать, жаловаться, требовать ответа... Жалобы, обвинения, заявления он диктовал Наде. И снова придумыванье новых покровителей, ожиданье назначенного числа".

Мандельштамы долгое время скитались по друзьям или снимали углы. Наконец, удалось приобрести двухкомнатную кооперативную квартиру, хотя формального права на вступление в кооператив они не имели.

"Энергия Мандельштамов преодолела все препятствия. Мандельштам был включен в список членов кооператива, — кто внес за него деньги, и вообще, был ли сделан паевой взнос, не знаю, — но какая-то неуверенность чувствовалась и продолжалась до самого последнего дня. По действующим законам, жилья нельзя было выселить, если на спорной площади стоит его кровать. Надя прекрасно это знала, и как только был назначен день общего вселения, с ночи дежурила у подъезда, поставив рядом с собой пружинный матрац".

А вот еще один любопытный штрих.

"Приходил к Мандельштамам ночевать один из бывших сотрудников "Московского комсомольца", молодой парень, бездомный и нищий. Будем называть его Икс. Однажды вечером я застала Мандельштамов в суете и тревоге. Оба бегали в волнении из комнаты в ванную, что-то мыли и вытряхивали. "Понимаете? Икс завел у нас вшей. Что делать?" Поздно вечером раздался звонок в дверь. Даже Надя, при всей своей несмущаемости, пришла в замешательство. А Осип Эмильевич открыл дверь и, не впуская Икса в квартиру, сказал просто и прямо: "Вот что, Икс, вы завшивели. Вам надо пойти в баню вымыться и продезинфицировать всю одежду. После этого приходите. Сегодня, к сожалению, мы не можем вас пустить". Я видела по лицу Икса, что он поражен ужасом, но обиды не чувствовалось. Это было удивительное свойство Осипа Эмильевича: в важные минуты — а отказать в ночлеге бездомному человеку было очень трудно — у него появлялись решимость и прямота".

Гротескный быт навязывает адекватное, подчас наивное, но, увы, далеко не всегда соответствующее нашим представлениям о поэте-небожителе поведение. В столкновении с этим бытом рождается новый уровень поэтического осмысления действительности.

Читаем дальше:

"Как-то, вернувшись из города домой, Надя весело рассказывала об одной из обычных трамвайных перебранок. Они пробивались к выходу, получая тычки и виртуозно отругиваясь. Но последнее слово осталось за оппонентом: "Старик беззубый", — обозвал он Мандельштама. Выйдя уже на переднюю площадку, Осип Эмильевич приоткрыл дверь в вагон, просунул голову и торжествующе провозгласил: "Зубы будут!" С этим победным кличем они сошли с трамвая."

"Особое впечатление это преобразование действительности в поэзию производило в стихотворениях "Еще далеко мне до патриарха" и "Полночь в Москве". Ведь это было на глазах. Появление трости с белым набалдашником, потому что у Осипа Эмильевича начались головокружения и одышка на улице, и это бестолковое времяпрепровождение безработного, бесцельные хождения по улицам или по таким делам, как забрать выстиранное белье в китайской прачечной, и вечная забота о дешевых папиросах, как бы не остаться без них на ночь, и прикуриванье на улицах у встречных. А московская летняя ночь в нанимаемой чужой комнате... И в раскрытые окна доносится шум не только засыпающего, но и просыпающегося города: это — ночная проверка трамвайных путей. Она начиналась двумя контрольными ударами молотом по рельсу, и этот гулкий звон долетал до каждого дома —

Ты скажешь: где-то там на полигоне
Два клоуна засели — Бим и Бом.

Нередко что-то начинали подправлять, завинчивать и пристукивать:

И в ход пошли гребенки, молоточки.
То слышится гармоника губная,
То детское молочное пьянино..."

В мае 1934 года Мандельштам был арестован за стихи о Сталине "Мы живем, под собою не чуя страны". На допросе он назвал всех, кому читал это стихотворение. Мандельштам получил три года ссылки в Чердынь, замененной, по ходатайству Бухарина, Воронежем. Вскоре после этого Эмму Герштейн сняли с работы, выдали плохую характеристику.

Она вспоминает о своей первой поездке в Воронеж: "Завтра утром я уезжаю. Осип Эмильевич завел со мной решительный разговор. Поскольку я не желаю оставаться дольше, я обязана сделать в Москве то, что сделала бы Надя, если бы я заменила ее здесь. Я должна пойти в ЦК партии и рассказать, как погибает в Воронеже Мандельштам. Ему не дают работы. Он умирает с голода. Последнее было трудно изобразить, потому что как раз на праздники у Мандельштама была курица и сгущенное молоко... Да кто же пустит меня в ЦК? — Не беспокойтесь, — важно ответил Осип Эмильевич, — если вы только скажете, что приехали от поэта Мандельштама, все сразу захотят выслушать. — Может быть, но не в бюро пропусков. — Может быть, вы боитесь? — спросил Мандельштам вызывающе. — А хотя бы так, — ответила я спокойно, но уже со сдержанной яростью. — А-а-а, — хвастливо закричал Осип, оглядываясь на Надю. — Мемуары будете писать после моей смерти, а о живом поэте не думаете?"

Я физически почувствовала, как бледнею от бешенства. Мемуары я пишу сейчас, через сорок лет, спровоцированная на это бесцеремонными воспоминаниями Надежды Мандельштам. Но тогда я об этом и не помышляла, потому что с Мандельштамами меня связывала душевная близость, а не историко-литературный интерес".

К слову сказать, до самого конца воронежской ссылки Мандельштам не был обделен вниманием друзей. Ссылка, что и говорить, была тяжким ударом, но еще большим испытанием было невнимание к нему литературных кругов и невозможность печататься. Чтобы обратить на себя внимание генералов от литературы, Мандельштам сгущал краски, преувеличивая тяжесть своего положения, — но кто посмеет его за это осудить?

После окончания ссылки, в мае 1937 года, поэт вернулся в Москву, хотя был лишен права проживания в столицах.

"Осип Эмильевич сидит на стуле в костюме, при галстике и ботинках, а Нади нет. С небрежной улыбкой он обращается ко мне и говорит вкрадливо: "Понимаете, оказывается, я не имею права жить в Москве. Мы про это ничего не знали. В Воронеже, когда мне выдавали паспорт,

мне ни слова не сказали про какие-то там минусы (ограничения). Сегодня утром приходит милиционер и требует моего выезда из Москвы в течение 24 часов. Надя пошла в город... шуметь... собирать деньги... А мы с вами вот что сейчас сделаем. Мы выйдем на лестницу, и я упаду в припадке. Вы подымете крик, выбежите на улицу, будете стоять перед нашим подъездом и зывать народ: — Безобразие! Поэта выкидывают из квартиры!! Больного поэта высылают из Москвы!! Я буду биться тут же в подъезде..."

Я оторопела. — Нет, я не могу, — бормотала я. Он меня настойчиво уговаривал. — Но почему же? — Осип начинал сердиться. — Симуляция — самый испытанный метод политической борьбы. — Нет. — Вы — дура! — закричал Осип и стал тащить меня за руку. — Идем! Я покажу, что значит настоящая политическая симуляция!! Я им покажу, они меня узнают!"

Супруги оставались в Москве, ночуя у знакомых. По мнению Герштейн, это было самоубийством. Близился срок нового и последнего ареста.

"Вскоре я узнала, что они приняли решение, на которое мало кто отважился бы в то страшное время. Оно было основано на глубокой вере Мандельштама в могущество своего таланта, на своеволии его жены и на страстном желании обоих остаться в Москве..."

Вероятно, разумнее было бы увезти Мандельштама куда-нибудь за стоверстную зону или в Старый Крым, где продолжала жить вдова Грина, а там уж настигла бы его судьба или миновала — неизвестно. Но в 1937 году болтаться по Москве и Ленинграду, не имея права жительства в этих двух городах, упрямо мелькать перед глазами насмерть перепуганных литературных деятелей или распалившихся от крови администраторов — было безумием для каждого, а для больного Мандельштама было трижды безумием! Но Надя не могла противиться стихийной тяге Мандельштама к легализации, а Осип был беспрерывно подстегиваем Надей в ее азарте авантюристики".

Книга Э.Герштейн — свидетельство борьбы поэта за свое признание, борьбы, в которой он был подчас готов поступиться даже собственным достоинством и достоинством близких людей. Одновременно читатель найдет в этой книге новые, интереснейшие детали творческого процесса, свидетельства ума и упрямства, поразительной пронизательности и столь же поразительного простодушия Мандельштама.

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света
Он малодушно погружен.
Молчит его святая лира,
Душа вкушает холодный сон,
И средь детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Пушкин знал, что стихи бывают лучше своего создателя. Знаем и мы, что хорошие люди — в самом бытовом, жизненном и житейском понимании этого слова — почему-то редко оказываются хорошими поэтами. Мандельштам, каким

его запомнила мемуаристка, со всем его обаянием и нешуточной неприкаянностью, — живая иллюстрация пушкинских стихов. ●

Олег Баталин

СКЕПТИЦИЗМ, ОСНОВАННЫЙ НА ТОЧНОМ АНАЛИЗЕ

В русской зарубежной публицистике нередко можно встретить мнение, что западные советологи неспособны разобраться в хитросплетениях политической реальности. Достаточно упомянуть, сколько энергии расходует, например, живущий в США талантливый публицист Лев Наврозов на разоблачение чуть ли не идиотической наивности американских советологов и работников госдепартамента, ничего-де не понимающих даже в том, что ясно для обыкновенной советской уборщицы.

Критиков западной советологии не останавливает одно немаловажное обстоятельство: после Второй мировой войны коммунизм не сумел утвердиться ни в одном западном демократическом государстве, что вряд ли было бы возможным, если бы специалисты-советологи не предлагали практическим политикам свои достаточно точные анализы советской системы и советского образа действий. Плюрализм не только в области политики, но и в научных исследованиях, конечно, не исключает возможности появления невежественных представлений о намерениях советских руководителей, и нередко западные политические деятели обращаются к нелучшим трудам по советологии. Однако в конце концов направленность западной политики определяют достаточно трезвые знания о социалистической действительности.

К числу знатоков советской системы на Западе принадлежит Бото Кирш, долгие годы руководитель русской службы радио "Немецкая волна", бывший в свое время корреспондентом нескольких западногерманских газет в Москве.

Небольшая по объему книга Б.Кирша о горбачевском периоде советской истории (смысл труднопереводимого названия книги можно передать примерно так: "Лазейка для Горбачева") отличается от уже написанных на эту тему прежде всего отрицанием оригинальности горбачевских мероприятий. Бото Кирш хорошо знает советское прошлое, а потому не рискует оказаться в числе тех, о которых Джордж Сантаяна сказал: "Кто не помнит прошлого, тот осужден пережить его вторично". Все, что теперь происходит в СССР, по мнению Кирша, — один из

вариантов советской политики, всегда остававшейся в своей основе ленинской. Горбачев усвоил ленинский стиль руководства, отличающийся гибкостью тактики и прямолинейностью стратегии. Признав катастрофическое отставание Советского Союза от капиталистических стран во всех областях жизни, Горбачев отнюдь не намерен преодолевать это отставание ценой отказа от абсолютной власти партийного аппарата и серьезного ограничения сферы действия органов безопасности. Автор книги убедительно доказывает, что абсолютная власть может сохраниться в СССР лишь при неизбежности социалистических основ экономики и подавлении любой политической оппозиции. Б.Кирш не затрагивает проблем нравственности, однако его исследование не оставляет сомнений в том, что для нового советского руководства, как и для всех прежних руководителей, интересы российского населения гораздо менее весомы, чем претензии "нового класса". Но даже если бы Горбачев действительно захотел сломать привилегии правящего класса, он не та фигура, которая способна осуществить революцию сверху, по примеру Петра I или Александра II. Анализ ситуации в стране и действий горбачевского руководства, проделанный Б.Киршем, подтверждает остроумное замечание Булата Окуджавы: "Революционная ситуация в СССР сейчас есть, только вот революционеров нет".

К выводу о революционной ситуации автор подводит читателя постепенно. "Четвертая революция" — так называется последняя глава книги. В первых главах он всесторонне анализирует основные аспекты советской действительности: экономику, право, национальный вопрос, внешнеполитические акции коммунистического руководства.

Во всех областях, кроме, может быть, военной (Кирш показывает, что и в этой, главной для советского руководства области СССР может похвастаться скорее количественным, чем качественным превосходством) реальный социализм оказался банкротом. Его сейчас обгоняют не только развитые демократические страны, но и страны Азии и Африки, отказавшиеся от советской экономической и политической модели (например, Кения и Берег Слоновой Кости). Причину провала социализма в СССР Бото Кирш редко ищет в русской истории или психологии

русского народа; главное для него — это социалистический способ производства, оказавшийся несостоятельным во всех странах, которые приняли марксистско-ленинскую утопию как руководство к действию. Подобно немецкому ученому Фридриху Хайеку и русскому социологу А. Федосееву, Бото Киш — убежденный противник планового социалистического хозяйства и сторонник свободного рынка. Последовательный либерал, он анализирует две системы не с позиций романтического утопизма, а с точки зрения практических преимуществ, которые может принести широчайшим массам капиталистический свободный рынок. Он не видит сегодня альтернативы свободному предпринимательству, совмещенному с правом трудящихся защищать свои интересы.

История советской экономики показала полную неспособность несвободной системы создать развитое хозяйство, одинаково удовлетворяющее как интересы государства, так и потребности граждан. Гонка вооружения, возникшая в конечном счете как следствие глобальных амбиций советского руководства — стремления распространить коммунизм на весь мир, — соревнование стран реального социализма и демократических стран Запада, не отражается на постоянном повышении уровня и качества жизни в развитых капиталистических странах, в то время как советские люди за 70 лет строительства социализма так и не узнали, что такое изобилие предметов потребления и свобода слова, передвижения, критики правительства.

В своих попытках совершить революцию без революции, то есть без замены полностью обанкротившегося способа производства другим, выдержавшим испытание временем, Горбачев производит двойственное впечатление. Эта двойственность отражена в книге Б. Киша, который изображает советского вождя то хитрым тактиком, в новых условиях осуществляющим старые цели, то каким-то чуть ли не религиозным реформатором, проповедником, верящим в заклинательную силу слова. Кажется, автор более склонен принять первый образ. Действительно, трудно поверить, что сегодняшний реальный политик может возлагать больше надежд на магию слов ("перестройка", "демократизация", "гласность"), чем на конкретные экономические и политические мероприятия. Вместе с тем отнюдь не исключено, что будущее усвоит образ Горба-

чева как последнего из могикан романтического коммунизма, чем-то родственного хилиастическим учениям.

Как бы то ни было, вряд ли будет правильно с одинаковым скептицизмом отнестись к "перестройке" и "демократизации", с одной стороны, и к гласности — с другой. Похоже, что никакой серьезной экономической перестройки и демократизации политической жизни в СССР пока что не происходит (даже ведущий идеолог СЕПГ Курт Хагер назвал в интервью журналу "Stern" советскую перестройку "переклеиванием обоев"). Что же касается гласности, то это вполне осязаемая реальность (следует только не путать понятия "гласность" и "свобода слова и информации"). Так что скептическое отношение автора разбираемой книги к гласности едва ли можно разделить, тем более что и он сам свои беспощадно точные оценки ситуации в СССР подтверждает в большинстве случаев ссылками на открытые советские источники.

Вместе с тем абсолютно верно утверждение Бото Киша, что все, что теперь выдается за достижения политики "гласности", собственно говоря, уже давно осуществлено в передачах западных радиостанций: не журнал "Октябрь" первым сделал для советских граждан доступной поэму Ахматовой "Реквием", не "Знамя" — "Собачье сердце" Булгакова, не "Новый мир" — "Доктора Живаго", а русские службы "Немецкой волны", радио "Свобода" и Би-Би-Си. Да и само по себе провозглашение гласности как необходимого лекарства для оздоровления общественной жизни СССР прозвучало в эфире в тексте переданного западным радио обращения Солженицына к Союзу писателей СССР еще в ноябре 1969 года.

Трудно представить себе, чтобы книгу Бото Киша смогли держать в руках читатели в СССР, если эпоха "гласности" не сменится эпохой подлинной свободы информации. Но эта книга должна стать необходимым пособием для западных политиков, советологов, преподавателей страноведения, она будет полезна и интересна всем, кто интересуется нашей страной и думает о ее будущем. Книга может отрезвить и тех эмигрантов, которые склонны к эйфорическому восприятию событий, происходящих сейчас на родине. ●

Герман Андреев
(Гермерсгейм, ФРГ)

КОНЦЫ И НАЧАЛА

Книгу, изданную семь лет назад, журналы обычно не рецензируют. Однако мир, в котором мы живем, трудно считать обычным. Книга напи-

сана в Советском Союзе, а вышла в Иерусалиме под псевдонимом. (Недавно мы узнали, что автор, доктор наук Леонид Грецишкин выехал за рубеж.) Ничтожный тираж, отсутствие рекламы, — надо ли удивляться, что работа не привлекла внимания даже специалистов?

И жаль. Книга Сомова — явление интересное. Интересное прежде всего тем, как автору удается преодолеть "сопротивление материала" — те расхожие стереотипы, с помощью которых принято описывать советскую хозяйственную систему. Наиболее устойчивый и вредный из этих стереотипов — взгляд на советскую экономику как на экономику нормальную, хотя и имеющую свои специфические особенности. При таком подходе исследователь исходит из допущения, что советский бюджет — это настоящий бюджет, деньги — это деньги, прибыль — прибыль, рост производства или производительности труда — действительный рост, а не его цифровая имитация.

Представления эти настолько живучи, что их не смог до конца преодолеть и Евгений Сомов. Об этом свидетельствует уже название книги. Конечно, термин "государственный капитализм" придумал не он. Этот термин встречается и у Каутского (со знаком минус), и у Ленина — часто со знаком плюс. Оба марксиста, видимо, полагали, что переход средств производства в руки государства не меняет природы строя: это будет все тот же капитализм, но с сильно выраженной склонностью к монополии. К государственной монополии.

Не исключено, впрочем, что вначале, в годы нэпа, так оно и было. Однако сталинская революция тридцатых годов привела к тому, что возникла совсем иная система. Можно спорить (как это делает Н.Шмелев в нашумевшей статье "Авансы и долги"), следует ли считать эту систему истинно социалистической, но бесспорно, что и с капитализмом у нее нет ничего общего. Ибо капитализм — любой капитализм! — предполагает существование свободного рынка (в том числе рынка труда), конкуренцию, действие закона стоимости.

Ничего этого в Советском Союзе нет. Достаточно сказать, что предложение здесь определяется не спросом, а административными решениями, что "игра цен" заменена государственной "политикой цен", что деньги утратили свою роль всеобщего эквивалента, превратившись в талоны, в условное обязательство государства: отоваривать их тем, чем оно сочтет нужным...

Понятно, дело не в терминологии, а в характере тех производственных отношений, которые сформировала новая система. И тут Е.Сомов свободен от иллюзий. Победа над законом стоимости, пишет он, "позволила новому классу, стоящему у власти, не покупать рабочую силу, а получить ее в собственность, поэтому вопрос о ее стоимости отпал, и она обходится совокупному собственнику в размерах издержек на ее воспроизводство. Естественно, что эти издержки покрываются наиболее экономичными с точки зрения нового класса товарами потребления. Монопольное распределение с правом назначать

цены превратило торговые понятия "выбор" и "ассортимент" в пустые слова. Возникающее противоречие между истинными потребностями народа и предписанным свыше ассортиментом и качеством выражается в постоянной нехватке товаров. В отличие от состояния инфляции, характерной для стран с открытой экономикой, в госкапиталистической системе роста цен при нехватке товаров почти не происходит, но возникает специфическое состояние хронического дефицита и полного отсутствия многих важных жизненных средств при скоплении в руках населения большой массы бумажных денег. Эта тенденция является имманентным законом госкапитализма, законом нищеты".

Прошу прощения за длинную цитату, но мне хотелось сразу же познакомить читателя с духом и стилем книги. Спокойный, суховатый анализ объясняет, почему те или иные особенности системы с неизбежностью приводят к определенным экономическим результатам: к невиданной расточительности, развалу, бесхозяйственности, застою в науке и технике, массовому браку, всеобщему дефициту.

Автор определил свою книгу как "очерк политической экономики новой индустриальной системы". Это действительно очерк, то есть предельно краткое описание совершенно новой системы. Краткое, но чрезвычайно емкое. На неполных 79 страницах Сомову удалось не только проанализировать все основные элементы советской экономики (труд, зарплата, цены, сферы производства и потребления, механизм управления), но и описать их генезис.

Наиболее содержательна глава седьмая, "Государственный капитализм и сельское хозяйство". В этой небольшой главе автор сообщает о нэпе, его причинах, ярком начале и печальном конце больше, чем объемистые советские исследования последних лет — с тех пор, как нэп стал модным.

Я вовсе не хочу сказать, что все в книге кажется мне одинаково убедительным. Иной раз автор мельчит, сбивается на скороговорку. Я убежден, однако, что одобрения и развития заслуживает сам подход автора. Подход, при котором существующий в СССР строй рассматривается не как одна из разновидностей современной экономической системы, а как некое административно-политическое чудовище.

"Наша книга, — пишет Сомов, — была бы мрачным пророчеством, если бы мы не попытались показать обреченность этого зла, его концы, концы, которые одновременно служат началом нового более свободного развития". Это, напомним, написано не позднее 1980 года. Сейчас мы уже видим признаки именно такого хода событий. Дело, наверное, не в том, что нынешние советские руководители дальновиднее прежних. Просто "концы" стали ближе.

Р.Б.

И все же, мой брат, моя сестра, не отчаивайся,
Иди, как и прежде, вперед, — Свободе нужна твоя служба,
Одна или две неудачи не сломят Свободу — или целый ряд
неудач,
Или косность, или неблагодарность народа, или предательство,
Или оскаленные клыки властей, пушки, карательные законы,
войска.

То, во что мы верим, притаилось и ждет на всех
континентах,
Оно никого не зовет, оно не дает обещаний, оно пребывает
в покое и ясности, оно не знает уныния,
Оно ждет терпеливо, чтобы наступил его срок.

(Да, я воспеваю не только покорность,
Я также воспеваю и мятеж,
Ибо я верный поэт каждого бунтовщика во всем мире,
И кто хочет идти за мною — забудь об уюте и размеренной
жизни,
Каждый миг ты рискуешь своей головой.)

Бой в разгаре, то и дело трубят тревогу, — мы то наступаем,
то отходим назад,
Торжествуют враги или думают, что они торжествуют,
Тюрьма, эшафот, кандалы, железный ошейник, оковы
делают дело свое,
И славные и безыменные герои уходят в иные миры,
Великие трибуны и писатели изгнаны, они чахнут в тоске на
чужбине,
Их дело уснуло, сильнейшие глотки удушены своей собствен-
ной кровью,
И юноши при встрече друг с другом опускают в землю глаза,
И все же Свобода здесь, она не ушла отсюда, и врагам
досталось не все.

Когда уходит Свобода, она уходит не первая, не вторая, не
третья,
Она ждет, чтобы все ушли, и уходит последней.

Когда уже не вспоминают ни героев, ни мучеников,
Когда вся жизнь и все души людей начисто уничтожены в
какой-нибудь части земли,
Только тогда Свобода или идея Свободы исчезает в этой
части земли и враг торжествует вполне.

Уолт Уитмен, "Европейскому революционеру,
который потерпел поражение" (1856 г.)
Перевод К. Чуковского

Уважаемые читатели! Приближается конец года. Просим возобновить подписку на 1988 год — пятый год существования журнала СТРАНА И МИР.

- Журнал СТРАНА И МИР выходит в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского и Бориса Хазанова.
- В журнале печатаются видные писатели эмиграции, авторы, живущие в СССР, известные зарубежные публицисты и эссеисты.
- Журнал публикует актуальную политическую информацию о важнейших событиях в мире, выступления и интервью западных политических лидеров.
- Журнал информирует читателей о внутрисоюзной ситуации и общественной жизни в СССР, печатает большое количество материалов, получаемых из Советского Союза, помещает регулярные обзоры советской экономической жизни, внимательно следит за происходящими в стране переменами.
- Обширный культурно-философский и литературно-критический отдел знакомит с не известными русскому читателю именами зарубежных писателей, историков, философов, теологов, публикует тематические и обзорные материалы о советской, зарубежной русской и иностранной литературе.
- Журнал иллюстрирован рисунками и фотографиями.
- Журнал видит свою задачу в том, чтобы восстановить искусственно нарушенное взаимопонимание русскоязычного мира и демократического Запада, в сознании общих целей — борьбы с тоталитаризмом, за достоинство личности, против попрания прав человека и гражданина.
- Мы поддерживаем все разумное, демократическое, плюралистическое в нашей стране и противодействуем тенденциям ретроградного развития, под каким бы флагом оно ни происходило; мы ставим своей целью быть не позади, а впереди общественного и культурного развития на нашей родине. При этом, однако, журнал проводит четкую грань между мнениями и фактами, между позицией и информацией.

Журнал СТРАНА И МИР обращен ко всем соотечественникам по обе стороны разделяющего нас рубежа, ко всем читающим по-русски, и к каждому, для кого интересы отечества остаются главными, для кого боль этой страны — его собственная боль.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем.марок, в США, Канаде и Израиле — 106 марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 116 марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, присылаемого в редакцию.

При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению. Цена одного номера 12 нем. марок.

Стоимость доставки включена в подписную плату. В неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Розничная продажа ограничена.

Адрес редакции: Das Land und die Welt e.V. Schwanthaler Str. 73, D-München 2
Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет: Deutsche Bank München, Konto-Nr. 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Почтовый счет: Postgiroamt München, Konto-Nr. 223981/804 (BLZ 700 100 80)

СТРАНА И МИР 1988